

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2

2019

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, ректор
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по
научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет»

Билалов Мустафа Исавевич, доктор философских наук, профессор, заведующий
кафедрой онтологии и теории познания ФГБОУ ВО «Дагестанский государст-
венный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор
кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагес-
танский государственный педагогический университет»

Великая Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профес-
сор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Виноградов Борис Витальевич, доктор исторических наук, профессор, профес-
сор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук профессор,
профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского ме-
дико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский госу-
дарственный медицинский университет Минздрава России»

Горобец Людмила Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор
кафедры отечественной филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры всеобщей и отечественной истории преподавания ФГБОУ ВО «Арма-
ви́рский государственный педагогический университет»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профес-
сор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Ар-
мави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования
Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заве-
дующий кафедрой технологии и дизайна преподавания ФГБОУ ВО «Армави́р-
ский государственный педагогический университет»

Игропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий
научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального обра-
зования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Казаров Саркис Суменович, доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры археологии и истории древнего мира ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения
и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профес-
сор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО
«Белгородский государственный институт искусств и культуры»

**«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

2019 г.

№ 2

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский край*

Web site:

<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail: vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК-378
ББК-74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX-XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Мозгот Валерий Георгиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории музыки и методики музыкального воспитания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор, кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Скрипник Константин Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Спирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракельянц Владимир Араkelович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Туличкина Елена Александровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Чермит Казбек Довлетмизович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой общей педагогики ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Ответственные редакторы
Гладченко Виктория Евгеньевна

Технический редактор
Зданевич Лилия Владиславовна

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Белякова А.М. Социальное партнёрство: детский сад и дополнительное образование	5
Дубовицкая Д.А., Уваров Е.А. Значение жизнестойкости в учебно-профессиональной деятельности студента	15
Дьякова Е.А., Сечкарева Г.Г. Цифровизация образования как основа подготовки учителя XXI века: проблемы и решения	24
Соловей Д.В., Спирина В.И. Особенности образовательной среды военного вуза	36

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Иманбаева Ж.М. Культура как система ценностей	44
Фомин В.Н., Похилько А.Д. Ценности морали и права в России	57

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Агеева П.В. Некоторые аспекты складывания семейного быта у горских армян (черкесогоев)	64
Горшенин А.В. Участие большевичек Марии Оскаровны Авейде и Серафимы Ивановны Дерябиной в становлении Советской власти в Самаре в 1918 г.	75
Дударев С.А. Этнополитическая и социокультурная обстановка на Украине в конце 1918 – начале 1919 г. (по произведениям М.А. Булгакова)	86
Малахов С.Н. Николаевская тихоновская община г. Армавира в середине 1920-х гг. (по архивным материалам)	101
Малинский А.В. Памяти кубанского миссионера – священника Алексия Ивлева (к 170-летию со дня рождения)	115
Панарин А.А., Панарина Е.В. Роль предприятий местной промышленности и кооперации в восстановлении хозяйства Краснодарского края в 1943-1945 гг.	127
Приймак Ю.В., Курьян А.М., Фольк Е.С. 37-й отдельный моторизированный понтонно-мостовой батальон в боях за плацдарм и переправу через Кубань у села Новомихайловского в августе 1942 г.	136
Тлячев А.А. Причины и характер переселения западных адыгов в Османскую империю во второй половине XIX века	155
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	165
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета»	171

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

Belyakova A.M. Social partnership: pre-school and supplementary education	5
Dubovitskaya D.A., Uvarov E.A. The importance of hardiness in educational and professional activity of a student	15
Dyakova E.A., Sechkareva G.G. Digitalisation of education as a basis of training teachers of the XXI century: problems and solutions	24
Solovey D.V., Spirina V.I. Features of the educational environment of a military university	36

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Imanbayeva Zh.M. Culture as a value system	44
Fomin V.N., Pokhilko A.D. Values of morality and law in Russia	57

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Ageeva P.V. Some aspects of establishing family life of the gorsky Armenians (cherkesogais)	64
Gorshenin A.V. The participation of bolsheviks Maria Oskarovna Aveide and Seraphima Ivanovna Deryabina in the establishment of soviet power in Samara in 1918	75
Dudarev S.L. Ethnopolitical and sociocultural situation in Ukraine at the end of 1918 – early 1919 (based on M.A. Bulgakov's literature works).....	86
Malakhov S.N. Nikolaevskiy tikhonovskiy community of Armavir in the mid-1920s (according to archival materials)	101
Malinsky A.V. For memory of a Kuban missionary priest Aleksy Ivlev (to the 170th anniversary of his birth)	115
Panarin A.A., Panarina E.V. The role of enterprises of local industry and cooperation in restoring the economy of Krasnodar Krai in 1943-1945.	127
Priymak Yu.V., Kuryan A.M., Folk E.S. The 37th separate motorized pontoon-bridge battalion in fights for a bridgehead and a crossing over the Kuban at the village of Novomikhaylovskoe in august 1942	136
Tlyachev A.A. The reasons of resettlement of the west Adyghes to the Ottoman empire in the second half of the XIX century	155
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	165
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	171

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 372.3

Белякова Алла Михайловна

преподаватель кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Belyakova Alla Mikhailovna

lecturer of the Department of Pedagogy and Technologies of Preschool and Primary Education, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЁРСТВО: ДЕТСКИЙ САД И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

SOCIAL PARTNERSHIP: PRE-SCHOOL AND SUPPLEMENTARY EDUCATION

Аннотация:

В статье рассматриваются варианты социального партнёрства: реальные и потенциальные. Социальное партнёрство, объединяющее интересы и ресурсы двух систем во имя единой и главной цели – развития ребёнка, имеет большие потенциальные возможности для реализации идей обновления и перевода дошкольного образовательного учреждения в инновационный режим. Социальное партнёрство в сфере образования – это сотрудничество, которое иницирует систему образования, как особую сферу общественной жизни, способствующую формированию демократического общества. Такое понимание партнёрства является значимым, важным, позволяющим изменять, проектировать, тестировать и устанавливать новые социально значимые функции системы образования.

Abstract:

The article discusses the options of real and potential social partnership. Social partnership, which combines interests and resources of two systems to achieve the main goal – the development of a child, has great potential for the implementation of ideas of renewal and transfer of preschool education to the innovative mode. Social partnership in the field of education is a cooperation that initiates the education system as a special sphere of public life, contributing to the formation of democratic society. Such understanding of partnership allows to change, design, test and establish new socially significant functions of the education system.

Ключевые слова:

социальное партнёрство, воспитание, дошкольное образование, модернизация, дополнительное образование.

Keywords:

social partnership, education, pre-school education, modernization, supplementary education.

Думать вместе и действовать сообща.

О. Конт

Однажды Л.Н. Толстой заметил, что расстояние между новорождённым и пятилетним ребёнком во много раз больше расстояния между пятилетним и им, семидесятилетним стариком. Великий мыслитель и педагог понимал значимость особой восприимчивости маленьких детей к воздействию окружающей среды. И, действительно, потенциальные возможности развития ребёнка в дошкольном возрасте огромны. Следовательно, огромна и ответственность педагогов, воспитателей за создание условий для раннего выявления и развития задатков и способностей детей и таланта, который заключён в каждом ребёнке.

В 2012 году был принят Федеральный Закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» – документ, в котором излагается Концепция модернизации российского образования на период до 2025 года и сформулирована образовательная политика государства. Актуализация государственного заказа на дошкольное образование требует и от образовательных учреждений в целом, и от педагогов в том числе не только осмысления Закона, но и конкретных мер по его выполнению. Основные идеи модернизации и обновления, содержащиеся в Концепции, таковы:

- идея воспитания: приоритет отдаётся воспитанию определённых качеств личности (а не накоплению знаний, умений и навыков) – личности, которой предстоит жить в XXI веке – веке новых информационных технологий. Если перенести эту идею на дошкольные образовательные учреждения, то, как нам представляется, первое место в воспитании ребёнка должно быть отдано воспитанию здоровой личности, здоровой физически, психически и нравственно;

- идея качества образования: под качеством понимается соответствие конечного результата реализации поставленной цели требованиям и запросам, которые представляются государством и обществом;

- идея доступности образования: представление населению широкого спектра доступных образовательных услуг.

Следует заметить, что, какими бы замечательными ни были программы нового поколения, дошкольное образовательное учреждение ныне в силу изменившейся образовательной ситуации не может в полной мере удовлетворить возросшие запросы государства и непосредственных социальных заказчиков – родителей. Иначе не появилось бы по всей стране так много центров раннего развития детей в учреждениях дополнительного образования. Практика показывает: занимаются там не только дети, которые не посещают детский сад (так называемые неорганизованные).

Эта ситуация подсказывает одно из радикальных средств обновления – организацию социального партнёрства дошкольных образовательных учреждений и системы учреждений дополнительного образования детей. Дополнительное образование с его сложившимися за 90 лет традициями и огромными возможностями для удовлетворения вариативных образовательных запросов очень близко дошкольным образовательным учреждениям по целям, духу и принципам работы. И потому социальное партнёрство, объединяющее интересы и ресурсы двух систем во имя единой и главной цели – развития ребёнка, имеет большие потенциальные возможности для реализации идей обновления и перевода дошкольного образовательного учреждения в инновационный режим.

Социальное партнёрство (от фр. *partenaire*) – участник совместной деятельности) цивилизованная форма социальных отношений, обеспечивающая добровольное сотрудничество при соблюдении интересов всех сторон, объединяющих усилия в достижении общих целей на основе диалога и взаимовыгодного социального обмена идеями, информацией, ресурсами. Сотрудничество базируется на общих ценностных ориентирах, этических принципах, взаимном уважении и доверии. Его особенность заключается в необходимости «думать вместе и действовать сообща» (О. Конт), а суть – в признании чужих интересов как основного условия существования собственных. Как показывает практика, контакты этих двух систем – ДОУ и дополнительного образования – существуют, но они единичны и не исчерпывают всего своего потенциала.

Рассмотрим варианты социального партнёрства: реальные и потенциальные. Наиболее часто встречающийся вариант: педагоги дополнительного образования реализуют его программы на базе дошкольного образовательного учреждения. Такие программы не дублируют, а дополняют основные программы, реализуемые педагогическим коллективом дошкольного учреждения. Анализ опыта показывает, что запросы педагогов и родителей ограничиваются стандартным набором требований, где английский и хореография занимают главное место. Однако возможности учреждений дополнительного образования намного шире!

Второй вариант: единичные выездные концерты и спектакли творческих объединений учреждений дополнительного образования и детских музыкальных школ в детских садах города.

Третья форма партнёрства получила широкое распространение в Санкт-Петербурге: некоторые основные образовательные программы реализуют педагогами ДОО не в детском саду, а на базе учреждений дополнительного образования детей. Зачастую это происходит в мастерских, театральных объединениях, лабораториях, музеях, компьютерных классах.

Существует и такой опыт: на базе учреждения дополнительного образования в течение всего года проводятся различные календарные и тематические праздники, например, «День именинника».

Четвёртое направление взаимодействия – реализация программ дополнительного образования педагогами ДОО, которые, работая по совместительству в учреждениях дополнительного образования, разрабатывают программы, реализуя свои хобби, увлечения, интерес к какому-либо виду деятельности (например, начальное техническое моделирование, бисероплетение, макраме и т. п.). Как правило, благодаря большому методическому опыту, хорошему знанию детей, их возможностей и особенностей реализация программы идёт планомерно и целенаправленно и даёт результаты.

Итак, для слаженного взаимодействия детского сада и учреждения дополнительного образования необходима прежде всего концепция развития. Она должна содержать два уровня: первый – решение задач, обозначенных в государственном заказе (Концепция модернизации) как инвариантный (т. е. обязательный), и второй – решение задач, которые отражают социальный

заказ (вариативный) родителей как основных заказчиков. Такая модель должна рассматриваться педагогическим коллективом как целевая установка их деятельности.

Цель обозначена. Значит, второй шаг – создание чёткого и ясного плана, направленного на реализацию генеральной цели.

Шаг третий – организация социального партнёрства. Руководителю дошкольного учреждения необходимо проявить инициативу и выйти на руководителей учреждений дополнительного образования с конкретно сформулированными запросами. Далее – это организация встречи и диалога двух руководителей с определением взаимных интересов, ресурсов и действий.

Успешные результаты не заставят себя ждать, если помнить о цели, общей для всех, – развить способности детей, научить их, заинтересовать, сделать счастливыми.

Основные положения Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (ФГОС ДО) на основе социального партнёрства утвердить основные принципы содействия и сотрудничества детей и взрослых в процессе развития детей и их взаимодействия с людьми, культурой и окружающим миром; приобщение детей к социально-культурным нормам, традициям семьи, общества и государства. ФГОС решает задачи формирования общей культуры воспитанников; взаимодействия педагогических объединений с общественностью.

Социальное партнерство в сфере образования – это сотрудничество, которое инициирует систему образования, как особую сферу общественной жизни, способствующую формированию демократического общества. Такое понимание партнёрства является значимым, важным, позволяющим изменять, проектировать, тестировать и устанавливать новые социально значимые функции системы образования.

Одной из актуальных проблем образовательных учреждений является создание условий, которые обеспечивали бы возможность развития и проявления творческой активности детей, позволяя им в полной мере реализовывать свои собственные возможности. Дополнительное образование становится такой образовательной средой, поскольку расширяет возможности

детей по приобретению знаний и навыков, которые позволят им успешно адаптироваться к социальной среде, развивать и реализовывать свой творческий потенциал. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» дополнительное образование определяется как «вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, духовно-нравственном, физическом и профессиональном развитии и не сопровождается повышением уровня образования».

С выходом Концепции дополнительного образования детей (утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 04.09.2014 № 1726-Р), изменяющиеся подходы к организации дополнительного образования и дополнительных образовательных услуг, становятся особенно актуальным, выходят на новый уровень реализации. В связи с этим многие ДОО используют одно из радикальных средств обновления – организация социального партнёрства дошкольных образовательных организаций и системы учреждений дополнительного образования детей.

Социальное партнёрство базируется на общих этических принципах, взаимном уважении и доверии. Его особенность заключается в необходимости «думать вместе и действовать сообща», а целью является развивать способности детей, научить их, заинтересовать, сделать счастливыми.

На сегодняшний день социальное партнерство как вид межсубъектных отношений представляет собой новое явление общественной жизни. Такое социальное взаимодействие рядом авторов (Е.Е. Алексеевой, Т.И. Бабаевой, Т.А. Нежной, И. А. Хоменко и др.) рассматривается как объединение усилий субъектов для совместного оптимального решения педагогических проблем в области обучения, развития и воспитания детей.

Социальное партнерство дошкольной организации с дополнительными учреждениями имеет разнообразные формы и уровни:

- партнерство внутри системы ДО между социальными группами профессиональные общности (педагогические советы, объединения специалистов по актуальным вопросам оказания помощи детям и их родителям, методические объединения педагогов из разных образовательных учреждений);

- партнерство работников образовательных учреждений с представителями других сфер образования и просвещения (учреждения здравоохранения, общественные организации, фонды, орган управления образованием на уровне района, города, края, служба социальной защиты семьи и детей);

- партнерство со спонсорами, благотворительными организациями (коммерческие структуры, СМИ и реклама деятельности ДОО и УДОД).

Взаимодействие в виде социального партнерства дошкольной образовательной организации и учреждения дополнительного образования детей происходит по направлениям:

1) исследовательское (поиск и апробация интересных форм работы с детьми);

2) проектировочное (совместная разработка программ и методических пособий);

3) просветительское (информирование педагогов и родителей);

4) образовательное (создание единой образовательной среды).

Существует различные технологии взаимодействия ДОО и УДОД как социальных партнеров. По мнению И.А. Бугеи, технология социального партнерства предполагает следующие этапы:

Первый этап – выбор партнера.

Цель: осуществление выбора социального партнера для решения педагогической проблемы.

Основные действия: проведение анализа социального окружения; принятие решения о взаимодействии с конкретным социальным партнером; информирование социального партнера о желании ДОО и УДОД осуществлять сотрудничество; получение согласия (несогласия) социального партнера на взаимодействие; заключение договора о сотрудничестве.

Второй этап – планирование совместных действий.

Цель: разработка плана совместных действий, необходимых для решения выделенной педагогической проблемы.

Основные действия: проведение переговоров с социальным партнером, в ходе которого необходимо обозначить: цель взаимодействия, сроки сотрудничества (месяц, полгода, год), содержание общения, наиболее привлекательные для каждой стороны сотрудничества; разработка плана совместных действий по решению обозначенной проблемы; согласование разработанного плана.

Третий этап – реализация сотрудничества.

Цель: осуществление взаимодействия в рамках запланированной совместной работы.

Основные действия: проведение запланированных мероприятий, акций и иных форм сотрудничества; при необходимости – внесение коррективов в разработанный план в случае невозможности проведения мероприятия или потребности изменения сроков его проведения; осуществление необходимого взаимодействия педагогов ДОО и УДОД в ходе подготовки мероприятий.

Четвертый этап – анализ результативности сотрудничества.

Цель: определение результативности совместной работы и степени разрешения обозначенной проблемы.

Основные действия: проведение оценки результативности взаимодействия; определение сильных сторон сотрудничества, трудности и проблемы, возникающие в ходе совместной работы; совместное обсуждение полученных результатов; принятие решения о дальнейшем сотрудничестве.

В случае принятия положительного решения ДОО и УДОД продолжают взаимодействие в виде социального партнерства и начинают осуществлять его со второго этапа.

В трудах Т.Н. Дороновой, Т.И. Даниловой, О.Д. Никольской и многих других исследователей были разработаны новые подходы к реализации социально-партнерских отношений дошкольной образовательной организации и учреждения дополнительного образования детей, формы направления их практической реализации. Авторы предлагают свои формы и методы активизации позиций родителей по вопросам воспитания детей, сотрудничества с ДОО и УДОД, описывают новые структурно-функциональные модели данного взаимодействия. Все ученые сходятся в одном: «Семья и детский сад выступают для ребенка своеобразной школой социального поведения одновременно. Но в этом случае семья остается для него главной опорой. Именно в семье ребенок всегда рассчитывает найти поддержку своим душевным и эмоциональным силам».

И.И. Солодухина выделяет следующие принципы социального партнерства:

- 1) уважение и учёт интересов сторон договоров;
- 2) заинтересованность договаривающихся сторон в участии договорных отношениях;
- 3) соответствие партнёров законодательства Российской Федерации и иным нормативным актам;
- 4) наличие соответствующих полномочий социальных партнеров и их представителей;
- 5) равноправие и доверие сторон;
- 6) невмешательство во внутренние дела друг друга;
- 7) добровольность принятия обязательств социальными партнерами на основе взаимного соглашения;
- 8) регулярность консультаций и переговоров по вопросам в рамках социального партнерства;
- 9) обязательность исполнения достигнутых договорённостей;
- 10) систематичность контроля за выполнением принятых в рамках социального партнёрства соглашений, договоров и решений;
- 11) ответственность сторон за невыполнение по их вине принятых обязательств, соглашения, договоров.

На сегодняшний день социальное партнёрство является неотъемлемой частью образовательной системы. Благодаря ему, воспитанники имеют возможность расширить свой кругозор, раскрыть свои таланты, успешно адаптироваться и социализироваться в окружающей среде. Благодаря социальному партнёрству улучшается качество образовательных услуг, уровень внедрения стандартов дошкольного и дополнительного образования.

Таким образом, социальное партнёрство в системе дошкольного и дополнительного образования – это реальное взаимодействие двух или более сторон на основе подписанного договора или соглашения на определённый период времени, направленное на решение конкретных целей и задач для достижения желаемого результата.

Итак, современная система образования существует в эпоху активного социально-экономического развития, поэтому важной задачей является разработка современной модели образования через систему социального партнёрства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балалиева О.В. Социально-педагогическое партнерство как условие развития образовательной среды ДОУ: теоретическое обоснование. – 2016. – № 6. – С. 106–111.
2. Бueva И. Социальное партнерство. Детский сад и дополнительное образование // Дошкольное воспитание. – 2015. – № 7. – С. 30–31.
3. Гогоберидзе А.Г. Дошкольная педагогика с основами методик воспитания и обучения. Проект взаимодействия дошкольных образовательных учреждений с социальными партнерами / Солнцева О.В. – СПб., 2014. – 464 с.

REFERENCES

1. Balalievа O. V. Socio-pedagogical partnership as a condition of development of the educational environment of a pre-school educational organization: theoretical justification. *Diskussiya = Discussion*, 2016, no. 6, p. Pp. 106-111. (In Russian).
2. Bueva I. Social partnership. Pre-school and supplementary education. *Doshkolnoe vospitanie = Pre-school education*, 2015, no. 7, pp. 30-31. (In Russian).
3. Gogoberidze A. G. *Doshkol'naya pedagogika s osnovami metodik vospitaniya i obucheniya. Proekt vzaimodejstviya doshkol'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdeniy s social'nyimi partnerami* [Pre-school Pedagogy with the Basics of Methods of Education and Training. The Project of Interaction of Pre-school Educational Institutions with Social Partners]. SPb., 2014. 464 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Белякова А.М. Социальное партнерство: детский сад и дополнительное образование / А.М. Белякова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 5–14.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Belyakova A.M. Social partnership: pre-school and supplementary education // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 5-14. (In Russian).

УДК-37.013: 376.5

Дубовицкая Дарья Александровна
кандидат культурологии, старший преподаватель Педагогического института ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (г. Тамбов)

Dubovitskaya Darya Aleksandrovna
Candidate of Cultural Studies, Senior Lecturer at the Pedagogical Institute, Derzhavin Tambov State University (Tambov)

Уваров Евгений Алексеевич
доктор психологических наук, профессор Педагогического института ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (г. Тамбов)

Uvarov Evgeniy Alekseevich
Doctor of Psychological Sciences, Professor at the Pedagogical Institute, Derzhavin Tambov State University (Tambov)

**ЗНАЧЕНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ
В УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТА**

**THE IMPORTANCE
OF HARDINESS IN EDUCATIONAL
AND PROFESSIONAL ACTIVITY
OF A STUDENT**

Аннотация:

В статье представлены результаты исследования влияния жизнестойкости студентов на эффективность в учебно-профессиональной деятельности. Выявлены различия в уровне жизнестойкости студентов с разной академической успеваемостью. Предложены психологические техники для формирования жизнестойкости студентов с низким уровнем компонентов жизнестойкости.

Abstract:

The article presents the results of studying the impact of students' hardiness on the effectiveness of educational and professional activities. Differences in the level of hardiness of students with different academic performance are revealed. Psychological techniques are proposed to form the hardiness of students with a low level of components of hardiness.

Ключевые слова:

жизнестойкость, студенчество, учебно-профессиональная деятельность, психологическое и физическое здоровье, личностное развитие.

Keywords:

hardiness, students, educational and professional activities, psychological and physical health, personal development.

Современный человек живет в постоянно и активно меняющемся обществе. Происходят изменения в области экономики, политики, экологии, социальных отношений, что сказывается на скорости технического и технологического прогресса. Все это проявляется в различных сферах жизнедеятельности личности, в том числе и в современной образовательной среде, что отражается на особой социальной группе – студенчестве. Помимо преодоления трудностей межличностного общения, определения жизненных ценностей и приоритетов, студент сталкивается со значительным эмоциональным и интеллектуальным напряжением в учебно-профессиональной деятельности, и от того, насколько он будет быстро реагировать на изменяющиеся условия и адаптироваться к ним, стойко принимать внешние обстоятельства, сохраняя внутреннюю гармонию и развивая собственный потенциал, зависит успешность его академической успеваемости сегодня и эффективность деятельности в различных жизненных сферах в дальнейшем.

Студенчество – это особый период в жизни молодого человека, который характеризуется формированием высокого образовательного уровня, познавательной мотивации и социальной активности, а также гармоничным сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости [4]. А обстоятельства современной жизни, нагрузки информационные и эмоциональные, а также отсутствие способов преодоления различных жизненных трудностей приводят к стрессовым ситуациям, попадая в которые у студента повышается риск возникновения психологических проблем в виде негативных переживаний, нарушения межличностных взаимоотношений, снижении успеваемости, устойчивости личности, самооценки [3]. Поэтому очень важно на данном этапе развивать личностные характеристики, позволяющие сглаживать влияние различных неблагоприятных воздействий окружающей действительности и повышать эффективность обучения, закладывая основу профессиональной деятельности. В связи с этим стоит говорить о главной характеристике личности в борьбе со стрессовыми ситуациями – жизнестойкости.

Понятие жизнестойкости, введенное американским психологом С. Мадди, определяется как фундаментальная личностная характеристика, которая позволяет предопределять воздействие на сознание человека различных

жизненных обстоятельств, как благоприятных, так и неблагоприятных. Жизнестойкость как интегративная характеристика личности ответственна за успешность преодоления личностью жизненных трудностей и предполагает психологическую живучесть и расширенную эффективность человека, являясь показателем его психического здоровья [6]. Жизнестойкость состоит из трех составляющих: включенность, контроль и принятие риска. Первая позволяет полностью включаться в решение трудных жизненных задач, дает мотивацию к самореализации и лидерству [2]. Контроль способствует поиску путей совладания с негативными жизненными обстоятельствами, осознанно снижать значимость травмирующих событий, что приводит к минимальному отрицательному влиянию на психику и здоровье личности. И третья составляющая – принятие риска – позволяет относиться к происходящему как вызову собственным возможностям, способствующим развитию личностного потенциала [7].

По мнению С. Мадди, для сохранения психологического и физического здоровья, работоспособности и активности в кризисных ситуациях, важна выраженность всех трех составляющих жизнестойкости. В основном и включенность, и контроль, и принятие риска развиваются в детстве, отчасти в подростковом возрасте, а гармоничное развитие всех составляющих жизнестойкости решающим образом зависит от взаимоотношений родителей с ребенком: их любовь, одобрение и поддержка, в том числе и поддержка инициативы ребенка, его стремления самостоятельно решать жизненные задачи различной сложности, испытывая свои возможности; а также от разностороннего общения, богатых впечатлений, изменчивости окружающей обстановки [5]. Однако существуют тренинги жизнестойкости, позволяющие развивать эту важную личностную характеристику значительно позже – уже во взрослом возрасте.

Жизнестойкость также включает в себя два компонента: жизнестойкое поведение и жизнестойкое отношение. Жизнестойкое отношение позволяет личности воспринимать стрессовые ситуации как менее значимые и успешно преодолевать трудности благодаря включенности в происходящее, готовности к решению проблемы и принятию ответственности за результат. Жизнестойкое поведение направлено на личностное развитие в стрессовых ситуациях и подразумевает под собой, прежде всего, активное преодоление

трудностей, ориентацию на сохранение физического и психологического здоровья, а также формирование и совершенствование личностных ресурсов посредством мобилизации сил и избегания крайностей. Поэтому человек, обладающий высоким уровнем жизнестойкости, способен увидеть в непростых жизненных обстоятельствах новые пути решения тех или иных задач, новые возможности для самореализации и самоактуализации, что в дальнейшем приводит к формированию особых личностных характеристик, способствующих гармоничному психологическому развитию [1].

Поэтому студент, обладающий высоким уровнем жизнестойкости, будучи гибким к меняющимся условиям, способен снижать значимость происходящих негативных событий, творчески подходит к преодолению жизненных трудностей, что благотворно отражается на развитии его личности.

В данной статье приведены результаты исследования, целью которого было выявление влияния жизнестойкости на успешность учебно-профессиональной деятельности студентов. В исследовании приняли участие 84 студента 1 курса среднего профессионального образования специальности «Правоохранительная деятельность» Тамбовского государственного университета в возрасте от 16 до 18 лет. Для исследования мы использовали тест жизнестойкости С. Мадди в отечественной адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой, который содержит 45 утверждений и позволяет измерить уровень жизнестойкости по трем субшкалам: включенность, контроль, принятие риска. Общий показатель жизнестойкости рассчитывается путем суммирования всех показателей. В качестве критерия успешности учебно-профессиональной деятельности была выбрана академическая успеваемость студентов в течение учебного года, а выборка была разделена на три группы по уровню средней оценки (табл. 1).

Таблица 1

Показатель академической успеваемости студентов

Студенты	Средний балл	%
Учащиеся на «3»	до 3,5	5
Учащиеся на «4»	3,6-4,4	77
Учащиеся на «5»	от 4,5	15

Корреляционный анализ эмпирических данных позволил выявить положительную зависимость (показатель 0,35) между успешностью студентов в академическом отношении и общим уровнем жизнестойкости (рис. 1), что также прослеживается и отдельно по всем субшкалам жизнестойкости (табл. 2).

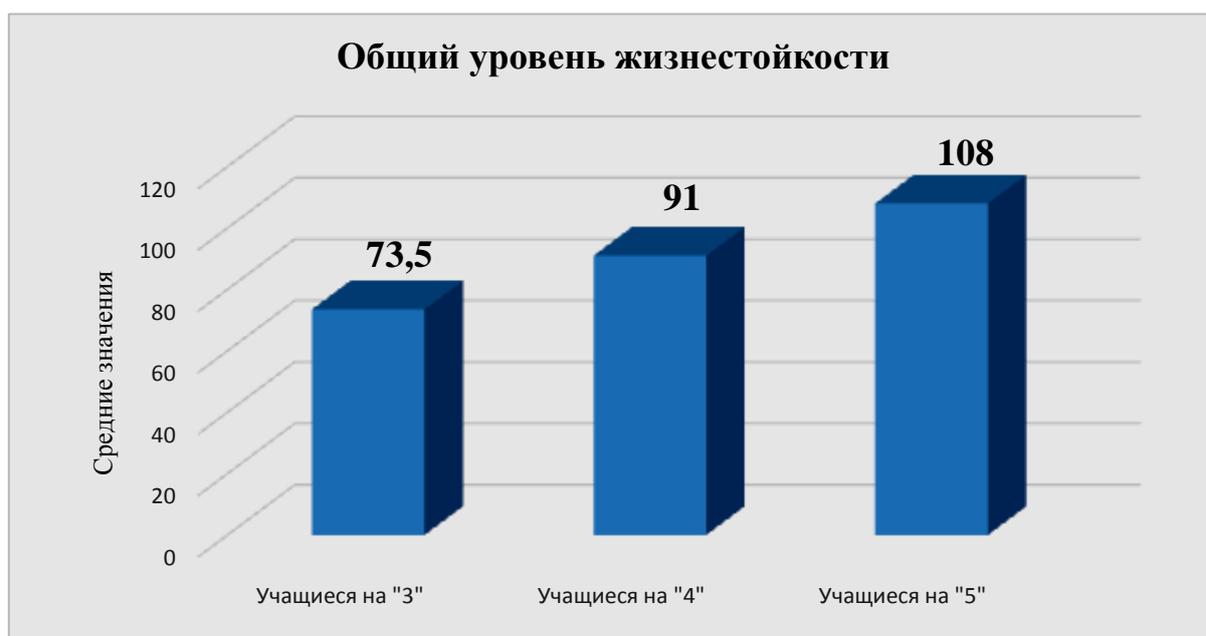

Рис. 1 – Общий показатель жизнестойкости у студентов с разной академической успеваемостью

Таблица 2

Показатель жизнестойкости респондентов

	Учащиеся на «3»	Учащиеся на «4»	Учащиеся на «5»
Включенность	31	39	47
Контроль	27	34	40
Принятие риска	15,5	18	21

Высокий уровень включенности, в противоположность отчужденности, определяет убежденность человека в том, что активное участие в происходящих событиях позволяет с наибольшей степенью вероятности обнаружить для себя нечто интересное и ценное в духовном плане. Таким образом,

студенты с развитым компонентом включенности получают удовольствие от собственной деятельности, чувствуют свою значимость для коллектива, что проявляется в эффективной учебно-профессиональной деятельности и, в частности, отражается на академической успеваемости студента.

Высокий уровень контроля говорит об уверенности студентов в собственную возможность влияния на результаты происходящего даже в том случае, если успех не гарантирован, а влияние не абсолютно. В противоположность этому, отказываясь от попыток контролировать что бы то ни было, человек подвергается синдрому выученной беспомощности, ощущая себя бессильным и не способным повлиять на происходящие события в собственной жизни. Поэтому очень важно, чтобы современный молодой человек обладал хорошо развитым компонентом контроля, дающим ощущение самостоятельного выбора собственной деятельности и своего жизненного пути.

Принятие риска подразумевает убежденность человека в положительном влиянии происходящих событий на его развитие, даже если они имеют негативный оттенок, а также способность извлечения из этих событий опыта за счет приобретения нового знания. Такой человек готов действовать даже если отсутствуют надежные гарантии успеха. Студент с высоко развитым уровнем принятия риска стремится к активному усвоению знаний, а также последующему их использованию, что позволяет ему быть открытым окружающему миру, а происходящие события принимать как вызов и испытание для собственного развития.

Таким образом, исследование показало, что студенты с низкой академической успеваемостью по общему показателю уровня жизнестойкости не отклоняются от среднего уровня (71-88), однако, по субшкале «включенность» показатель у данной категории студентов занижен. И если уверенность в собственных силах и возможности контроля над сложными ситуациями, отсутствие страха перед новым и неизвестным может быть свойственна в какой-то степени данной категории студентов, то готовность и способность заинтересованно включаться в происходящие события повышенной сложности оказывается минимальной, что может явиться критичным показателем, влияющим на успеваемость студента. Поэтому, определяя жизнестойкость как ключевой ресурс личности в преодолении кризисных

ситуаций, исследователями отмечается обязательная выраженность всех трех компонентов. А, значит, для данной категории учащихся может быть предложен тренинг жизнестойкости С. Мадди, что позволит увеличить общий показатель жизнестойкости и повысить эффективность учебно-профессиональной деятельности студента.

Тренинг жизнестойкости С. Мадди представляет собой три основных техники [5]:

1. Реконструкция ситуаций.

Реконструкция ситуаций позволяет рассмотреть трудные жизненные обстоятельства в более широкой перспективе. Реконструируя в воображении ситуацию и определяя ее как стрессовую, человек видит возможные неосознанные им допущения, которые позволяют определять ситуацию как стрессовую, а также возможности разрешения данной ситуации и положительные и отрицательные стороны развития события.

2. Фокусировка.

Если прямая трансформация ситуации невозможна, то используется техника фокусировки, которая представляет собой поиск тех эмоциональных реакций человека, которые плохо им осознаются. Задача данной техники – обеспечить разрешение той или иной стрессовой ситуации через превращение ее в возможность.

3. Компенсаторное самосовершенствование.

Данная техника применяется в случае невозможности трансформации стрессовой ситуации, при этом внимание уделяется другой проблеме, которая связана с той, что нужно решить. Процесс преодоления этой проблемы даст возможность человеку обратить внимание на то, что можно изменить и принять невозможность контроля над всем.

Механизмы влияния жизнестойкости на организацию собственной жизнедеятельности могут быть разными на различных ее этапах: переоценка стрессовой ситуации, использование стратегий совладания со стрессом (копинг-стратегии), жизнестойкие практики. Возможно, студентам с низким уровнем включенности стоит применить механизмы жизнестойкости на этапе планирования и выбора цели для дальнейших действий, что поспособствует снижению тревожного состояния, высвободит

ресурсы для полного восприятия окружающей обстановки и более точной оценки ситуации, а также позволит им быть более эффективными в учебно-профессиональной деятельности и получать удовольствие от происходящих вокруг событий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомаз, С. А. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека / С. А. Богомаз, Д. Ю. Баланев // Сибирский психологический журнал. – 2009. – Вып. 32. – С. 23–28.

2. Александрова, Л. А. К концепции жизнестойкости в психологии / Л. А. Александрова // Сибирская психология сегодня: сб. научн. трудов / под ред. М. М. Горбатовой, А. В. Серого, М. С. Яницкого. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – Вып. 2. – С. 82–90.

3. Бодалёв, А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения / А.А. Бодалев. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 168 с.

4. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: уч. для студентов по пед. и психол. направ. и спец. – М.: Логос, 2000. – 384 с.

5. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 65 с.

6. Логинова, М.В. Жизнестойкость как выход за пределы самого себя и реализация человеческой сущности / М.В. Логинова, М.А. Одинцова // Психология человека в современном мире. Том I. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 266–272.

7. Рахимова, Р. М. Молодежная политика вуза среднего города / Р. М. Рахимова // Ежегодная научная конференция Сорокинские чтения. – М.: МГУ им. Ломоносова. – 2002.

8. Maddi S. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness / S. Maddi // Encyclopedia of Mental Health / H. S. Friedman (ed.). – San Diego (CA): Academic Press, 1998. – Pp. 323–335.

9. Maddi S. Hardiness Training at Illinois Bell Telephone / S. Maddi // Health promotion evaluation / J. P. Opatz (ed.). – Stevens Point (WI): National Wellness Institute, 1987. – Pp. 101–115.

REFERENCES

1. Bogomaz S. A. Hardiness as a component of human innovation potential. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2009, no. 32, pp. 23–28. (In Russian).
2. Aleksandrova L. A. On the concept of hardiness in psychology]. *Sibirskaya psihologiya segodnya: sb. nauchn. trudov = Siberian Psychology Today: A collection of articles*, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, no. 2, pp. 82–90. (In Russian).
3. Bodalyov A. A. *Vershina v razvitii vzroslogo cheloveka: harakteristiki i usloviya dostizheniya* [Apex in the Development of an Adult: Characteristics and Conditions to Achieve]. M., Flinta: Nauka, 1998, 168 p.
4. Zimnyaya I. A. *Pedagogicheskaya psihologiya: uch. dlya studentov po ped. i psihol. naprav. i spec* [Pedagogical Psychology]. M., Logos, 2000, 384 p.
5. Leontyev D. A. Test zhiznestojkosti [A Hardiness Test]. M., Smysl, 2006, 65 p.
6. Loginova M. V. Hardiness as going beyond oneself and the realization of human essence. *Psihologiya cheloveka v sovremennom mire = Human Psychology in the Modern World*, 2009, vol. 1, pp. 266-272. (In Russian).
7. Rakhimova P. M. Youth policy of the university medium city. *Ezhegodnaya nauchnaya konferenciya Sorokinskie chteniya = Annual Scientific Conference Sorokin's Readings*, M., Lomonosov MSU, 2002.
8. Maddi S. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness. *Encyclopedia of Mental Health*. San Diego (CA), Academic Press, 1998, pp. 323-335.
9. Maddi S. Hardiness Training at Illinois Bell Telephone. *Health Promotion Evaluation*. Stevens Point (WI), National Wellness Institute, 1987, pp. 101-115.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дубовицкая Д.А. Значение жизнестойкости в учебно-профессиональной деятельности студента / Д.А. Дубовицкая, Е.А. Уваров // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 15–23.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dubovickaya D.A., Uvarov E.A. The importance of hardiness in educational and professional activity of a student // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 15–23. (In Russian).

УДК-378.4: 004

Дьякова Елена Анатольевна

доктор педагогических наук,
профессор, профессор кафедры
математики, физики и методики их
преподавания ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Сечкарева Галина Гарекиновна

кандидат педагогических наук,
доцент, доцент кафедры теории,
истории педагогики и
образовательной практики ФГБОУ
ВО «Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация:

Современная экономика требует профессионалов нового качества, что вызвало необходимость кардинального изменения подходов к их подготовке. Рассматриваются проблемы цифровизации образования, подготовки учителя для цифровой школы. Активизация создания цифровых образовательных организаций обозначила ряд проблем, связанных с финансированием, технологиями, готовностью студентов, преподавателей, учащихся к обучению в электронных средах. Среди них необходимость создания сетевых сообществ вузов и школ

Dyakova Elena Anatolyevna

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Professor of Department
of Mathematics, Physics and
Methods of Teaching, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)

Sechkareva Galina Garekinovna

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor of the Department of
Theory, History of Pedagogy and
Educational Practice, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)

DIGITALISATION OF EDUCATION AS A BASIS OF TRAINING TEACHERS OF THE XXI CENTURY: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Abstract:

Modern economy requires professionals of new quality, which necessitated a radical change in approaches to their preparation. The problems of digitalization of education, teacher training for digital schools are considered. Activation of the creation of digital educational organizations has identified a number of problems related to financing, technology, readiness of students, teachers and pupils to study in electronic environments. These problems include the need to create a network of universities and schools of a new level of interaction, the provision

нового уровня взаимодействия, обеспеченность необходимым оборудованием и образовательным контентом, создание новой системы контроля, в том числе за качеством материалов, подготовка преподавателей к тьюторскому сопровождению обучающихся и неготовность значительной части обучающихся к большому росту самостоятельности в обучении и ответственности за его результаты, и др. В статье предложены некоторые решения, дана характеристика учителя цифровой школы.

Ключевые слова:

цифровизация, педвуз, «сетевой студент», преподаватель и учитель для цифрового образования, смешанное обучение.

of necessary equipment and educational content, the creation of a new system of control, including control for the quality of materials, training of teachers for tutor support of students and the unwillingness of most of students to a large increase in independence in learning and responsibility for the results, etc. The article offers some solutions: the characteristic of a teacher of a digital school is provided as well.

Keywords:

digitalization, pedagogical university, network student, teacher for digital education, blended learning.

Течение времени во всех сферах человеческой деятельности существенно ускорилось – быстро развивается промышленность, изменяются приоритеты в экономике, предъявляются новые требования к науке и образованию. В значительной степени эти требования реализуются вузами, а значит – они должны перестраивать свою работу.

28 июля 2017 года Правительством РФ была утверждена государственная программа «Цифровая экономика» [6]. В ней прописано, что к 2024 году Россия должна выпускать 120 000 специалистов в год с высшим образованием в области информационно-телекоммуникационных технологий, 800 000 выпускников высшего и среднего профессионального образования, обладающих компетенциями в области информационных технологий на среднемировом уровне, а доля населения, обладающего цифровыми навыками, должна увеличиться до 40 %. На IV квартал текущего года запланировано выполнение пункта 2.5.5 этой программы, в котором говорится, что должна быть «разработана и реализована программа повышения квалификации, профессиональной переподготовки, непрерывного профессионального развития педагогических кадров,

обеспечившая их готовность реализовывать современные модели образовательного процесса с учетом требований цифровой экономики» [6, с. 38].

Но всегда инертная система образования еще недостаточно «разогналась» на пути этой «цифровой» перестройки, об этом говорят и иностранные исследователи [9; 10]. В любой образовательной организации и сегодня около четверти преподавателей редко (или никогда) используют электронные образовательные ресурсы, ИК-технологии, хотя эпоха их активного внедрения (как новых) закончилась лет 10 назад. «Со скрипом» заполняется ЭИОС вуза, с еще большим «скрипом» она используется в повседневной работе. Безусловно, процесс цифровизации будет непростым, прежде всего, с ресурсной и методической точек зрения. «Западный» подход, когда ведущий преподаватель создает ресурсы, а «внедряет» их в среду специальный помощник, у нас вряд ли реализуем в обозримое время. При этом российские университеты стремятся к внедрению цифровых технологий в учебный процесс [1], несмотря на трудности финансового и технологического характера, но уровень цифрового университета для большинства вузов еще долгое время будет недостижим.

Цифровизация образования – значимая составляющая процесса формирования «нового человека», причем человека во всех его личностных аспектах – от гражданина до специалиста-профессионала. Необходимость такого формирования вызвана сменой этапов развития человеческого общества – на новом этапе многократно возросли значимость, доступность и объем информации, интеграция наук стала такой сложной, что иногда сложно найти опору в изучаемых в образовательных организациях дисциплинах при освоении новых технологий, современный человек, в особенности ребенок, это «цифровой человек», который уже живет в цифровой среде, для которого гаджеты, планшеты, смартфоны, КПК, сайты, IP-протоколы, веб-сервисы, интерфейсы и т. д. – простые и понятные вещи ежедневного пользования, для которого основным источником информации, развлечений и часто уже полем профессиональной деятельности является Интернет. «Сетевой студент» приходит в вуз и вуз должен быть готов к этому, использовать это для эффективного образования. Он (вуз) тоже должен быть сетевым: взаимодействовать с другими вузами, профессиональным

сообществом, со школами и центрами переподготовки в едином цифровом образовательном пространстве.

При этом в обществе – и в педагогическом сообществе, и среди родителей, и у работодателей присутствует недоверие к цифровизации образования и связанным с ним переменам. Будет ли такое образование качественным, обеспечит ли появление в различных профессиональных областях профессионалов, личностный карьерный рост и благополучие человека? Где граница между «возможно» и «нужно», поскольку полезно, эффективно? В свое время перекося в использовании презентаций на уроках в школе оказал скорее негативное воздействие на результаты обучения, ведь мультимедиа – это веер возможностей, но ими нужно владеть, уметь методически грамотно применять.

Кроме собственно недостаточной подготовки вследствие слабой мотивации, неготовности студента отвечать за результаты своего обучения, возможности эклектики в подготовке (при самостоятельной оценке «нужной» информации и «лучшего» источника информации), т. к. все проверить с помощью тестов нельзя, опасности возникновения «цифровой зависимости» от внешней информации в ущерб присвоенной (знаний), в результате чего компетенциям не на чем развиваться (студент уверен, что «когда будет нужно», он найдет все необходимое в сети), в полностью цифровом образовании возможны последствия коммуникации «через машину»: слабо развитая речь, психологические проблемы в межличностном общении (живой человек отличается от «сетевого», оппонента в командной работе нельзя «выключить»), «Интернет-воспитание» (из-за свободы выбора источников информации плохо или неправильно развиваются духовно-нравственная сторона личности, гражданская позиция, мировоззрение, убеждения и пр.) [8]. Последнее неприемлемо для педагога, работающего с детьми, формирующего их личность, поэтому неприемлем и «цифровой педагог». Вместе с тем, часть его подготовки вполне может осуществляться в цифровой среде, кроме того, важно понимание и владение учителем всеми теми устройствами и ресурсами, которыми владеют дети, умение быстро осваивать новые, поэтому использование их в студенческой среде не только полезно, но и необходимо (что накладывает дополнительные требования и к преподавателям).

Плюсы у цифрового образования появляются, если студент мотивирован, знает, чего хочет от образования, способен к самоорганизации и самообразованию, умеет адекватно оценивать себя, дифференцировать ресурсы и информацию (это должно быть сформировано в школе и далее поддерживаться в вузе), если он не «замкнут» на сеть. В этом случае цифровое образование (цифровая составляющая процесса образования) формирует или развивает у будущего учителя умения и навыки цифровой коммуникации, работы в цифровой образовательной среде и с цифровыми устройствами и образовательными ресурсами, способности к постоянному самообразованию и профессиональному саморазвитию, позволяет получить образование соответственно его интересам и потребностям через индивидуальную образовательную траекторию (ИОТ) и возможность выбрать удаленные учебные курсы. В результате в персональный цифровой профиль компетенций войдут те, которые позволят будущему учителю использовать свои знания не только для самообразования, подготовки к урокам и при их проведении, но и организовывать элементы аналогичной деятельности учащихся, формируя у них умения и навыки, необходимые для жизни в цифровом мире [2; 3]. Однако для вуза обеспечение этих ИОТ представляет немалую проблему и полной свободы выбор тут не может быть – есть обязательные дисциплины и есть вариативные, набор которых также небесконечен; при удаленном обучении сетевое взаимодействие вузов должно обеспечить контроль и учет.

В отечественной и зарубежной научной и образовательной среде в последние годы активно обсуждается смешанное обучение, сочетающее традиционное очное и онлайн- и офлайн-обучение [4; 7]. Ему отдается приоритет, дистанционное обучение – скорее вынужденный вариант. Для педагогического образования возможен только смешанный вариант, т. к. работе с людьми (детьми) невозможно научиться дистанционно, даже с помощью телекоммуникационных сетей.

В случае смешанного обучения освоение теоретического материала может осуществляться самостоятельно, в аудитории или вне ее, формирование практических умений – в аудитории, но преимущественно самостоятельно – в индивидуальной и групповой формах (в зависимости от дисциплины), с использованием активных форм и технологий обучения. В этом случае

преподаватель играет роль тьютора, направляющего, консультирующего, организующего учебные ситуации.

Остановимся на ожиданиях и возможных проблемах цифровизации высшего педагогического образования (которое, в том числе, предоставляет возможность свободного выбора мест обучения, возможность обучаться удаленно, «смешивать» обучение в разных вузах и т. п.). Итак, каковы они – студент и выпускник современного педагогического университета? Как организовать смешанное обучение?

Из школы в вуз должен прийти выпускник, владеющий навыками работы на компьютере, использования сетевых ресурсов – образовательных сайтов, поисковых систем, встроенных сервисов, использования телекоммуникационных технологий, способный представлять информацию и размещать ее в различных видах в электронной образовательной среде образовательного учреждения, возможно – способный использовать в обучении различные гаджеты. Если необходимая большая работа не была проведена в школе, всему этому студенту придется научиться уже в вузе, либо с помощью преподавателя, либо в рамках специального практикума. Технологическая готовность обязательна.

Но владеющий технологиями студент – это только начало. Цифровой вуз должен предоставить ему возможность самому формировать образовательный маршрут, время, темп и порядок его прохождения, используемые при этом виды деятельности, предоставить свободу выбора образовательного контента (ресурсы ЭИОС вуза, включая средства контроля и самодиагностики, ссылки на сетевые, ЭБС и пр.), обеспечить компьютеризированное место обучения и тьюторское сопровождение. Для этого переоборудуется значительная часть аудиторий, модульное построение учебных планов, преподавателями разрабатываются: модульные программы, необходимые электронные ресурсы по дисциплинам (либо «собираются» из ресурсов открытого доступа), методические рекомендации по работе с ними, контролирующие материалы и схемы контроля, составляется график необходимой аудиторной работы – лабораторных и практических занятий.

Существенное значение имеет качество предоставляемого обучающимся контента – информационного (лекции, мультимедийное сопровождение,

электронные учебники и пособия – в ЭИОС, сетевые ресурсы – по ссылкам), методического (задания к практическим занятиям и СРС, рекомендации, образцы решения задач, уроков, планов и программ, внеурочных мероприятий и т. д.), контрольного (тестовые программы, проектные и др. задания, кейсы, ситуационные задачи, контрольные работы и т. п.). Он зависит от профессионализма, опыта, ответственности преподавателя, т. е. тоже субъективен и требует контроля. Возможно, возникнет необходимость создания службы качества из наиболее опытных преподавателей-методистов, с привлечением представителей работодателей. Представление этого контента в ЭИОС по всем дисциплинам (а он достаточно большой при организации сетевой составляющей обучения) невозможно просто возложить на преподавателей и небольшое число лаборантов, особенно если это должен быть качественный контент.

Следующий уже отмеченный выше важный аспект – способность студента к самоорганизации и ответственность за свое обучение. Он субъективен, но является объективным фактором, влияя на результаты обучения. При смешанной форме обучения, когда большая часть теоретической подготовки переносится на самостоятельную работу (а современные стандарты это и предполагают – за 25 лет объем аудиторной, в первую очередь, лекционной, нагрузки по методике обучения снизился вдвое), это особенно важно, т. к. качество освоения теории обуславливает качество решения профессиональных методических и педагогических проблем – подготовки уроков, отбора методов и средств обучения и воспитания и пр. Возможно эту проблему удастся решить с помощью системы специальных тестов. В любом случае системность подготовки педагога должна сохраниться, он должен получить базовую систему профессиональных знаний и на их основе – компетенций, которая в дальнейшем будет пополняться в процессе самообразования и повышения квалификации.

Для реализации смешанного обучения, кроме ИКТ, включая технологии телекоммуникационные и мобильного обучения, и технологий активного и интерактивного обучения, можно использовать технологию перевернутого обучения [7]. Стандартное перевернутое занятие предполагает, что обучающиеся получают домашнюю работу – просмотр видео-лекций и чтение

учебных материалов по теме лекций, работа в интерактивной виртуальной среде. На практических занятиях они отрабатывают прикладные вопросы: применяют теорию при решении задач и проблем, выполняют лабораторные работы, объясняют демонстрации; обсуждают разработки уроков. Перевернутые занятия могут быть дискуссионными, демонстрационными, виртуальными, с преобладанием индивидуальной или групповой работы, и даже фальшивым (когда домашняя работа выполняется в аудитории под присмотром консультантов) [11]. Во всех случаях они опираются на самостоятельную работу студентов и предполагают значительное увеличение объема работы преподавателя в переходном периоде. Технология проведения перевернутого занятия в общих чертах разработана, но применительно к отдельным дисциплинам почти не конкретизирована.

Итак, какого же специалиста, выпускника ожидает государство от вуза, в том числе, педагогического? Его основные качества представлены на схеме (рис. 1). Как минимум три из них связаны с цифровизацией.

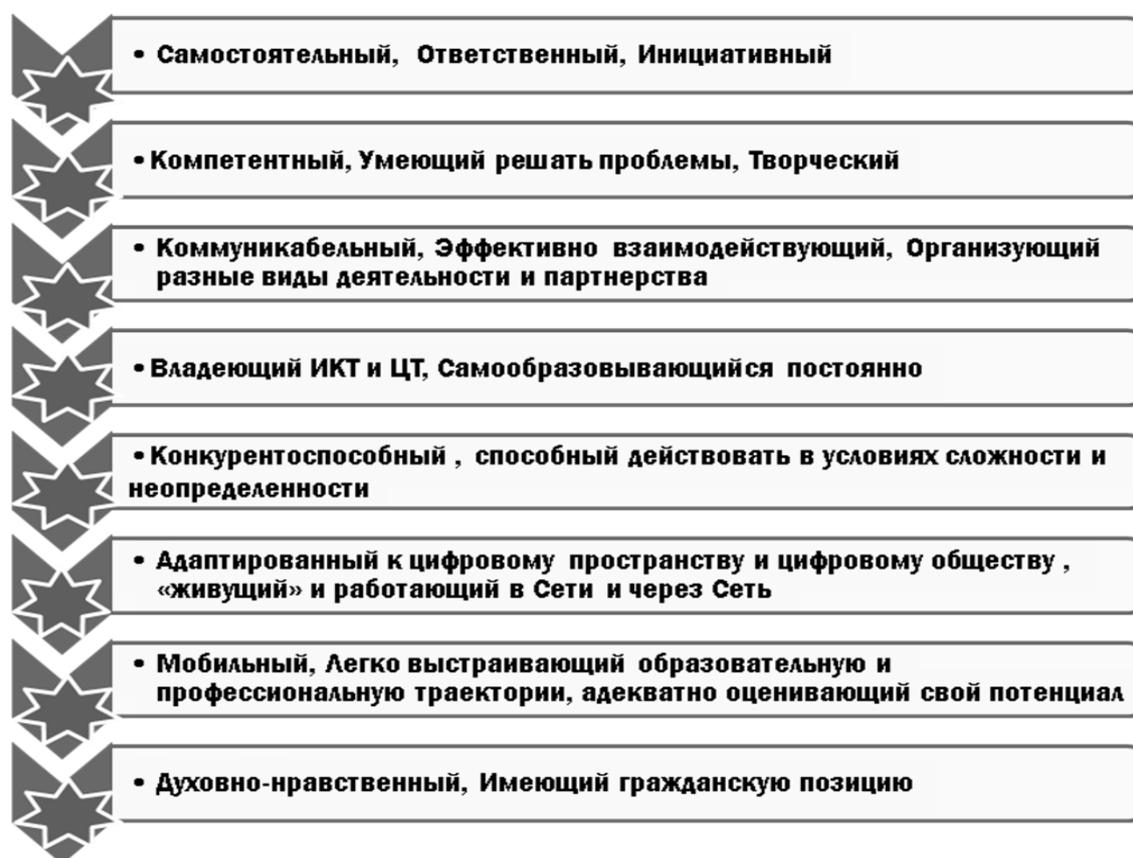

Рис. 1 – Ожидаемые качества выпускника вуза

Для выпускника педагогического вуза особенно важно, чтобы цифровизация образования и его деятельности учителя стала эффективным инструментом, не усложняя жизнь в профессии, а облегчая ее, не снижая коммуникативные умения, а расширяя их, не отстраняя его от работы учащихся, а позволяя более интенсивно ее активизировать. «Сетевой» учитель, учитель цифровой школы должен многое знать и уметь, не используя Интернет, девайсы как шпаргалку.

Новые возможности порождают новые обязанности, так, возможность постоянно самообразовываться, профессионально самосовершенствоваться означает, что реализуемый им учебный процесс будет становиться более эффективным, интересным и разнообразным для учащихся. Обещаемое в некоторых публикациях и речах облегчение его деятельности не наступит, но при правильном подходе в ней будет снижена рутинная составляющая, объем однообразной формальной работы, освобождая время для творчества, методического поиска, обсуждения профессиональных проблем с коллегами. Портрет педагога цифровой школы – на схеме ниже (рис. 2).

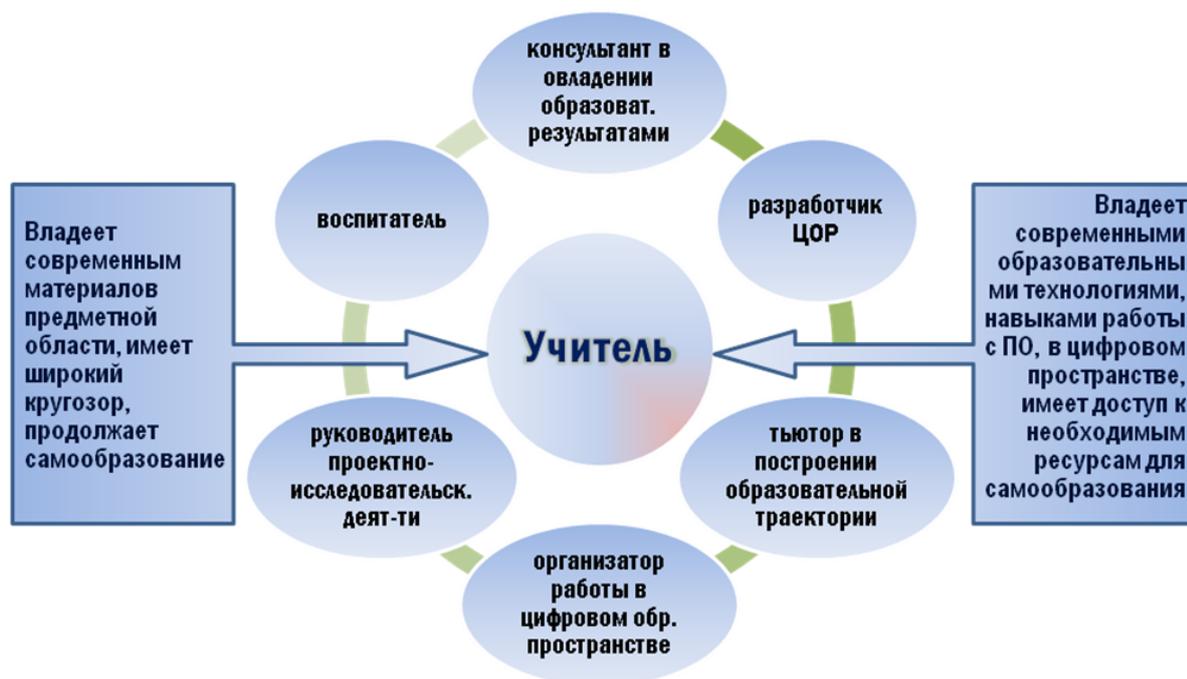

Рис. 2 – Портрет учителя цифровой школы

Интересно изменение подхода к повышению квалификации как составляющей профессиональной деятельности учителя. Оно становится непрерывным и самостоятельным, для чего нужен постоянно изменяющийся

в соответствии с инновациями и потребностями времени набор дистанционных курсов.

На настоящий момент будущий учитель в педвузе в рамках цифровизации овладевает методикой использования электронных образовательных ресурсов, умениями искать и отбирать сетевые ресурсы по предмету, т. е. находится в самом начале длинного пути реализации государственной программы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанова М.И., Трофимов В.В., Трофимова Е.В. Цифровая экономика и «Университет 4.0». Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – № 1. – С. 178–184.

2. Виссема Й.Г. Университет третьего поколения: Управление университетом в переходный период: пер. с англ. Й.Г. Виссема. – М.: Олимп-Бизнес, 2016. – 432 с.

3. Ершова Н.Ю. Принципы формирования образовательной среды сетевого обучения [Электронный ресурс]: монография/ Ершова Н.Ю., Назаров А.И. Электрон. текстовые данные. – Саратов: Вузовское образование, 2019. – 83 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/79782.html>.

4. Скурихина Ю.А. Информационно-образовательная среда образовательной организации: от технических средств к педагогической технологии. Информационная образовательная среда образовательной организации как ресурс совершенствования технологий реализации ФГОС: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. 14 сентября 2017 года. – Липецк: ГАУДПО ЛО «ИРО», 2017. – С. 13-16.

5. Научно-образовательные сети: теория, практика: монография. Н.Н. Давыдова, Е.М. Дорожкин, В.А. Федоров; под науч. ред. В.А. Федорова. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2016. – 481 с.

6. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.

7. Технологии электронного обучения [Электронный ресурс]: учебное пособие. А.В. Гураков [и др.]. Электрон. текстовые данные. – Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2016. – 68 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/72196.html>.

8. Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г. Цифровизация образовательной среды: возможности и угрозы // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. – 2018. – № 1 (97). – С. 3–12.

9. Gikas J, Grant M. Mobile computing devices in higher education: Student perspectives on learning with cellphones, smartphones & social media. *The Internet and Higher Education*. 2013. 19: pp.18–26.

10. Newman D. Top 6 digital transformation trends in education. <https://www.forbes.com/sites/danielnewman>. 2017. 07. 18.

11. Zhong X.L., Song S.Q., Jiao L Z. Research on Teaching Design Based on “Flipped Classroom” Concept in Information Environment. *Open Education Research*. 2013. № 1, pp.190-264.

REFERENCES

1. Barabanova M. I., Trofimov V. V., Trofimova E. V. Digital economy and University 4.0. *Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij = The Journal of Legal and Economic Research*, 2018, no.1, pp.178–184. (In Russian).

2. Wissema G. The third generation university: Managing the University in transition. M., Olimp-Biznes, 2016. 432 p.

3. Ershova N. Yu. *Principy formirovaniya obrazovatel'noj sredy setevogo obucheniya* [The Principles of the formation of educational environment of network training]. Saratov, Vuzovskoe obrazovanie, 2019. 83 p. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/79782.html>. (In Russian).

4. Skurikhina Yu. A. Information and educational environment of the educational organization: from technical means to pedagogical technology. *Informacionnaya obrazovatel'naya sreda obrazovatel'noj organizacii kak resurs sovershenstvovaniya tekhnologiy realizacii FGOS: materialy Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferencii = Information educational environment of the educational organization as a resource for improving the implementation of FSES*, 2017, pp.13-16.

5. *Nauchno-obrazovatel'nye seti: teoriya, praktika* [Scientific and educational networks: theory, practice]. Ekaterinburg, Russian State Professional Pedagogical University, 2016. 481 p.

6. *Programma «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii»* [Program "Digital economy of the Russian Federation"]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>.

7. *Tekhnologii elektronogo obucheniya* [E-learning technologies]. Tomsk, Tomsk State University of Systems of Management and Radioelectronics, 2016. 68 p. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/72196.html>. (In Russian).

8. Ustyuzhanina E. V., Evsyukov S.G. Digitalization of the educational environment: opportunities and threats. *Vestnik REU im. G. V. Plekhanova = The Bulletin of Plekhanov REU*, 2018, no.1 (97), pp. 3-12. (In Russian).

9. Gikas J., Grant M. Mobile computing devices in higher education: Student perspectives on learning with cellphones, smartphones & social media. *The Internet and Higher Education*, 2013, no. 19, pp. 18–26.

10. Newman D. Top 6 digital transformation trends in education. Available at: <https://www.forbes.com/sites/danielnewman>.

11. Zhong X. L., Song S. Q., Jiao L. Z. Research on Teaching Design Based on “Flipped Classroom” Concept in Information Environment. *Open Education Research*, 2013, no. 1, pp. 190-264.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дьякова Е.А. Цифровизация образования как основа подготовки учителя XXI века: проблемы и решения / Е.А. Дьякова, Г.Г. Сечкарева // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 24–35.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dyakova E.A., Sechkareva G.G. Digitalisation of education as a basis of training teachers of the XXI century: problems and solutions // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 24–35. (In Russian).

УДК-378.6

Соловей Дмитрий Владимирович

преподаватель ФГКВБОУ ВО
«Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
имени героя Советского Союза
А.К. Серова» (г. Краснодар)

Solovey Dmitriy Vladimirovich

Lecturer of the Krasnodar Military
Aviation School for Pilots named
after Hero of the Soviet Union
A.K. Serov (Krasnodar)

Спирина Валентина Ивановна

доктор педагогических наук,
профессор, профессор кафедры
социальной, специальной педагогики
и психологии ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Spirina Valentina Ivanovna

doctor of pedagogical sciences,
professor, professor of department
of social, special pedagogics
and psychology Armavir state
pedagogical university
(Armavir)

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВОЕННОГО ВУЗА

FEATURES OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A MILITARY UNIVERSITY

Аннотация:

Понятие образовательной среды в современном образовании все чаще находит место в теоретических исследованиях. Разными авторами дано определение типологии образовательной среды в учебных заведениях высшего образования и их взаимосвязь. В статье рассматриваются особенности обучения в военных вузах и влияние этих особенностей на типологию образовательной среды в данных учебных заведениях.

Abstract:

The concept of the educational environment in modern education is increasingly being reflected in theoretical studies. Different authors have given definitions of the typology of the educational environment in educational institutions of higher education and described their connection. The article discusses the features of training in military universities and the impact of these features on the typology of the educational environment in these educational institutions.

Ключевые слова:

*образовательная среда,
образовательный процесс,
структура обучения военного вуза,
типы образовательной среды,
военный вуз, военная служба,
обучение курсантов.*

Keywords:

*educational environment, educational
process, training structure
of a military university, types
of the educational environment,
military university, military service,
training of cadets.*

Совершенствование образовательного процесса высшей школы реализуется исходя из тенденций развития современного образования, обретения выраженного характера массовости, непрерывности, внедрения новых технологий обучения. В настоящее время все большее распространение в научных исследованиях получает термин «образовательная среда», хотя он так и не получил однозначного определения.

Интерес к исследованиям в области образования через трактовку образовательной среды лежит в основе изменений в социуме и нацеливании образования на личностно-ориентированный подход. Образовательная среда оказывает основополагающее воздействие на развитие личности, помогает молодым людям осознать свое место в обществе, реализовать личную жажду к получению знаний, умений и навыков. Очень важно выявить возможности образовательной среды как средства формирования социальных, профессиональных и личностных качеств молодого человека.

Важность подхода к обучению через понятие образовательной среды обусловлена тем, что дает возможность использовать все факторы, влияющие на формирование у обучающегося необходимых качеств как профессиональных, так и личностных. С точки зрения психологии, образовательная среда оказывает воздействие на обучающегося исходя из его общечеловеческих качеств, уровня подготовленности, воспитания, мотивированности на обучение и морально-психологического состояния. Безусловно, все эти качества оказывают огромное влияние на эффективность обучения и профессионального становления.

Таким образом средовой подход определяет необходимость создания симбиоза обучающегося и среды. При этом обучающийся является не только акцептором среды, но и участвует в ее формировании и развитии.

Понятие «образовательная среда» в научных исследованиях последних десятилетий (Б. Боденко, А. Куракин, Ю. Мануйлов, А. Хуторской и др.) трактуется как окружение обучающегося, которое включает содержание и средства обучения, направленные на эффективную его деятельность и формирование благоприятных условий для всестороннего развития личности обучающегося.

Т. Гуцина в своих исследованиях утверждает, что под образовательной средой следует понимать систему педагогических и психологических

условий, которые создают возможность для раскрытия уже сформированных способностей и индивидуальных особенностей личности, так и еще не проявившихся интересов и способностей [2, с. 189]. А. Лактионова считает, что образовательная среда есть психолого-педагогическая реальность, содержащая специально организованные условия для формирования личности, а также возможности для ее развития в рамках социального и пространственно-предметного окружения [3, с. 46].

Исходя из приведенных трактований термина «образовательная среда», можно сделать вывод, что ее основой является выделение определенных педагогических и психологических факторов, необходимых для эффективной деятельности обучающегося.

В современных исследованиях рассматриваются различные типы образовательной среды: учебная, технологическая, информационная, традиционная, социальная, творческая, гуманитарная, коммуникативная, игровая, и другие. Особое внимание ученых акцентировано на изучение инновационной (Г. Беляев, М. Диденко, Ю. Карпова, Н. Разина и др.), информационно-образовательной (А. Андреев, И. Захарова, А. Остроумова, Е. Печерская, В. Стародубцев и др.), виртуальной (Н. Королева, А. Митина, Н. Рыжова), рефлексивной (Т. Давыденко и И. Шумакова, А. Малахова), здоровьесберегающей (М. Сентизова, Н. Рылова, Г. Тушина) сред.

Стоит обратить внимание на то, что приведенные типы образовательной среды не являются аксиомными и не представляют собой догматическую основу

К примеру, С. Тарасов в своей работе устанавливает следующую типологию образовательных сред: в зависимости от стиля взаимодействия в среде (конкурентная или кооперативная, гуманистическая или технократическая и т. д.); в зависимости от характера отношений к социальному опыту и его трансляции (классическая или инновационная, национальная или наднациональная и т. д.); в зависимости от уровня творческой активности (творческая или регламентированная); в зависимости от характера взаимодействия с внешней средой (открытая или закрытая) [4, с. 136].

В свою очередь А. Артюхина в своих исследованиях предлагает классификацию образовательных сред по:

- педагогическим функциям в профессионально-личностном развитии специалиста (дидактическая, воспитательная, интеллектуально-развивающая);
- профилю образовательного учреждения – дошкольное учреждение, школа (гимназия, лицей), колледж, вуз, университетский округ, регионально-этнокультурная среда;
- организационно-деятельностным структурам (среда кафедры, факультета, вуза, учреждения для учебно-производственной практики);
- масштабу привлеченных участников в образовательный процесс (академическая группа, курс, проектная группа и т. д.);
- структурно-качественным характеристикам (на основе адаптивной функции, приобщения к культуре, информационного и экологического компонентов среды и т. п.) [1].

Таким образом, для формирования эффективной образовательной среды вуза, способной максимально использовать весь потенциал учебного заведения и личный потенциал обучающегося, необходимо сформулировать конечную цель процесса обучения, определить профессиональные компетенции, очертить контуры личности, обретение которых будет являться целью учебной и воспитательной деятельности. Исходя из поставленных целей, можно сформировать типологию образовательных сред конкретного вуза.

К примеру, для вузов творческого профиля (культурные, театральные, музыкальные) свойственны такие типы образовательных сред как творческая, гуманитарная, традиционная, национальная, коммуникативная, игровая и т. д. В то же время вузам инженерного профиля более свойственно иметь такие типы образовательной среды как технологическая, инновационная, информационная, виртуальная и т. д. Однако один и тот же тип среды в зависимости от направленности вуза может обретать совершенно разное содержание. Например, творческая среда музыкального вуза в большей степени направлена на формирование у обучающихся качеств, позволяющих расширять свои возможности в профессиональном плане, стать более совершенным исполнителем, композитором, аранжировщиком и т. п. С другой стороны, творческая среда технического вуза должна иметь содержание, раскрывающее способности обучающегося к применению полученных знаний в процессе инженерного конструирования, изобретательской, рационализаторской

деятельности, изыскательской работы в области технологий, методов и способов различной технической направленности.

Целью данной статьи является формулирование типологии образовательной среды военного вуза, как специфического объекта образовательной деятельности.

Основной особенностью учебного процесса военного вуза является совмещение военно-профессиональной подготовки с подготовкой специалиста в соответствии с государственными стандартами высшего образования. Так обучение в военном вузе в отличие от традиционного «университетского» проходит одновременно с действительной военной службой. Критериями для поступления в ВВУЗ являются наряду с традиционными испытаниями по освоению программы среднего образования (либо результатов ЕГЭ) является обязательный профессионально-психологический отбор для выявления профессионально-важных качеств, оценка физической подготовки и годности к военной службе по медицинским показателям.

В дальнейшем обучение проходит в закрытом учреждении профессионального образования в условиях полноценной военной службы в соответствии с законодательством Российской Федерации и ведомственных приказов и директив.

В ходе обучения, помимо обретения необходимыми компетенциями в области профессионального образования по специальности, курсант обретает знания, умения и навыки в деятельности, касающейся военной службы, руководство воинскими коллективами (командные, организационные навыки), исполнения обязанностей на различных должностях в суточном наряде, боевого дежурства, караульной и гарнизонной служб. Наряду с образовательной деятельностью, ВВУЗ осуществляет и воспитательную работу в более широком спектре и более глубоко, нежели обычный вуз. Необходимость осуществления воспитательной деятельности ВВУЗа обусловлена требованием военной службы.

В процессе обучения, курсант должен стать не только грамотным специалистом в своей области, не только хорошим организатором и командиром, но и личностью, высокомотивированной на деятельность, связанную с высоким риском для жизни и здоровья, в условиях, не всегда способствующих

к нормальной жизнедеятельности. Целью воспитательного процесса является формирования личности офицера в традиционно-историческом понятии этого слова, воспитание в молодом человеке патриотизма и любви к своей Родине, высоких моральных качеств, жизненной стойкости, решимости и принципиальности для чего неотъемлемой частью обучения в ВВУЗе является психологическое и культурно-досуговое сопровождение.

Для определения типологии образовательной среды ВВУЗа необходимо определить содержание учебно-воспитательного процесса, уточнить всех участников, а также средства и дидактическую методологию обучения и воспитания.

Рассмотрим учебно-воспитательный процесс ВВУЗа на примере Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков. Система подготовки военных летчиков включает обучение по программе специалитета в соответствии с государственным стандартом высшего образования, обучение курсантов по программе военно-профессиональной подготовки, учебно-воспитательный процесс подготовки военнослужащего, офицера, патриота.

Обучающая включает в себя дидактические материалы, программы, методики, преподавательский и инструкторский состав. В обучающей среде курсант проходит основную подготовку по специальности. Надо отметить, что все типы обучающих сред не существуют самостоятельно, вся образовательная среда вуза представляет собой взаимосвязь различных сред. Безусловно, образовательная среда не может существовать без технической, информационной, виртуальной и других. Учебная среда является основой обучения, но при этом она наполняется содержанием таких как информационная, творческая, гуманитарная, техническая. Такое положение дел существует в большинстве вузов инженерно-технической направленности. В летном военном вузе учебная среда наполняется виртуальной (различные виды тренажеров) и военно-профессиональной.

При обучении в военном вузе курсанты проходят подготовку не только по приобретаемой, специальности. В ходе обучения курсанты проходят все этапы военной и военно-специальной подготовки, получают знания, навыки и умения, необходимые в военной службе, в том числе в должностях офицерского состава. Курсанты, обучаясь, проходят действительную военную

службу на первом этапе в качестве военнослужащего по призыву и в дальнейшем как военнослужащий по контракту. Данное обстоятельство накладывает на них определенную ответственность и необходимость исполнения обязанностей военной службы предписываемых законодательством Российской Федерации, в т. ч. ведомственными законодательными актами.

Таким образом, курсант военного вуза проходит обучение практически круглосуточно, находясь в стенах учебного заведения. Вся повседневная деятельность начиная с утреннего подъема и заканчивая отходом ко сну строго регламентирована и является частью учебного процесса. В связи с этим можно определить дополнительные типы образовательной среды, присущие военному вузу: военно-профессиональная, служебная, служебно-бытовая, воспитательная.

Военно-профессиональная образовательная среда формирует у обучающегося знания умения и навыки, необходимые для военной службы на должностях по предназначению. Может включать в себя те аспекты учебного процесса, которые формируют военно-профессиональные компетенции. Это и обучение по темам общевоенных и военно-специальных дисциплин, проведение учений, тренировок, тренажей.

Служебная и служебно-бытовая образовательные среды находятся обособленно от тех сред, которые направлены на формирование профессиональных компетенций по приобретаемой специальности и несут в себе задачу «погрузить» молодого человека, поступившего в армию в условия военной службы, осуществить «перезаформатирование» сознания и мировоззрения, приучить к особенностям службы и жизни в условиях постоянного исполнения своих обязанностей военнослужащего. Данные образовательные среды включают в себя командный состав вуза и подразделений, специальные отделы и должностные лица, организующие и регламентирующие службу войск, несение службы во внутреннем и гарнизонном суточном наряде, спецклассы и места подготовки к суточному наряду, места несения службы в суточном наряде, все, что связано с жизнью и бытом курсантов.

Воспитательная среда военного вуза тесно переплетена с учебной, творческой, военно-специальной и служебно-бытовой средами. Все, что связано с обучением, служебной и повседневной деятельностью несет в себе и воспитательные цели.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюхина А.И. Образовательная среда высшего учебного заведения как педагогический феномен / А.И. Артюхина. – Волгоград, 2007. – 40 с.
2. Гущина Т. Н. Педагогическая сущность феномена «образовательная среда»: по материалам исследования / Т. Н. Гущина // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana) – 2011. – № 4. – С. 187–190.
3. Лактионова Е.Б. Образовательная среда как условие развитие личности ее субъектов / Е.Б. Лактионова // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А.И. Герцена. – 2010. – № 128. – С. 40–54.
4. Тарасов С.В. Образовательная среда: понятие, структура, типология / С.В. Тарасов // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 3. – Т. 3. – С. 133–138.
5. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В.А. Ясвин. – М.: СМЫСЛ, 2001. – 365 с.

REFERENCES

1. Artyuhina A. I. *Obrazovatel'naya sreda vysshego uchebnogo zavedeniya kak pedagogicheskij fenomen* [The Educational Environment of Higher Education as a Pedagogical Phenomenon]. Volgograd, 2007. 40 p.
2. Gushchina T. N. The pedagogical essence of the phenomenon of "the educational environment". *Obshchestvo. Sreda. Razvitie = Society. Environment. Development*, 2011, no. 4, pp. 187–190. (In Russian).
3. Laktionova E. B. The educational environment as a condition for the development of the personality of its subjects. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo un-ta im. A.I. Gercena = Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2010, no. 128, pp. 40–54. (In Russian).
4. Tarasov S. V. The educational environment: concept, structure, typology. *Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Bulletin*, 2011, no. 3, vol. 3, pp. 133–138. (In Russian).
5. Yasvin V. A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modeling to design]. M., Smysl, 2001. 365 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Соловей Д.В. Особенности образовательной среды военного вуза / Д.В. Соловей, В.И. Спирина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 36–43.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Solovey D.V., Spirina V.I. Features of the educational environment of a military university // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 36–43. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК-008.001

Иманбаева Жулдыз Машинбаева

научный сотрудник центра аль-Фараби
Казахского Национального
Университета аль-Фараби (г. Алматы)

Imanbaeva Zhuldyz Mashinbayevna

Researcher at the Al-Farabi Center,
Al-Farabi Kazakh National University
(Almaty)

**КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА
ЦЕННОСТЕЙ**

**CULTURE AS A VALUE
SYSTEM**

Аннотация:

В статье освещается развитие Аксиологии как ценностной теории культуры в истории мировой философской мысли. Автором была поставлена цель раскрыть значение основных категорий аксиологии культуры: дух, ценность, человек, культура. В рамках аксиологического подхода культура предстает как ценностно организованное единство. С этой точки зрения открываются широкие возможности в изучении культуры, анализе и объяснении ее явлений. Несмотря на сохраняющийся общественный интерес ценностная проблематика не нашла однозначного решения до наших дней. Решение обозначенных проблем в развитии Аксиологии нуждается в иных, чем применявшихся прежде подходах. Поиску таких путей и посвящено данное исследование.

Ключевые слова:

аксиология, культура, ценности, философия культуры.

Abstract:

The article highlights the development of axiology as a value theory of culture in the history of world philosophical thought. The author set a goal to reveal the meaning of the main categories of axiology of spirit, value, man, culture. Within the axiological approach, culture appears as a value-organized unity. From this point of view, there are great opportunities in the study of culture, analysis and explanation of its phenomena. Despite the continuing public interest, the value problem has not found a clear solution to the present day. The solution of the indicated problems in the development of axiology requires different approaches than those used before. This study is devoted to the search for such ways.

Keywords:

axiology, culture, values, philosophy of culture.

Культура изначально духовное явление. Идеальное опредмечивается в человеческой деятельности. Слова, мысли, чувства есть первичные проявления духовного. Человек живет в созданном им самим мире культуры. В процессе усвоения созданной до него культуры человек ее распредмечивает, т. е. извлекает заложенную в ней духовную информацию. Затем на основе полученных знаний, навыков, усвоенных ценностей творит уже собственную культуру. Этот круговорот материального и идеального обнаруживает диалектическую природу культуры.

Введший термин «аксиология культуры» российский философ Г.П. Выжлецов выделял в слове «культура» два смысла: во-первых, от лат. “cultura” – обработка, возделывание, облагораживание и, во-вторых, тоже от лат. “cultus” – почитание. В его определении «культура – 1) высшая степень облагороженности и очеловеченности природных и социальных явлений, условий жизни и межсубъектных отношений, освоенная живущими и переданная последующим поколениям; 2) сфера реализации ценностей...» [4, с. 146]. По словам И.А. Бердяева, «культура родилась из культа, ее истоки сакральны, она иерархична, «аристократична» и символична по своей природе, благодаря чему является источником и носителем духовной жизни общества и личности» [3, с. 334].

Что такое ценности? Дело в том, что информация, составляющая идеальное содержание культуры, неоднородна. По мнению философа В.Н. Сагатовского, «за информацией стоят глубинные интенциональные переживания, которые являются основой интерпретации информации, но сами не носят информационного характера» [9]. Окрашенная в определенные оттенки переживания информация составляет ядро культуры. Основатель «философской герменевтики» Х-Г. Гадамер по поводу переживания говорил: «То, что мы называем переживанием, подразумевает нечто незабываемое и незамещаемое, основополагающим образом неисчерпаемое в аспекте познающего определения своего значения» [10, с. 111].

Ценности нужно отличать от культурно нейтральной информации. Знающий и умеющий человек не одно и то же что культурный человек. Воспитание проявляется в поведении. Поведение – это то, как мы себя выражаем в словах, поступках, отношениях, жестах, мимике, позах. Воспитание не сводится

к повторению, копированию предложенных форм культурного поведения. Но эти формы, становясь устойчивыми, могут наполняться разным содержанием или быть совсем культурно бессодержательными. Культура общения не состоит только из правил, традиций и этикета – это ее лишь внешние формы.

Простая истина нагая
опасна тогам и котурнам:
осел, культуру постигая,
ослом останется культурным.

И. Губерман

В процессе воспитания нужно двигаться от содержания к форме, а не наоборот. Формальное и чрезмерно рационализированное знание о культурных нормах еще не говорит о воспитанности человека. Полноценное воспитание предполагает глубокое принятие определенных ценностей и соответствующих им норм поведения.

Аксиология, т. е. философия ценностей, является основным методологическим принципом в изучении культуры. «Аксиология культуры представляет собой ценностную теорию культуры и одновременно философское учение о культурных ценностях» [26, с. 16]. Аксиология как учение о ценностях возникла на рубеже XIX и XX вв. В тот переломный период, предшествовавший мировым войнам и революциям, ценностная проблематика приобрела столь важное значение, что в итоге в системе философского знания появилась новая дисциплина Аксиология. В 1902 г. французский философ П. Лапи предложил для обозначения теории ценностей термин аксиология (от греч. *axios* – ценный), он потеснил предложенный И. Крайбиггом термин «тимология» (от греч. *timia* – ценимый).

Г.П. Выжлецов в развитии философской дисциплины аксиологии выделял три основных периода: классический (1890-е – 1930-е гг.), неклассический (1930-е – 1970-е гг.) и постнеклассический (1970-е – 2010-е гг.).

Классический период связан с именами неокантианцев Баденской (Фрейбургской) школы В. Виндельбандом и Г. Риккертом. Они утверждали, что мир состоит из бытия и ценностей. Г. Риккерт ввел метод отнесения к ценностям. В своих основных произведениях «Философия истории» (1905 г.) и «Науки о природе и науки о культуре» (1910 г.) он, используя этот метод,

разделял науки о природе и науки о культуре. Бытие, связанное с ценностями есть культура. Природные явления ценностно нейтральные, поэтому их следует изучать отдельно. Ценности, по мнению Г. Риккерта, обладают свойством всеобщности. На вопрос «мыслимо ли когда-либо исключить произвол в исторических науках?» отвечал – «единство и объективность наук о культуре обусловлены единством и объективностью нашего понятия культуры, а последние, в свою очередь, – единством и объективностью ценностей» [11, с. 122, 125].

На рубеже веков ценностная проблематика поднималась практически во всех областях социогуманитарного знания: экономике, правоведении, политологии, социологии, этике, эстетике, культурологии и, конечно, в философии. Немецкий философ, основоположник философской антропологии Макс Шелер считал, что ценности – это трансцендентные сущности, находящиеся вне пространства и времени. Он выстраивал ценности в иерархическую систему от низших – чувственных до высших – духовных. Способность трансцендировать за пределы «жизни», по Шелеру, неотъемлемое свойство человеческого бытия. Все сущее есть «великий» синтез двух противоположных потенций «порыва и духа». «Порыв» олицетворяет хаотическую силу материи, поток «жизни». «Дух», напротив, относится к идеальной форме бытия, является трансцендентным источником духовных ценностей человеческой культуры. Дух (“*Deitas*”) есть одно из сущностных начал человека, в котором божественное сливается с человеческим. При этом человек понимается не как творение Бога, а как его соавтор (*Mitbildner*). Оживотворение духа в результате синтеза двух онтологических потенций есть цель и предел конечного бытия, т. е. человеческой жизни. Человеческий дух способен восходить в царство идеальных сущностей, познавать предельные основы бытия. Для этого он также нуждается в силе «порыва», инстинктов. ««Дух» должен не отрицать инстинкты, а вовлекать их в сферу своего действия» [27]. Синтез «духа» и «порыва» не предполагает их обязательного слияния. Сила «порыва» не есть только средство, она привносит в жизнь свои краски и обладает своей особенной ценностью.

Н. Гартман, поддерживая идею трансцендентного источника ценностей, говорил, что человек лишь в некотором “чувстве ценности” слышит зов

из мира объективных, независимых от него ценностей и, не имея возможности влиять на них, пытается в определенной мере следовать им в своей жизни» [28, с. 454-456]. Дух существует в персонально-субъективной и исторически объективной формах. На высших ступенях духовной культуры находятся нравственные (добро), эстетические (прекрасное) и познавательные (истина) ценности. Низшие ступени иерархии занимают ценности пользы и удовольствия. М. Хайдеггер, отмечая вклад Г. Риккерта, М. Шелера и Н. Гартмана в развитие ценностной культурфилософии, говорил: «Философия ценности оказывается истинной научной философией культуры» [29, с. 38].

Русская религиозная философия Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского, С.Л. Франка несколько иначе рассматривала вопросы духовности, ценности, человека и культуры. По мнению выше названных, философов философское осмысление культуры невозможно в отрыве от анализа национальной культуры и философии. Словами И.А. Ильина, «у каждого народа особая, национально-зарожденная, национально-выношенная и национально-выстраданная культура» и любой «мировой гений» есть всегда и прежде всего национальный гений» [31, с. 330-332]. Н.А. Бердяев отмечал, что именно в культуре, а не в политике или экономике осуществляются цели общества. Он же говорил, что русская философия может что-то дать русскому народу и всему человечеству, если только будет черпать из глубин национального духовного опыта.

Н.О. Лосский разработал свою концепцию философии ценностей, назвав ее онтологической аксиологией. Он стремился избегать крайностей субъективизма, размышляя над природой ценностей. В своей книге «Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей» (Париж, 1931 г.) он писал, что человеческие желания, влечения и переживания не есть ценности, а лишь их следствие и проявление. «Чувства ценности суть субъективные одежды, в которые облакаются объективные ценности, вступая в наше сознание» [33, с. 277]. Субъективностью человеческого сознания Лосский объяснял существование противоречащих друг другу различных концепций в аксиологии. Источником ценностей служит Мировой Дух или Царство Духа, в котором сосредоточена полнота трансцендентного бытия. Ценностным отношением

проникнута вся деятельность человека. Ценность, пишет Лосский, «есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [33, с. 250].

Введший в 2002 г. понятие «русская религиозная аксиология» в научный обиход В.Г. Лукьянов отмечал особое значение этого философского течения для выработки новой духовной парадигмы современной России. По мнению В.Г. Лукьянова в эпоху радикальных перемен утрачиваются твердые духовно-нравственные основания социальной жизни. Подобного рода кризисные состояния общества характеризуются отсутствием целостности. Русская религиозная философия нашла отражение в творчестве известного русского писателя Ф.М. Достоевского. В духе этого учения он говорил, что после «смерти Бога» мир распадается в самом человеке и он утрачивает опору и смысл своего существования.

Как отмечал Г.П. Выжлецов, к концу классического периода аксиология так и не выработала единого понятия ценности. В неклассический и постнеклассический периоды эта проблема тоже не была решена. Несмотря на сохраняющийся общественный интерес к ценностной проблематике решение этого вопроса застряло в дебрях аксиологического релятивизма. Утрата современной аксиологией общефилософского статуса негативно отражается на самой философии как квинтэссенции культуры и основы гуманитарного знания.

Современная постмодернистская философия выступает с позиции радикальной переоценки ценностей, отказа от фундаментальных понятий классической философии. Предтеча постмодернизма Ф. Ницше считал, что есть только интерпретации и толкования бытия, но самого бытия нет. Современный французский философ А. Компт-Спонвилль в своей работе «Ценность и истина: Циничные очерки», продолжая эту нигилистическую традицию, отрицает существование блага, красоты, справедливости. Возможны лишь представления о них. Ницше называл истины «неопровержимыми заблуждениями». Постмодернизм скептически оценивает возможности человека к познанию и разумной деятельности.

Отказ от категории бытия в методологическом плане привел к релятивизму. В окружающем мире отсутствует гармония. Мир распадется на множество

фрагментов, между которыми отсутствуют устойчивые связи. Эта фрагментарность порождает «множественность порядков». Различные теории, концепции того или иного «порядка» в равной степени допустимы и возможны, но их познавательные достоинства остаются одинаково относительными.

Постмодернистская философия размывает границы между ценностями и их антиподами. Добро и зло меняются местами или растворяются друг в друге. Такие явления называются «Диссолютами» (от англ. dissolution – растворение). Например, встречающаяся в жизни практика противления злу насилием (или тем же самым злом). Но, как говорил Н.О. Лосский, нельзя ради самой «жизни утрачивать смысл жизни» [34, с. 199].

Базовые категории аксиологии культуры: дух – ценность – человек – культура. Дух есть трансцендентный источник ценностей. Объективность ценностей культуры обусловлена соотносительностью с трансцендентным Духом. Слова русского ученого медика Н.И. Пирогова проводят ту же самую мысль: «Не потому ли наш ум и находит вне себя целесообразное творчество, что он сам есть проявление высшего, мирового жизненного начала, которое присутствует и проявляется во всей вселенной?» [26, с. 22]. Ценности связаны с единичным бытием людей. В единстве уникальности и всеобщности раскрывается онтологическая сущность ценностей. Приобщение к высшим духовным ценностям требует от человека внутренней работы по воссозданию себя как нравственного существа. Поэтому невозможно представить ценности вне условий свободного и самостоятельного выбора. Ценность – это истина духа, которую человек смог воплотить в своей культуре.

Ценности определяют внутреннее отношение субъекта к различным явлениям, формируют иерархию целей и средств деятельности, задают ее направленность. Без ответа на вопрос «во имя чего» значительные массивы информации (например, научные формулы, алгоритмы и фактологические описания) остаются ценностно нейтральными. Наука, как и вся человеческая деятельность, приобретает культурное значение только будучи вписанной в определенную аксиологическую матрицу.

В.Н. Сагатовский в своем труде «Философия развивающейся гармонии» продвигает идею о том, что целостное бытие складывается из объективной, субъективной и трансцендентной реальности. С объективной реальностью

более или менее понятно, она включает окружающий природный мир. То, что М. Бахтин называл «бытием на границах», – это когда единичная душа соприкасается с самодостаточной и непредикативной сущностью – Абсолютом или Мировым Духом. Это «идеальная, правящая миром сила, к которой человек может быть активно и пассивно причастен» [6, с. 706]. Аксиологический подход неоднократно критиковался за излишний субъективизм. Если основание культуры находится в субъективной реальности, в особом душевном переживании, то тогда все надсубъектное автоматически исключается из культуры. Действительно в понятия «человечность», «благородство», «одухотворенность» можно вкладывать различный смысл. Но разброс в толкованиях одних и тех же ценностей не означает их предметную бессодержательность и принципиальную непознаваемость. Субъективистская относительность культурных ценностей преодолевается благодаря гармоничному единству трех видов реальности.

Н.О. Лосский писал: «Ценности возможны лишь в том случае, если основы бытия <...> духовны» [1, с. 24]. Формирование ценностей зависит от того востребует или не востребует человеческая душа, присутствующий в ней Дух. Инициатива за переживание этой сопричастности принадлежит индивиду. Поэтому мы часто говорим о свободе и воле, когда речь заходит о нравственном выборе. Целью не является получение каких-то сведений о Духе ведь он по определению непредикативен (непознаваем). Советский философ Г.С. Батищев переживание сопричастности трансцендентному духу называл глубинным общением, «глубинность общения означает <...> участие в нем <...> за-пороговых, не поддающихся распределению содержания» [1, с. 24]. Искомый результат – это переживание присутствия Абсолюта в конечном существовании субъекта для придания полноты, смысла его жизни.

В рамках аксиологического подхода культура предстает как ценностно организованное явление. С.Л. Франк ещё в 1909 г., писал о культуре как о совокупности осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей» [32, с. 89]. В трактовке Г.П. Выжлецова «культура, в конечном итоге, есть реализация ценностей как воплощения трансцендентного и живого человеческого духа» [26, с. 26]. В.Н. Сагатовским было предложено

такое определение «Культура есть семиотический аспект процесса и результатов человеческой деятельности, в которых воплощаются ценности субъекта и его отношение к духовной основе бытия» [1, с. 27]. Семиотический означает информационный, смысловой, знаковый.

«Всякая великая культура, – писал П.А. Сорокин, – есть не просто конгломерат различных явлений <...> а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную ценность. Доминирующие черты изящных искусств и науки такой единой культуры, ее философии и религии, этики и права, ее основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части ее нравов и обычаев, ее образа жизни и мышления (менталитета) – все они по-своему выражают ее основополагающий принцип, ее главную ценность» [1, с. 21]. Главная ценность задает тот особый душевный настрой, названный русским философом XIX в П.Д. Юркевичем *общим чувством*, являющимся «последнею, глубочайшею основой наших мыслей, желаний и дел» [1, с. 25].

Применив аксиологический подход, П.А. Сорокин выделял три типа культуры: идеациональную, чувственную и идеалистическую. То, что считается достижениями цивилизации – техника, комфортные условия жизни в разных культурах имеют неодинаковое значение. В чувственных культурах материальные ценности преобладают над духовными. В жизни большее значение придается чувственным радостям. Нормы морали рассматриваются с точки зрения их практической пользы. Агрессивная потребительская позиция в отношении окружающей природы. Приоритет личных интересов над общественными. Идеациональная культура, напротив, проповедует аскетический образ жизни, строгое соблюдение моральных принципов. Земное счастье приносится в жертву долгу. Идеалистическая культура сочетает в себе ценности чувственной и идеациональной культур. Она направлена на сохранение баланса между духовным и материальным.

Чтобы продемонстрировать, как ценности определяют культуру человека и общества, можно привести в качестве примера теорию профессора Республиканского гуманитарного университета при СПбГУ, доктора философских наук В.В. Селиванова. Согласно его теории, культура существует

на трех уровнях. Низший уровень культуры называется «витальным» (от лат. “vita” – жизнь) потому что люди, находящиеся на этом уровне, считают комфорт, отдых и развлечения своими главными жизненными ценностями. Виталисты отличаются прагматичностью, стремлением из всего извлекать выгоду. Стараются придерживаться определенного ограниченного круга общения. Имеют узкий кругозор. Культуру усваивают поверхностно. Этот феномен встречается в любом обществе.

На втором уровне потребность в самореализации выходит на первый план. Этот уровень называется уровнем специализированной культуры. Из названия можно понять, что здесь все жизненные интересы сосредоточены вокруг какого-то дела. На втором уровне могут находиться люди разных профессий. Для таких людей свойственно жить жизнью своих способностей, отдаваться им без остатка. Все, что находится вне сферы их профессиональной деятельности вряд ли их заинтересует. При этом они склонны придавать завышенное значение результатам своего труда. Увлеченные своим делом люди готовы идти на большие жертвы ради профессиональной цели. Иногда неоправданным жертвам, влекущим негативные последствия им самим и окружающим.

На третьем уровне, уровне полноценной культуры главная ценность – это сам человек. Для этого уровня характерны широта кругозора, глубокий и живой интерес ко всему окружающему. Люди, находящиеся на высшем уровне скромны и деликатны в общении, их речь богатая и выразительная. Они умеют создавать цельную картину мира. Проявляют трепетное отношение к природе. Способны получать эстетическое наслаждение от созерцания красоты и величия окружающего мира. На низшем уровне, для сравнения природа представляет больше утилитарный интерес. Здесь срабатывает принцип: если «не мое» и если это выгодно, то можно загрязнить и уничтожить. Физическая красота на разных уровнях культуры приобретает разное значение. На высшем уровне это прежде всего забота о здоровье, чтобы твоя телесность была в радость тебе и окружающим. На уровне специализированной культуры физическое совершенство или спортивное мастерство являются самоцелью. На низшем уровне физическая привлекательность рассматривается как средство для достижения какой-либо выгоды.

Как отмечает российский философ В.П. Большаков, культура в обществе функционирует на всех трех уровнях. Но это весьма условное разделение. По его же словам, «живые люди плохо укладываются даже в хорошие схемы» [2, с. 16]. Основание всякой культуры составляют ценности. Высшие ценности более конкретно ее характеризуют. «Во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком» [6, с. 70]. Одни и те же ценности в разных культурах могут обретать различный смысл.

Культура представляет собой сложный феномен человеческого бытия. Ядро культуры составляют выстроенные в иерархическую систему ценности. Высшие ценности определяют облик и направление развития той или иной культуры. Несмотря на длительный период векового существования Аксиология как философская дисциплина, как отмечает введший термин «Аксиология культуры» Г.П. Выжлецов, так и не смогла выработать единого понятия ценности. Вероятно, это связано с тем, что значение одних и тех же ценностей в отдельных культурах может трактоваться по-разному. Когда заходит речь о конфликте ценностей нужно понимать, что в основе этого явления лежит несогласие в понимании ценностей. Решение обозначенных проблем в развитии Аксиологии нуждается в иных, чем применявшихся прежде подходах. Даже если и не получится решить полностью проблему аксиологического релятивизма, есть возможность хотя бы сократить ее масштабы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. – СПб.: СПбГУ, 1996.
2. Новая философская энциклопедия. Т. 4. – М.: Мысль, 2010.
3. Сагатовский В. Н. Бытие идеального.- СПб., 2003.
4. Гадамер Х. Г. Истина и метод. – М., 1988.
5. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры на рубежах веков // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2 (23). – Рр. 15–26.
6. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Культурология. XX век. Антология. – М., 1995.
7. Чухина Л. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера. – М., 2004.

8. Гартман Н. Эстетика. – Киев: Ника-Центр, 2004.
9. Хайдеггер М. Феноменология и трансцендентальная философия ценности. – Киев: Cartel, 1996.
10. Ильин И. А. Основы христианской культуры. – М.: Искусство, 1993.
11. Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. – М.: Республика, 1994.
12. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Основы этики. – М.: Политиздат, 1991.
13. Сагатовский В. Н. Философия культуры: предмет и базовые понятия // Парадигма: философско-культурологический альманах. – 2008. – № 11. – С. 201.
14. Большаков В. П. Культура как форма человечности. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2008. – С. 92.
15. Франк С. Л. Этика нигилизма. – М.: Правда, 1990.

REFERENCES

1. Vyizhletsov G. P. *Aksiologiya kulturyi* [Axiology of Culture]. SPb, SPbSU, 1996.
2. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopaedia]. M., Mysl, 2010. Vol. 4.
3. Sagatovskiy V. N. *Bytie idealnogo* [Being of the Ideal]. SPb, 2003.
4. Gadamer H. G. *Istina i metod* [Truth and Method]. M., 1988.
5. Vyzhletsov G. P. Axiology of culture at the turn of centuries. *Mezhdunarodniy zhurnal issledovaniy kultury = International Journal of Cultural Studies*, 2016, no. 2 (23), pp. 15-26. (In Russian).
6. Rikkert G. *Nauki o prirode I nauki o culture. Kulturologiya. XX vek. Antologiya* [Science of Nature and Science of Culture. Cultural Studies. XX Century. Anthology]. 1995.
7. Chukhina L. *Chelovek i ego tsennostny i mir v fenomenologicheskoy filosofii Maksa Shelera* [Man and His World of Values in Max Scheler's Phenomenological Philosophy].
8. Gartman N. *Estetika* [Aesthetics]. Kiev, Nika-Tsentr, 2004.
9. Haidegger M. *Fenomenologiya I transtsendentalnaya filosofiya tsennosti* [Phenomenology and Transcendental Philosophy of Value]. Kiev, Cartel, 1996.
10. Ilyin I. A. *Osnovy hristsianskoy kulturyi* [Basics of Christian Culture]. – M., Iskusstvo. 1993.
11. Losskiy N. O. *Tsennost i bytie. Bog i Tsarstvo Bozhie kak osnova tsennostey* [Value and Being. God and God's Kingdom as the Basis of Values]. M., Respublika, 1994.

12. Losskiy N. O. *Usloviya absolutnogo dobra. Osnovy etiki* [Terms of absolute good. Basics of Ethics]. M., Politizdat, 1991.

13. Sagatovskiy V. N. Philosophy of culture: subject and basic concepts. *Paradigma: Filosofsko-kulturologicheskiy almanah = Paradigm: Philosophical Cultural Almanac*, 2008, no. 11, p. 201.

14. Bolshakov V. P. *Kultura kak forma chelovechnosti* [Culture as a form of humanity]. Velikiy Novgorod, Yaroslav Mudriy NovSU, 2000, p. 92.

15. Frank S. L. *Etika nigilizma* [Ethics of nihilism]. M., Pravda, 1990.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Иманбаева Ж.М. Культура как система ценностей / Ж.М. Иманбаева // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 44–56.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Imanbayeva Zh.M. Culture as a value system // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 44–56. (In Russian).

УДК-3.30.32.303.01

Фомин Владимир Николаевич

аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Fomin Vladimir Nikolaevich

post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

Похилько Александр Дмитриевич

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Pokhilko Alexander Dmitirivich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

**ЦЕННОСТИ МОРАЛИ И ПРАВА
В РОССИИ**

**VALUES OF MORALITY
AND LAW IN RUSSIA**

Аннотация:

Рассматривается взаимоотношение морали и права в российском обществе. Показано, что стремление к формализации правовых конституционных отношений российского общества ведет к индивидуализации. В России формальное право недостаточно воспринимается, так как историческое доминирование морально-ценностных установок уже предполагает в себе правовой аспект. Сделан вывод о том, что в современном обществе правовая и духовная личность не могут быть абсолютно автономными, так как они предполагают традиционную диалектическую зависимость от общества.

Ключевые слова:

личность, общество, право, мораль, ценность индивидуализация.

Abstract:

The relationship of morality and law in Russian society is considered. It is shown that the desire to formalize the legal constitutional relations of Russian society leads to individualization. In Russia, formal law is not sufficiently perceived, since the historical dominance of moral values already implies a legal aspect. It is concluded that in modern society, the legal and spiritual personality cannot be completely autonomous, since they presuppose traditional dialectical dependence on society.

Keywords:

personality, society, law, morality, value, individualization.

В современной России аксиологические взаимоотношения личности и общества имеют весьма неоднозначный характер. Но противоречия между личностью и обществом, подчеркиваемые еще Н.К. Михайловским, являлись не только проблемой России. Если в последней обезземеливание крепостных крестьян для большей эффективности сельского хозяйства вносило элемент обезличивания, то на Западе обезличивание индивида проходило через более эффективное производство. Примером чему была спекуляция в Голландии XVII века, где, по мнению Михайловского, ради сверхприбыли личность также нивелировалась [6, с. 463–467].

Критика формулы немецкой классической философии «Я – не я», где человек противопоставлен всему миру, по мнению Михайловского, приводит к поражению на почве познания и наживы, где приоритет частных интересов, противопоставляется собственной индивидуальности. Личностная экзистенция должна быть менее расширена, поэтому востребованность обращения Запада к общине и небольшому цеху, где влияние общества на личность было значительно слабее, чем в огромных корпорациях, становится все более востребованной [6, с. 479].

Сейчас на Западе прослеживается подобная тенденция. Элвин Тоффлер говорит о создании различных групп и сообществ, а также групповых семей по религиозным, возрастным, половым и иным признакам. Мыслитель подчеркивает, что коммуны в своем развитии противопоставляются социальной мобильности, обусловленной скачком к «супериндустриальному устройству мира» [8, с. 271]. Сначала в коммуны войдут пенсионеры, молодежь, различные специалисты и иные представители социальных групп, а с дальнейшим развитием компьютерных технологий и заработками в домашних условиях в данные группы волеется еще большее число последователей.

Иными словами, в противовес индивидуализирующемуся обществу создаются различного рода общины. В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, следует задаться вопросом о том, насколько были правы славянофилы, ратующие за общину, в противоположность капиталистическим отношениям и парламентаризму западного типа.

Например, А.С. Хомяков говорит о том, что вигизм, т. е. либеральное течение, будучи в своем развитии несколько односторонним, для Англии

был естественным явлением, так как соответствовал историческому ходу событий. Но в России при случайности развития гетерономного государства либерализм вылился в протест всякому русскому началу, а при дальнейшем обращении к Западу «сделался школьником и рабом» [9, с.156].

Следствием, по мнению Хомякова, стало перенимание русской социокультурной средой западной образованности, не выражающей народных идеалов, так как отчужденная от жизни народа личность не способна к подлинному творчеству. Особенно данная интенция проявляет себя в литературе и живописи, где наилучшим для России может быть иконописная традиция [9, с. 161–163].

Интересным в данном направлении, по нашему мнению, является суждение Н.А. Бердяева о славянофилах. Славянофилы, в отличие от официальных народников являлись «антигосударственниками». У них вполне прослеживаются элементы анархии, так как власть в их понимании грех, а государство – зло. Они выступают в защиту монархии на основании, того, что лучше одному человеку замараться властью, постоянно «греховной и грязной», чем всему народу.

Народ у них не государственный, но религиозный, поэтому в своей свободе от управления выполняет свое религиозное призвание. Они ратуют за общину, в противовес частной собственности, отрицают западную буржуазию и цивилизацию. В своих воззрениях они предвосхитили, еще до Шпенглера, разницу между культурой и цивилизацией. В то же время славянофилы выступают за свободу личности, свободу слова и за своеобразную демократию с признанием принципа «верховенства народа» [1, с. 25–26].

Также небезынтересным является мнение Бердяева о разочарованности в западной социокультурной среде нашего первого эмигранта в Европу А.И. Герцена, который совершенно разочаровался в мещанском укладе западной цивилизации. Герцен теперь полностью обращен к России и видит в мужицком тулупе потенцию «гармонического сочетания принципа личности, принципа общности и социальности» [1, с. 30].

Здесь следует задаться вопросом: существуют ли в современной России предпосылки к общественной жизни, в которой среднестатистический россиянин совмещает в себе принцип личности, общности и социальности.

Видимо вопрос, скорее вопрос риторический. Личностное начало, по нашему мнению, в России естественно присутствует, но, как и во времена «западников и славянофилов», протекает в направлении полемики формального права и суда по совести. Еще И. Кант говорил о том, что В России, как и в Турции, присутствует закон, но отсутствует свобода, в связи, с чем никто не может пользоваться «правом гражданина» [4, с. 564].

В Европе, по мысли Н.Я. Данилевского, напротив бурные события, борьба за независимость и политический строй «благоприятствовали чрезмерному развитию личности». Принципом европейской цивилизации стала индивидуальная свобода. Отсюда принцип верховной власти народа, как в теоретическом осмыслении, так и на практике применимый в народном голосовании, что отражается в «демократической конституции государства, основанной на всеобщей подаче голосов» [3, с. 286].

Существует мнение, что современный российский правовой нигилизм основан на идеях русской философии, в частности А.И. Герцена, «западников», «славянофилов» и «народников» в которых правовая личность не рассматривалась, в связи с приоритетами этической, революционной религиозной, самосовершенствующейся личности. Духовная личность, по мнению исследователя, несла в себе элементы совершенствования, в связи с чем право не было приоритетным направлением для интеллигенции.

Современные разработки в области возрождения веры, духовности, нравственности снова затмевают идею правового государства и гражданского общества. С одной стороны, общество воспринимает право, но, с другой стороны, вопросы правосознания остаются слабо востребованными. Отсюда можно сделать вывод о том, что в России правовые отношения не в полной мере стали частью культуры российского общества, войдя в нормативную привычку. Отсюда небезызвестный в России правовой «беспредел» и нигилизм [5, с. 15–16.].

Мы не согласны с данным мнением, так как полемика «славянофилов» и «западников» протекала во множестве аспектов в области права, начиная с П.Я. Чаадаева. В дальнейшем, например, П.А. Сорокин высказывает мнение о том, что российское движение социальных групп за равноправие постоянно растет. Поэтому любая национальность в своих национальных,

политических и гражданских правах должна иметь дальнейшую поддержку, а партии исповедующие принципы равенства, должны провозглашать национальный принцип. При этом высшей ценностью общества должна быть равноправная «человеческая личность» [7, с. 20–22].

Если же говорить в общем, о мировых тенденциях в области права, то в современных условиях ярко прослеживается тенденция его монополизирования в отдельных центрах. Политизированность данной категории определяет во многом различные положения конституции, которые могут меняться в зависимости от конъюнктуры внесением множественных поправок.

Например, Н.А. Бердяев говорит о том, что общество потеряло веру как в политические, так и в юридические формообразования. При этом различные конституции теряют свой авторитет, так как реальная власть все решает силовыми методами. Государство существует и функционирует скорее «социально-биологическими», нежели политическими и юридическими формами, что «окончательно обнаружила мировая война» [2, с. 526]. Мыслитель подчеркивает относительную полезность неизбежного введения конституции и парламента, но вера в построение подобными путями совершенного общества, где «можно излечить от зла и страдания, уже невозможно. Ни у кого такой веры нет» [2, с. 169].

Таким образом, можно говорить о том, что взаимоотношения личности и общества в контексте ценности морали и права предполагают как общую тенденцию положительного развития, так и противоречия. В качестве противопоставления цивилизационному пути развития, которое отчасти нивелирует личность, приходят различные виды общинного сосуществования, что выявляет кризисные явления индивидуализирующегося общества. Утверждение о том, что правовое начало в России не имеет под собой культурного наследия и не является частью российской культуры, также неверно, как и утверждение о том, что только духовная личность всегда была приоритетным и сейчас является одним из основных направлений современной российской мысли. Противопоставление личности правовой и личности духовной, как и их автономность, вряд ли возможны, так как скорее следует говорить об их диалектической взаимосвязи и зависимости от общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост. и коммент. Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
4. Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 1. / Под общ. ред. Л.Ф. Асмуса [и др.]. – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
5. Межуев В.М. Культура и государство в перспективе демократического развития России. Культурные трансформации в современной России (соц.-филос. анализ) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. С.А. Никольский. – М.: ИФРАН, 2009. – 159 с. – С. 15–16.
6. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений Н.К. Михайловского. – 4-е изд. – Типография Н.Н. Клобукова. Лиговская ул. д. № 34, Санкт-Петербург, 1906. – 986 с.
7. Сорокин П.А. Революция и социология. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 218 с.
8. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
9. Хомяков А.С. Сочинения: В 8 т. Т. 1. – М.: Университетская типография на страстном бульваре, 1900. – 408 с.

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. M., Nauka, 1990. 224 p.
2. Berdyayev N. A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of Inequality]. M., Institut Russkoy Tsivilizatsii, 2012. 624 p.
3. Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. M., Institut Russkoy Tsivilizatsii, 2008. 816 p.
4. Kant I. *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 Volumes]. M., Mysl', 1966. Vol. 1, 743 p.
5. Mezhujev V. M. *Kul'tura i gosudarstvo v perspektive demokraticeskogo razvitiya Rossii. Kul'turnyye transformatsii v sovremennoy Rossii (sots.-filos. analiz)* [Culture and State in the Perspective of the Democratic Development of Russia. Cultural Transformations in Modern Russia (Social-philosophical Analysis)]. M., IFRAN, 2009. 159 p.
6. Mikhaylovskiy N. K. *Polnoye sobraniye sochineniy N.K. Mikhaylovskogo* [The Complete Works of N.K. Mikhailovsky]. SPb, 1906. 986 p.

7. Sorokin P. A. *Revolyutsiya i sotsiologiya* [Revolution and Sociology]. – М.: Direkt-Media, 2007. – 218 s. (In Russian).
8. Toffler E. *Shok budushchego* [Future Shock]. М., Izdatel'stvo AST, 2002. 557 p.
9. Khomyakov A.S. *Sochineniya V 8 t.* [Works in 8 volumes]. М., University Publishing House on Strastnoy Bul'var, 1900. V. 1, 408 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Фомин В.Н. Ценности морали и права в России / В.Н. Фомин, А.Д. Похилько // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 21. – С. 57–63.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Fomin V.N., Pokhilko A.D. Values of morality and law in Russia // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 57–63. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК-392.3.00

Агеева Полина Владимировна

аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Ageeva Polina Vladimirovna

post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СКЛАДЫВАНИЯ СЕМЕЙНОГО БЫТА У ГОРСКИХ АРМЯН (ЧЕРКЕСОГАЕВ)

SOME ASPECTS OF ESTABLISHING FAMILY LIFE OF THE GORSKY ARMENIANS (CHERKESOGAIS)

Аннотация:

В 2019 году город Армавир отмечает своё 180-летие. Будущий город Армавир был образован как небольшой аул, носивший название «Армянский». Своё теперешнее название Армавир получил в 1848 г. Армавир быстро рос и развивался, достаточно высокого уровня достигли такие отрасли как сельское хозяйство, промышленность, торговля. Одну из ключевых ролей в становлении Армавира как довольно крупного экономического центра Кубанской области сыграли первые поселенцы черкесогаи. За прошедший период культура черкесогаев, в том числе семейный быт, претерпели сильные изменения. Преобразования в семейном укладе горских армян проходили в два этапа: в период проживания среди адыгов и после переселения черкесогаев на подконтрольные территории Российской империи.

Abstract:

In 2019, the city of Armavir is celebrating its 180th anniversary. Armavir was formed as a small village, called "Armyanskiy". Armavir received its present name in 1848. Armavir quickly grew and developed; such industries as agriculture, industry, trade reached quite a high level. One of the key roles in the development of Armavir as a fairly large economic center of the Kuban region was played by the first settlers Cherkesogais. Over the past period, the Cherkesogais' culture, including family life, has undergone dramatic changes. Transformations in the family structure of the Gorsky Armenians went in two stages: during the period of residence among the Adyghes and after the resettlement of the Cherkesogais in the controlled territories of the Russian Empire.

Ключевые слова:

семейный быт черкесогоаев, межэтнические контакты с автохтонным и пришлым населением.

Keywords:

family life of the Cherkesogais, inter-ethnic contacts with autochthonous and alien populations.

Термин «субэтнос» ввёл в научный оборот Лев Николаевич Гумилёв. Данное понятие широко использовал Ю.В. Бромлей [1]. Виктор Иванович Козлов рассматривал понятие субэтноса как продукт, появляющийся в результате миграционных процессов части этноса и смены ей природных условий проживания. Он считал, что именно природно-климатические условия оказывают непосредственное влияние на изменения, происходящие в материальной и отчасти духовной культуре народа [2]. К.Э. Григорян на современном этапе выделяет одиннадцать субэтнических групп армян. Территория расселения армян весьма обширна. В связи с этим, различия в материальной и духовной культуре, в частности, в семейном укладе имеют место быть. Я.С. Смирнова в работе «Семья и семейный быт народов Северного Кавказа» так же указывает на влияние места проживания на культуру и семейный быт этноса [3, с. 23].

Черкесогоаи – армянский субэтнос, который сложился в результате миграционных процессов, приведших к переселению групп армян на чужеродные территории. Впервые упоминания о данном субэтносе появляются в XIX в. Большая российская энциклопедия указывает как первый письменный источник по изучению истории черкесогоаев – записку армавирского архиепископа Иосифа Аргутяна Екатерине II с просьбой о переселении горских армян на территорию Российской империи [4]. Черкесогоаев справедливо выделяют как субэтническую группу армянского народа, поскольку горские армяне обладают основными признаками субэтноса: обособленность территории, лингвистическое и культурно-бытовое отличия от материнского этноса. Проживая среди черкесов, горские армяне называли себя «ермэлы». Термин «черкесогоаи» в середине XIX века ввёл в научный оборот современник основания и становления аула Армянского И.И. Иванов [5, с. 111].

Вопрос о времени появления армян среди черкесов остаётся дискуссионным. Данная статья не предполагает полного освещения этого вопроса,

но для нас важно понимать, как долго культура горских армян испытывала на себе влияния со стороны адыгов. Версии о наиболее раннем переселении армян в Черкесию подкреплены археологическими источниками. Близ ст. Белореченской на развалинах христианского храма был найден камень, на котором выполнена надпись на армянском языке. Надпись датируется 1171 г. Перевод надписи следующий: «Церковь построена каменщиком из Кафы Крымбей в 620 году армянской эры». Наличие армянских храмов на территории Кубани, датируемых средними веками, даёт нам представление о начале миграционных процессов армянского населения в Черкесию [6, с. 257]. По предположению исследователя устного народного творчества армян Поркшеяна Христофора Акимовича, данный народ переселяется в Черкесию в XI в. В армянской церкви города Львова, построенной в середине XIV века, хранилась грамота галицийского князя Фёдора 1062 г., которая в настоящее время утрачена. В этой грамоте князь обращается к касогатским армянам. Поркшеян сделал предположение о том, что «касогатские армяне» – это касогские армяне. На этом факте основывается предположение о проживании армян среди касогов (черкесов) в XI в. [7, с. 72]. В.Б. Виноградов приходит к заключению о том, что армяне попадают в Черкесию в более поздний период, в конце XV века после падения генуэзских городов-колоний и распространения власти османов на территории Крыма [8]. Большинство исследователей склонно придерживаться теории более раннего переселения, так как горские армяне утратили свой родной язык. Черкесогаи на протяжении не одного столетия проживали среди черкесов и частично были ассимилированы, переняли быт, культуру, обычаи горцев. Семья является наиболее консервативным институтом общества. В семье в большой степени сохраняются традиции. Ф.А. Щербина, говоря о семейном быте черкесогаев, сравнил семью армянина-горца с двустворчатой раковиной, где большая половина – это традиции черкесов, а меньшая – «национальные установления армян» [9, с. 201]. Черкесогаи говорили на языке адыгов, носили типичную для северокавказских народов одежду, вели хозяйство по черкесскому типу, но, тем не менее, полная ассимиляция не произошла. Несмотря на схожесть антропологических типов, всё же горские армяне сохранили некоторые признаки, которые позволяли опреде-

лить их национальную идентичность. Черкесогаи продолжали исповедовать христианство, отсюда следовали некоторые различия в семейном быте. Щербина писал: «Армянин всегда был черкесом по внешности и армянином по духу» [9, с. 204]. До укоренения среди черкесов ислама, армяне не редко брали в жёны черкешенок, при условии принятия последними христианства. Дети от таких браков тоже становились христианами. Смешанные браки способствовали очеркешиванию горских армян, так как матери-черкешенки растили детей в традициях своей культуры [10, с. 14].

Историческая память в семьях черкесогаев сохранила сведения о наличии предков, которые не являлись армянами. Вот некоторые армавирские фамилии, которые вели родство от представителей других этносов: Тамбиевы, Богарсуковы, Джантемировы, Бароновы, Сеферовы, Матеосовы, Кастановы, Хазаровы, Нагаевы и др. [5, с. 111]. Тем не менее, многие семейные традиции были сохранены армянами в период проживания в Черкесии [11, с. 7]. Во многом это было обусловлено сохранением в семейном быту христианских праздников. У армян, проживающих на территории Армении в XIX в. ещё сохранялись пережитки матриархата. Старшая женщина в доме, танткин, устанавливала порядок в доме и домохозяйин, который руководил всеми внешними делами, возвращаясь домой, должен был подчиняться этому порядку. Танткин подбирала невесту для юноши, принимала сватов, только танткин имела право обедать с мужчинами. Танткин садилась подле старика и докладывала о том, что необходимо выполнить: отвезти зерно на мельницу, купить ткани, продать излишки молока и масла и т. д. У танткин хранились ключи и большая ложка-разливайка, которой она распределяла обед [12, с. 233]. Роль старшей женщины в адыгском доме была менее значима, но, тем не менее, гуаше занимала важное место в патриархальной адыгской семье.

Переселившись к российской границе, черкесогаи сохраняют семейный быт, который сложился у данного субэтноса во время проживания среди горцев [13, с. 70]. Отношения внутри расширенной семьи были крепкими, это сказывалась и на ведении хозяйства. Полевые работы велись сообща. На обработку одного участка выходило сразу несколько семей, таким образом, помогали по очереди друг другу [14, с. 79]. К 1850 году

у черкесогаев, проживающих в а. Армавир, значительно улучшились бытовые условия, поскольку из центральных губерний Российской империи поступали более совершенные предметы бытового назначения: голландские печи, стекло, мебель и прочее [14, с. 264]. Проживая близ русской границы, черкесогаи сохраняют обычай кровомщения. Основным занятием черкесогаев была меновая торговля. Молодые армяне, покидая Армавир, отправлялись в черкесские аулы, для продажи мелкого товара. Нередки были случаи убийства армянских торговцев горцами. Родственники стремились узнать, как можно больше подробностей о случившемся, для того чтобы можно было отомстить убийце [15]. Синтез культур армянской и черкесской прослеживается в семейной обрядности черкесогаев. Младенцу на перекладину люльки подвешивали обереги: волчий зуб, янтарная бусина, мешочек, куда были зашиты первые обрезанные волосы и ногти ребенка, а также подвешивались молитвы. Последние обереги были двух видов: те, которые были вывезены из Черкессии, и те, которые были написаны уже в Армави́ре, людьми, прошедшими обучение в армавирских школах, где обучали письму на армянском языке. Тексты молитв-оберегов черкесогаи помнили на черкесском языке, но уже записывали данные молитвы армянскими буквами [16]. Многие исследователи отмечают, что после поселения в Армави́ре, черкесогаи получили возможность вернуться к родной речи, поскольку сюда стали стекаться армяне, не утратившие армянский язык.

По завершению Кавказской войны 21 мая 1864 года на Кубань, в том числе и в Армавир хлынул поток переселенцев из губерний центральной России. Данное обстоятельство коренным образом изменило национальный состав населения Армави́ра. В Армави́ре черкесогаи проживали в добрососедских отношениях рядом с армянами, абадзехами, бесленеевцами, евреями, греками, немцами и русскими. Данными сведениями нас снабжает кубанский историк XIX века Евгений Дмитриевич Фелицин. С.Н. Ктиторов пишет, что из-за «пёстрого многонационального состава» современники называли Армавир «новым Вавилоном» [17, с. 181]. Самым крупным этносом по численности являлись русские. На момент конца XIX в. они составляли 62 % от общего населения. Численность армян, включая черкесогаев, достигала 4 756 человек, что составляло 26,3 % населения Армави́ра. К 1910 г.

в Армавире проживала самая крупная армянская община на территории Северного Кавказа. Сергей Николаевич Ктиторов приводит для сравнения следующие цифры: в Армавире проживало 7 813 армян, в Кизляре – 5 000 чел., в Екатеринодаре – 3 437 чел. [17, с. 184]. Армянская община была поделена на две группы: коренные жители и иногородние переселенцы. Иногородние армяне прибывали в Армавир разными потоками. Численность общины была увеличена за счёт переселенцев из Новой Нахичевани, Елисаветпольской, Эриванской, Тифлисской губерний, Персии, Турции. Черкесогаи составляли большую половину в армянской общине. По данным 1911 года, черкесогаи составляли 66 % от общего числа армян.

В фондах Армавирского краеведческого музея имеются документы, отражающие историю повседневности черкесогаев. Мы уже говорили о значимости данного субэтноса для истории города Армавира. Фондовые материалы о быте, условиях жизни, уровне материальной обеспеченности, о трудовой занятости и досуговом времяпрепровождении, о степени использования местной и привозной продукции. Данные сферы, несомненно, оказывали огромное влияние на семейный быт черкесогаев. Сохранились письменные, вещественные, этнографические источники по изучению истории семейного быта черкесогаев. В фондах МБУК «АКМ» хранится приглашение на свадьбу. Приглашение выполнено в типографии, на картоне белого цвета. Содержит следующий текст: «Карапетъ Казаровичъ Папашьянцъ въ день своего бракосочетания с девицею Марией Макаровой Муратовой. Покорнейше просит Васъ пожаловать къ обряду венчания, имеющему быть в Воскресение 11 Ноября, в 6 часов вечера, въ Георгиевской церкви, а оттуда на балъ въ домъ Степанова, Убеженская улица № 54. Армавиръ 1907 г.» [18]. Данный документ даёт нам представление о порядке празднования торжества по случаю бракосочетания. Мы можем наблюдать, что в начале XX в. черкесогаи в Армавире имели возможность рассылать пригласительные на свадьбу, выполненные типографским способом. Также для изучения семейного быта черкесогаев конца XIX – начала XX в. служат фотоматериалы. Сохранился снимок детей семьи Аксёнтовых. На снимке запечатлены три ребёнка: два мальчика и девочка. Снимок выполнен в полный рост. На девочке надето тёмное платье, имеющее длинный рукав,

платье дополняет белый воротник, украшенный вышивкой в стиле «ришелье». Ноги закрывают рейтузы. Девочка обута в белые кожаные ботинки. На шее подвешен медальон, выполненный в виде сердца. Её волосы чёрные, слегка вьющиеся, поделены на прямой пробор и убраны назад. Причёску дополняет белая лента, подвязанная в виде ободка. За её спиной по обе стороны стоят два брата. Оба мальчика одеты в ученическую форму тёмного цвета. Их тёмные волосы коротко пострижены. Снимок был сделан в фотоателье на фоне задника. Фото приклеено на паспорту тёмно-серого цвета (рис. 1) [19]. Данный снимок рассказывает нам о детской одежде и причёсках черкесогаев, проживающих в Армавире в конце XIX – начале XX в. В рассматриваемый период дети черкесогаев перестают носить национальный костюм и переходят на европейское платье. В семье Аракелян сохранился снимок 1914 года, на котором запечатлены Рафаил и Аня Аракелян в национальных костюмах горских армян. В 1950 году Армавирскому краеведческому музею семья Аракелян передала фотокопию данного снимка, а также портреты детей, выполненные маслом на холсте. По всей видимости, национальные костюмы были надеты по особому случаю.

Рис. 1 – Дети семьи Аксёновых

В XX в. миграционные процессы армян продолжались, численность данного этноса была увеличена в Армавире за счёт притока переселенцев. По данным переписи 2010 г., официально на территории Армавира проживают 15 860 армян, среди которых представители различных субэтносов армянского народа, в том числе черкесогаи. В результате ассимиляции и инкультурации трансформируется и семейный уклад субэтнических групп армян. Так, например, эндогамные франги (армянские католики, переселившиеся в Армавир преимущественно с территории Грузии), проживая в России, стали заключать браки с представителями других групп. Любопытен тот факт, что, как правило, вступая в брак, франги проводят обряд венчания в армянской апостольской церкви Успения Пресвятой Богородицы (Верапохумн Сурб Аствацацин), освящённой в Армавире в 1861 году, но обряд крещение проводит приглашённый католический священник. Сегодня черкесогаи говорят преимущественно на русском языке, входе истории, они утратили черкесский язык, но так и не вернулись к языку материнского этноса. Подводя итог, следует отметить, что этническая культура – это живой организм, который под влиянием внешних факторов, претерпевает изменения в той или иной степени, оказывающие влияние на семейный уклад народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 413 с.
2. Козлов В.И. Этнология и проблемы долгожительства (опыт исследования) [Электронный ресурс] / В.И. Козлов. – Режим доступа: http://apsnyteka.org/765-kozlov_v_i_etnologia_i_problemy_dolgozhitelstva.html.
3. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа / Я.С. Смирнова. – М.: Наука, 1983. – 264 с.
4. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4682402>.
5. Ктиторов С.Н. Проблемы научного дискурса о происхождении субэтнической группы черкесо-гаев (черкесских армян) / С.Н. Ктиторов, О.В. Ктиторова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 6/2. – С. 107–113.
6. Волкова Н.Г. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века [Электронный ресурс] / Н.Г. Волкова. – Режим доступа: [http://hpj.asj-oa.am/972/1/1966-3\(257\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/972/1/1966-3(257).pdf).

7. Поркшеян Х.А. Происхождение черкесогоаев и основание г. Армавира / Х.А. Поркшеян // Вестник общественных наук. – 1971. – № 5. – С. 72–74.
8. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи [Электронный ресурс] / В.Б. Виноградов. – Режим доступа: http://budetinteresno.info/kraeved/narod_vin_index.htm.
9. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогоаев / Ф.А. Щербина. – Краснодар: Традиция, 2010. – 336 с.
10. Иванов Е.М. Армавир – мой город родной. Записки краеведа / Е.М. Иванов. – Армавир: Полиграфическое предприятие, 1996. – 273 с.
11. Лукьяненко С.С. Черкесогоаи и основание Армавира / С.С. Лукьяненко, Г. Геворкян // Гайманак. – 1996. – № 3. – С. 34.
12. Лисициан С.Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении / С.Д. Лисициан // Кавказский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. I. – С. 182–256.
13. Касьянов В.В. Заселение города Армавира (к вопросу изучения социально-экономической истории кубанского края XIX в.) [Электронный ресурс] / В.В. Касьянов, В.И. Петров, Р.Ю. Басте. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/zaselenie-goroda-armavira-k-voprosu-izucheniya-sotsialno-ekonomicheskoy-istorii-kubanskogo-kraya-xix-v>.
14. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира / Л.А. Погосян. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1981. – 181 с.
15. АКМ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 37. Фотокопия статьи «Современное состояние Армавира» // Газета «Кавказ» № 34 от 9 мая 1853 года. С. 142. В.ф. 1010/13.
16. АКМ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 37. В.ф. 234.
17. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период) / С.Н. Ктиторов. – Армавир: Скорина, 2002. – 384 с.
18. АКМ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 37. О.ф. 8538/1.
19. АКМ. Ф. 4. Оп. 4. Д. 37. О.ф. 8538/4.

REFERENCES

1. Bromley Yu. V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. М., Nauka, 1983. 413 p.
2. Kozlov V. I. *Etnologiya i problemy dolgozhitel'stva (opyt issledovaniya)* [Ethnology and longevity problems (research experience)]. Available at: http://apsnyteka.org/765-kozlov_v_i_etnologia_i_problemy_dolgozhitelstva.html. (In Russian).
3. Smirnova Ya. S. *Sem'ya i semejnuy byt narodov Severnogo Kavkaza* [Family and Family Life of the Peoples of the North Caucasus]. М., Nauka, 1983. 264 p.

4. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/ethnology/text/4682402>. (In Russian).
5. Ktitorov S. N., Ktitorova O. V. Problems of scientific discussion on the origin of the sub-ethnic group of Cherkesogais (Circassian Armenians). *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* = *Historical and socio-educational thought*, 2017, no. 6/2, pp. 107-113. (In Russian).
6. Volkova N. G. *O rasselenii armyan na Severnom Kavkaze do nachala XX veka* [On the resettlement of Armenians in the North Caucasus before the beginning of the XX century]. Available at: [http://hpj.asj-oa.am/972/1/1966-3\(257\).pdf](http://hpj.asj-oa.am/972/1/1966-3(257).pdf). (In Russian).
7. Porksheyan K. A. The origin of the Circassians and the foundation of Armavir. *Vestnik obshchestvennyh nauk* = *Social Science Bulletin*, 1971, no.5, pp. 72-74. (In Russian).
8. Vinogradov V. B. *Srednyaya Kuban': zemlyaki i sosedi* [Middle Kuban: countrymen and neighbors]. Available at: http://budetinteresno.info/kraeved/narod_vin_index.htm. (In Russian).
9. Shcherbina F. A. *Istoriya Armavira i cherkesogaev* [The History of Armavir and Cherkesogai]. Krasnodar, Traditsiya, 2010. 336 p.
10. Ivanov E. M. *Armavir – moy gorod rodnoj. Zapiski kraevedy* [Armavir is my Native City. Notes of a Local Historian]. Armavir, Printing Company, 1996. 273 p.
11. Luk'yanenkov S. S., Gevorkyan G. Cherkesogais and the foundation of Armavir. *Gajmanak* = *Gajmanak*, 1996, no. 3, p.34.
12. Lisitsian S. D. Essays on the ethnography of pre-revolutionary Armenia. *Kavkazskij etnograficheskij sbornik* = *Caucasian Ethnographic Collection*, 1955, vol. 1, pp. 182-256.
13. Kas'yanov V. V., Petrov V. I, Baste R. Yu. *Zaselenie goroda Armavira (k voprosu izucheniya social'no-ekonomicheskoy istorii kubanskogo kraya XIX v.)* [The settlement of the city of Armavir (to the question of studying the socio-economic history of the Kuban region of the XIX century.)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/zaselenie-goroda-armavira-k-voprosu-izucheniya-sotsialno-ekonomicheskoy-istorii-kubanskogo-kraya-xix-v>. (In Russian).
14. Pogosyan L. A. *Armyanskaya koloniya Armavira* [Armenian Colony of Armavir]. Yerevan, AS Armenian SSR, 1981. 181 p.
15. ARM. F. 4. Iss. 4. C. 37. Fotokopiya stat'i «Sovremennoe sostoyanie Armavira». *Gazeta "Kavkaz"* №34 ot 9 maya 1853 goda. p. 142. V.f. 1010/13.
16. ARM. F.4. Op. 4. D. 37. V.f. 234.

17. Ktitorov S. N.. *Istoriya Armavira (dosovetskij period)* [The history of Armavir (Pre-Soviet Period)]. Armavir, Skorina, 2002. 384 p.
18. ARM. F.4. Op. 4. D. 37. O.f. 8538/1.
19. ARM. F.4. Op. 4. D. 37. O.f. 8538/4.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Агеева П.В. Некоторые аспекты складывания семейного быта у горских армян (черкесогов) / П.В. Агеева // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 64–74.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ageeva P.V. Some aspects of establishing family life of the gorsky Armenians (cherkesogais) // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 64–74. (In Russian).

УДК-94(47).084

Горшенин Александр Владимирович
кандидат исторических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин
ЧУОО ВО «Медицинский университет
«Реавиз» (г. Самара)

Gorshenin Aleksandr Vladimirovich
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the
Department of Humanities,
Medical University "Reaviz" (Samara)

**УЧАСТИЕ БОЛЬШЕВИЧЕК
МАРИИ ОСКАРОВНЫ АВЕЙДЕ
И СЕРАФИМЫ ИВАНОВНЫ
ДЕРЯБИНОЙ В СТАНОВЛЕНИИ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В САМАРЕ
В 1918 Г.**

**THE PARTICIPATION OF
BOLSHEVIKS MARIA OSKAROVNA
AVEIDE AND SERAPHIMA
IVANOVNA DERYABINA IN THE
ESTABLISHMENT OF SOVIET
POWER IN SAMARA IN 1918**

Аннотация:

На основе документов федеральных и региональных архивов, а также воспоминаний анализируется партийная работа революционерок М.О. Авейде и С.И. Дерябиной в первый послереволюционный год в г. Самаре. Их деятельность рассматривается в контексте важных исторических событий, ярко проявившихся в крупном волжском регионе той эпохи. Основное внимание в работе этих большевичек было уделено их содействию в становлении советской власти, формировании новой системы местных органов власти, а также идеологическому укреплению РКП(б). Освещается их участие во внутрипартийной борьбе местной большевистской организации по вопросу заключения Брестского мира.

Ключевые слова:

Авейде, Дерябина, Самара, Гражданская война, Комуч, Брестский мир, советская власть, большевики.

Abstract:

On the basis of documents of federal and regional archives and memories the party work of revolutionaries M.O. Aveide and S.I. Deryabina in the first post-revolutionary year in Samara is studied. Their activities are considered in the context of important historical events that clearly manifested themselves in the large Volga region of that period. The main attention in the work of these Bolsheviks was paid to their assistance in the formation of Soviet power, the formation of a new system of local authorities, as well as the ideological strengthening of the RCP(b). Their participation in the internal party struggle of the local Bolshevik organization on the issue of the conclusion of the Brest peace is highlighted.

Keywords:

Aveide, Deryabina, Samara, Civil War, Komuch, Brest peace, Soviet government, bolsheviks.

Революционерки М.О. Авейде (1884-1919) и С.И. Дерябина (1888-1920) появились на свет недалеко друг от друга. Авейде родилась в Вятке в семье ссыльного поляка, а Дерябина в Екатеринбурге в семье мелкого чиновника [20, л. 60]. Обе учились в женских гимназиях, по окончании которых получили звание домашних наставниц [8, л. 2].

У обеих супругами были их товарищи по борьбе, революционеры с значительным партийным стажем. Мужем М.О. Авейде стал видный большевик Н.Н. Бушен, а избранником С.И. Дерябиной – революционер Ф.И. Венцек.

М.О. Авейде начала посещать марксистские кружки ещё до того, как в Вятке появился комитет РСДРП, с возникновением которого в 1903 г. она вошла в его состав. С.И. Дерябина стала активным сторонником социал-демократов в Екатеринбурге в 1905 г. К этому времени М.О. Авейде по партийному поручению уже работала здесь. Так и состоялось знакомство двух революционерок. Осенью 1905 г. Я.М. Свердлов организовал в Екатеринбурге партийную школу для подготовки большевистских агитаторов [12, с. 34]. В её организации не последняя роль принадлежала М.О. Авейде. С.И. Дерябина стала одной из слушательниц данного «рабочего университета».

В 1906 г. Авейде была арестована. После освобождения она уехала в Самару, а С.И. Дерябина в 1907 г. становится секретарём Екатеринбургского комитета РСДРП [11, с. 77]. В октябре 1907 г. в Екатеринбурге С.И. Дерябина была обыскана и заключена под стражу в городскую тюрьму. Во время обыска полиция обнаружила у неё по несколько экземпляров разных рабочих газет и брошюр тенденциозного содержания [4, л. 5].

Затем её отправили в ссылку в Вологодскую губернию. В дальнейшем С.И. Дерябина вела интенсивную партийную работу в Ростове-на-Дону, Москве, Туле и Петербурге. В 1913 г. участвовала в Поронинском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, где познакомилась с В.И. Лениным и Н.К. Крупской. В дальнейшем в 1915 г. по указанию партии она с мужем прибывает в Самару налаживать работу разгромленной местной организации [11, с. 78]. Здесь она встречает М.О. Авейде, которая разошлась с мужем по идейным соображениям. При этом оставшись одна с тремя детьми, она вынуждена была сама себя содержать, а значит, приходилось

много работать. Поэтому партийная работа сводилась к узкой кружковой деятельности.

Незадолго до Октябрьской революции в Самаре была создана т. н. «Агитаторская группа молодёжи при партии РСДРП», которая выполняла ряд задач: организация всей революционной молодёжи, политическое воспитание участников, а также выпуск агитаторов для работы среди молодёжи [7, с. 22].

После Октябрьской революции Советская власть ещё некрепко стояла на ногах. Среди населения нужно было завоёвывать доверие. А для этого нужно было ходить в люди и объяснять простым неграмотным труженикам, с чем пришла к власти партия большевиков. Среди членов самарской организации больше всех занимались политической пропагандой среди женщин-работниц С.И. Дерябина, М.О. Авейде и В.К. Адамская. Как вспоминала А.Т. Биргель, именно благодаря деятельности этих большевичек, которые приходили к ним в швейную мастерскую военного ведомства, она и некоторые другие работницы в декабре 1917 г. вступили в ряды партии [1, с. 67].

В связи с укреплением новой власти встала необходимость создавать советский управленческий аппарат на местах. Поэтому 14 января 1918 г. самарский губисполком принял декрет «О власти в губернии», объявив советы единственной властью и распустив органы городского и земского самоуправления [7, с. 11]. С момента формирования Самарского губернского комиссариата просвещения (Губкомпросвет) Мария Оскаровна входит в состав его коллегии. Она становится правой рукой губернского комиссара просвещения В.А. Тронина. Много проблем предстояло решить этому ведомству: перестройка системы образования, разворачивание кампании по ликвидации безграмотности, а самое насущное – преодоление саботажа и вредительства со стороны педагогических кадров. С первых дней Октябрьской революции, когда большая часть учителей саботировала новую власть, Мария Авейде организовывала учителей, стоящих на позициях Советской власти [10, л. 6]. А таких учителей было очень мало и нередко они испытывали трудности в работе из-за своих политических предпочтений. Так, в начале 1918 г. педагогический совет Самарского коммерческого училища уволил учительницу Марию Фердинандовну Трейман. Причиной этого послужило то обстоятельство, что она просила дать ей месячный отпуск

на основании предписания врача. Но это было лишь формальным поводом. На самом деле педагогический совет училища был настроен к ней враждебно, как к партийной работнице. В результате Губкомпросвет подал иск к педагогическому совету училища [19, л. 16].

Пока Мария Оскаровна занималась становлением губернского комиссариата просвещения и созданием местной советской системы образования, С.И. Дерябина становится губернским комиссаром по делам печати. При этом она ещё являлась и членом губисполкома [2, с. 263].

В Самаре в начале 1918 г. издавалось две большевистские газеты. «Приволжская правда» являлась партийным органом, а газета «Солдат, рабочий и крестьянин» была печатным органом Исполкома. Тогда редакция не занимала обширных площадей. Она размещалась в одной комнатке, а рядом, в той же квартире, помещалась контора, экспедиция и типография. С.И. Дерябина в этот период была секретарём редакции газеты «Приволжская правда», работая под руководством опытного партийца А.Х. Митрофанова. Фактически же она исполняла обязанности наборщицы, корректора и даже редактора [3, с. 69].

Вот как вспоминал о С.И. Дерябиной в тот период один из её современников: «В каморке, занимаемой редакцией, я впервые встретился с Серафимой Ивановной. Большой стол, заваленный рукописями и гранками корректуры: на нём неизменные ножницы и баночка с клеем. И буквально зарывшаяся в эту кипу бумаг худощавая и сутуловатая фигура Дерябиной, пожирающей сквозь очки близорукими глазами рукописи» [8, с. 15].

При всех трудностях, связанных с противодействием новой власти со стороны старых «спецов», не всё было гладко и в стане самих большевиков.

В феврале 1918 г. начались расхождения большевиков с бывшими союзниками – максималистами и левыми эсерами. Особенно резкие разногласия вызвало отношение к мировой войне и Брестскому миру. Максималисты и левые эсеры были противниками его заключения. Более того, в числе большевиков была значительная внутрипартийная группа, получившая название «левые коммунисты», выступавшие за немедленный «экспорт» социалистической революции по всему миру. Не принимая во внимание международного положения, эти партийцы, увидев сравнительную

лёгкость побед советской власти в России, считали, что нужно ковать железо, пока горячо. В.И. Ленин, прекрасно понимая всю расстановку сил на международной арене, заявил о том, что с повестки дня на том этапе нужно было снять мировую социалистическую революцию, а первостепенным он называл «создание республики Советов России, что выше всего для нас и с международно-социалистической точки зрения сохранения этой республики, уже начавшей социалистическую революцию» [9, с. 254].

Вождь большевиков понимал, лучше сейчас отступить, чтобы в нужный момент наступить. Также он размышлял и о вопросе сепаратного мира с Германией. Эта тема и привела к жёсткому противостоянию в РКП(б). Левые коммунисты выступали против подписания «Брестского мира», т. к. считали недопустимым заключение соглашений с империалистами. В самарской большевистской организации также разгорелась борьба по вопросу о мире с Германией. Некоторое время позиция левых коммунистов была господствующей в Самаре. Лидер местных большевиков В.В. Куйбышев говорил о том, что нельзя заключать мир с империалистами, так как этим будут отвлечены от пролетарской революции революционеры других стран. Вожаки самарского губкома партии В.В. Куйбышев, А.П. Галактионов, Н.П. Теплов встали на позицию левых коммунистов. 26 февраля самарский губком принял резолюцию с призывом к «священной войне» с германским империализмом. В тот же день в Петроград была отправлена телеграмма с протестом против заключения мира и требованием «священной войны» Германии [10, с. 227].

Ленинские сторонники по этому вопросу остались в Самаре в меньшинстве. Лидером этой небольшой группы партийцев стал А.Х. Митрофанов. Он настаивал на том, что солдаты больше не в состоянии воевать, а предприятия пришли в упадок. Его позицию поддержало всего несколько партийцев: Ф.И. Венцек, М.Р. Галактионов, С.Я. Тиунов, М.П. Герасимов. В этой же компании оказалась С.И. Дерябина и М.О. Авейде [13, л. 5]. Мария Оскаровна и Серафима Ивановна поддержали эту позицию, вероятно, не только потому, что они стали преданными ленинцами ещё в период первой русской революции, но и по причине того, что были опытными революционерками, понимавшими, что тактически грамотно на данном этапе заключить мир,

как и предлагал В.И. Ленин. Тесно общаясь с рабочими, они понимали, что предприятия находятся в состоянии кризиса, а от этого страдают и работники. Понимая это, они старались активно выступать в защиту ленинской позиции по данному вопросу, вели агитацию среди работниц и рабочих.

3 марта 1918 г. в Бресте был подписан мирный договор с Германией. VII съезд партии, проходивший 6-8 марта 1918 г., признал необходимым утвердить мирный договор с Германией. Для ратификации Брестского мира был созван IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, который после бурных прений признал правильным действия правительства по заключению мира. Самарская делегация, состоявшая из 14 человек, протестовала против такого решения. На съезде левые коммунисты выступили со своей декларацией, которую огласил В.В. Куйбышев. Но съезд Советов поддержал позицию В.И. Ленина.

В связи с тем, что А.Х. Митрофанов пошёл против большинства в этом вопросе, его не избрали в губком партии. Он остался только редактором «Приволжской правды». О тех днях, когда Митрофанов вместе с несколькими товарищами остался в одиночестве, он писал: «Я решил, что называется, поднажать на газету и на своих немногих сторонников ленинской линии из актива партийной организации, и к моменту возвращения В.В. Куйбышева с VII съезда партии и IV съезда Советов политическая ориентация Самарской организации изменилась» [21, с. 106]. Небольшой группе большевиков во главе с А.Х. Митрофановым, куда входил С.Я. Тиунов, С.И. Дербяина, М.О. Авейде и ряд других, удалось добиться победы ленинской точки зрения. Губернский съезд большинством голосов в конце марта 1918 г. принял резолюцию, предложенную Митрофановым, что «III Самарский губернский съезд РКП(б), обсудив вопрос о текущем моменте, присоединился к резолюции VII съезду партии и вполне одобряет политику Совнаркома в вопросе о войне и мире». Левые коммунисты подчинились решению губернского съезда.

Мария Оскаровна, несмотря на то, что основное её время поглощала работа с ребятами из Агитаторской группы молодёжи, старалась принимать посильное участие в становлении советской системы просвещения в губернии. Так, выступая 21 марта 1918 г. в клубе коммунистов на заседании губернского съезда и губисполкома, она указала на невыносимое положение,

в котором находилось в Самаре дело народного просвещения и на слабую деятельность комиссариата. Полагая, что комиссариат не обладал достаточными силами для проведения организационной работы, Мария Оскаровна предложила созвать конференцию пролетарских профессиональных и культурно-просветительских организаций [16, с. 3]. Мария Оскаровна правильно полагала, что решить проблему в сфере образования можно только своими силами, поэтому к этому вопросу стоило подключить людей, так или иначе связанных с отраслью просвещения. В связи с этим заслушав выступления В.А. Тронина и М.О. Авейде собрание членов РКП(б) в области народного просвещения предложило бюро партии созвать 31 марта конференцию профессиональных и культурно-просветительских пролетарских организаций.

Мария Оскаровна в первой половине 1918 г. часто выступала на митингах перед работниками и работницами. Её выступления пользовались большим успехом среди самарского пролетариата [14, л. 4]. Так, 7 марта 1918 г., накануне празднования дня Международного женского дня, состоялся вечер-митинг, посвящённый женщине-работнице. На нём выступили с докладами видные большевички города Е.С. Коган и С.И. Дерябина, а также вместе с ними говорила и М.О. Авейде. Неслучайно в этот период имена Дерябиной и Авейде встречаются часто. Обе они, каждая по-своему, обладали особым ораторским даром и умением вызывать внимание широких народных масс.

Один из современников так вспоминал об одном из выступлений С.И. Дерябиной: «Надо было видеть, с каким беспощадным сарказмом она разбивала теоретические построения Ю.К. Милонова (своего оппонента). Уже слушая её первую речь, я имел возможность уловить отличительные черты Дерябиной как оратора: ясность мысли, редкую простоту изложения, прекрасную дикцию. Она говорила медленно, прекрасно отчеканивая каждое слово, как бы вколачивая мысли молоточком в головы слушателей. Это делало её незаменимым и массовым оратором» [8, с. 15].

Но впереди их ожидало множество новых испытаний. В начале июня 1918 г. Самара была захвачена чехословацкими legionерами. Здесь была установлена власть Комуча. С.И. Дерябина была арестована. Её муж, председатель самарского ревтрибунала, в первый же день захвата города был

убит прямо на улице. М.О. Авейде стала одним из лидеров подпольного комитета большевиков. У неё находилась партийная касса, из средств которой она оказывала помощь раненым красноармейцам, скрывающимся в городе коммунистам и семьям арестованных или убитых советских работников. В августе Авейде была арестована и помещена в тюрьму, где она встретилась с С.И. Дерябиной. На короткий срок Авейде была выпущена на свободу, но в середине сентября 1918 г. арестована вновь [5, л. 6]. Вместе с Дерябиной они продолжали находиться в заключении до начала октября 1918 г. В тот период чеки, готовившие к отступлению, организовали несколько т. н. «поездов смерти» – это товарные эшелоны, в которые сажали арестантов и в условиях антисанитарии, холода и голода отправляли в сторону Сибири и Дальнего Востока. В таком поезде оказались С.И. Дерябина и М.О. Авейде. Последней в районе Иркутска удалось бежать, после чего она отправилась для ведения подпольной работы в Челябинск, а затем Екатеринбург. Здесь она была арестована колчаковскими войсками и в начале апреля 1919 г. с другими большевиками казнена. С.И. Дерябина, как безнадежно больную (страдала туберкулёзом) спустя долгое время пути сняли с поезда. Немного придя в себя, она отправилась в Екатеринбург, где после освобождения города, вела активную работу в женотделе партийного комитета, а также участвовала в редактировании нескольких местных газет. Но туберкулёз окончательно надорвал её здоровье и в 1920 г. С.И. Дерябина скончалась.

М.О. Авейде и С.И. Дерябина обе родились в небогатых, но интеллигентных семьях. Получив возможное на тот период образование, они полностью отдались революционной борьбе. Авейде и Дерябина участвовали в первой русской революции. К периоду Октябрьской революции судьба снова свела их вместе на этот раз в Самаре. Здесь они приложили немало усилий к становлению советской системы просвещения и печати. М.О. Авейде руководила агитаторской группой молодёжи, которая стала предшественником комсомола, а Дерябина фактически выпускала центральную газету региона. Во время столкновения партийцев в период обсуждения заключения мира с Германией обе женщины остались в Самаре в группе меньшинства, которые поддержали решение Ленина, тем самым они показали себя последовательными сторонниками ленинской линии в партии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биргель А.Т. Будьте прокляты, изверги! // Поезд смерти / сост. Ф.Г. Попов. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1966. – С. 65-71.
2. Боголюбов К.В. Сима Дерябина // Ленинская гвардия Урала. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1967. – С. 247-278.
3. Боголюбов К.В. Товарищ Сима. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1969. – 112 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 204. Д. 8053.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-676. Оп. 1. Д. 39.
6. Громов К.П. Большевики – руководители и наставники молодежи // Страницы незабываемых лет. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1989. – С. 21-28.
7. Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны: Самарская губерния в конце 1917-1920 гг. – Самара: Самар. ун-т, 1997. – 92 с.
8. Лелевич Г. Четыре могилы (отрывки из воспоминаний) // Пролетарская революция. – 1922. – № 6. – С. 14-22.
9. Ленин В.И. Послесловие к тезисам по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира // Полное собрание сочинений. – Т. 35. – С. 253-254.
10. Очерки истории Куйбышевской организации КПСС / К.Я. Наякшин, Г.Н. Рутберг и др. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1967. – 642 с.
11. С.И. Дерябина // Вместе с Ильичем: сб. ст. / Науч. ред. Р.П. Поддубная. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1979. – С. 77-79.
12. Свердлова К.Т. Яков Михайлович Свердлов (воспоминания). – М.: Молодая гвардия, 1960. – 447 с.
13. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 651. Оп. 5. Д. 11.
14. СОГАСПИ. Ф. 651. Оп. 8. Д. 12.
15. СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 355.
16. Солдат, рабочий и крестьянин (г. Самара). – 1918. – № 266 (23 марта).
17. Троцкий В.В. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии: хроника событий. Т. 2. – Самара, 1929. – 305 с.
18. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 18. Д. 749а.
19. ЦГАСО. Ф. Р-353. Оп. 4. Д. 1а.
20. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41. Оп. 2. Д. 76. Л. 60.
21. Шестаков К.И. Боец и журналист. – Куйбышев, 1982. – 112 с.

REFERENCES

1. Birgel A. T. *Bud'te proklyaty, izvergi! Poezd smerti* [Be damned, fiends! Death Train]. Kuybyshev, Books Publishing, 1966, pp. 65-71.
2. Bogolyubov K. V. Sima Deryabina. *Leninskaya gvardiya Urala = Ural Lenin Guard*. Sverdlovsk, Sredne-Uralskoe Books Publishing, 1967, pp. 247-278.
3. Bogolyubov K.V. *Tovarishch Sima* [Comrade Sima]. Sverdlovsk, Sredne-Uralskoe Books Publishing, 1969. 112 p.
4. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. 102. I. 204. C. 8053.
5. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. R-676. I. 1. C. 39.
6. Gromov K. P. *Bol'sheviki rukovoditeli i nastavniki molodyozhi. Stranicy nezabyvaemyh let*. [The Bolsheviks the leaders and mentors of young people]. Kujbyshev, Books Publishing, 1989, pp. 21-28.
7. Kabytova N. N. *V ogne grazhdanskoj vojny: Samarskaya guberniya v konce 1917-1920 gg.* [In the Fire of the Civil War]. Samara, Samara University, 1997. 92 p.
8. Lelevich G. Four graves (excerpts from memories). *Proletarskaya revolyuciya = Proletarian revolution*, 1922, no 6, pp. 14-22. (In Russian).
9. Lenin V. I. The Afterword to the theses on the question of the immediate conclusion of a separate and annexationist world. *Polnoe sobranie sochinenij = Full Collection of Works*, no 35, pp. 253-254.
10. *Oчерки истории Kujbyshevskoj organizacii KPSS* [Essays on the history of the Kuibyshev branch of the CPSU]. Kuybyshev, Books Publishing, 1967. 642 p.
11. Deryabina. S. I. *Vmeste s Il'ichem: sb. st.* [Together with Lenin: collection of articles]. Kujbyshev, Books Publishing, 1979, pp. 77-79.
12. Sverdlova K. T. *Yakov Mihajlovich Sverdlov (vospominaniya)* [Yakov Mikhailovich Sverdlov (Memories)]. M., Molodaya Gvardiya, 1960. 447 p.
13. *Samarskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Samara Regional State Archive of Socio-political History]. F. 651. I. 5. C. 11.
14. *Samarskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Samara Regional State Archive of Socio-political History]. F. 651. I. 8. C. 12.
15. *Samarskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Samara Regional State Archive of Socio-political History]. F. 3500. I. 1. C. 355.
16. *Soldat, rabochij i krest'yanin (g. Samara)* [Soldier, worker and peasant (Samara)], 1918, no. 266 (23 marta).

17. Trockij V. V. *Revoljucija 1917-1918 gg. v Samarskoj gubernii: hronika sobytij* [Revolution of 1917-1918 in the Samara Province: Chronicle of Events]. Samara, 1929. Vol. 2, 305 p.

18. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti* [Central State Archive of Samara Oblast]. F. 5. I. 18. C. 749a.

19. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti* [Central State Archive of Samara Oblast]. F. R-353. I. 4. C. 1a.

20. *Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti* [Documentation Center of Public Organizations of Sverdlovsk Oblast]. F. 41. Iss. 20. C. 76.

21. Shestakov K. I. *Boec i zhurnalist* [Fighter and journalist: biographical essay]. Kuybyshev, Books Publishing, 1982. 112 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Горшенин А.В. Участие большевичек Марии Оскаровны Авейде и Серафимы Ивановны Дерябиной в становлении Советской власти в Самаре в 1918 г. / А.В. Горшенин // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 75–85.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gorshenin A.V. The participation of bolsheviks Maria Oskarovna Aveide and Seraphima Ivanovna Deryabina in the establishment of soviet power in Samara in 1918 // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 75–85. (In Russian).

УДК-93/94

Дударев Сергей Леонидович

доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
всеобщей и отечественной истории
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОБСТАНОВКА НА УКРАИНЕ В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1919 Г. (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ М.А. БУЛГАКОВА)

Аннотация:

Современные события на Украине поставили сообщество отечественных историков перед необходимостью ответить на вопрос об особенностях и этапах формирования украинской идентичности. Одной из весомых попыток такого ответа является монография В.А. Матвеева «Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение» (Ростов/нД, 2015). Со своей стороны, автор данной статьи стремится осветить один из судьбоносных моментов формирования украинской нации, которого касается В.А. Матвеев в названной выше работе, с опорой на оригинальные литературные источники, являющиеся, на наш взгляд, интересным дополнением к работе указанного ученого. Этим моментом был период гражданской войны в России. Источники, которые анализируются нами – это роман М.А. Булгакова «Белая гвардия», пьеса

Dudarev Sergey Leonidovich

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Professor of the
Department of General and National
History, Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

ETHNOPOLITICAL AND SOCIOCULTURAL SITUATION ON UKRAINE AT THE END OF 1918 – EARLY 1919 (BASED ON M.A. BULGAKOV'S LITERATURE WORKS)

Abstract:

Current events in Ukraine have required domestic historians to answer the question about the features and stages of the formation of Ukrainian identity. One of the serious attempts of such a response is the monograph of V.A. Matveyev "The Ukrainian crisis of 2014: a retrospective measurement" (Rostov / on Don, 2015). The author of this article seeks to highlight one of the fateful moments of the formation of the Ukrainian nation, which V.A. Matveyev considers in the above-mentioned work, relying on the original literary sources, which, in our opinion, is an interesting addition to the work of this author. This moment was a period of civil war. The sources that we analyze are M.A. Bulgakov's novel "White Guard", and his play "Days of the Turbins", as well as the edition of one of the early chapters of the "White Guard".

того же автора – «Дни Турбиных», а также редакция одной из ранних глав «Белой гвардии». Обращение к ним дает возможность насытить этнополитической и социокультурной конкретикой атмосферу событий конца 1918 – начала 1919 г. в Украине и особенно в г. Киеве с точки зрения реалий и перспектив политики «украинизации», проводившейся тогдашними местными политическими силами. Мы приходим к выводу, что по произведениям М. А. Булгакова можно охарактеризовать две модели «украинизации» – гетманскую и «петлюровскую». Первая отличается известной толерантностью к неукраинским элементам, вторая – абсолютной нетерпимостью к ним. Население г. Киева указанного времени было представлено, преимущественно русскоязычной средой (интеллигенция, средние слои), критично относившейся к украинизации (пример – семья Турбиных, ее окружение и т. п.). Украиноязычными слоями г. Киева (полностью или частично) были, прежде всего, пролетарские и люмпен-пролетарские слои. Рост проукраинских настроений в их экстремистском варианте переживал быструю тенденцию к росту в ходе наплыва в г. Киев петлюровских войск Директории. В то же время, среди носителей украинского языка г. Киева были и сторонники большевизма, пролетарского интернационализма, идей братства народов. Петлюровщина, тотальная украинизация, и т. п. не пользовались

Reference to them makes it possible to saturate with ethnopolitical and sociocultural specifics the atmosphere of the events of late 1918 – early 1919 in Ukraine and especially in Kiev from the point of view of the realities and prospects of the policy of "Ukrainization" conducted by the then local political forces. We conclude that, based on the works of M.A. Bulgakov, two models of "Ukrainization" can be characterized – the hetman and the "Petliura" ones. The first is distinguished by a certain tolerance for non-Ukrainian elements, the second – by absolute intolerance towards them. The population of Kiev

of that time was represented mainly by Russian speakers (the intellectual class, middle classes), which did not approve of Ukrainization (for example, the Turbins family, their environment, etc.). The Ukrainian-speaking layers of Kiev (completely or in part) were, above all, the proletarian and lumpen-proletarian layers. The growth of pro-Ukrainian sentiments in their extremist version experienced a rapid upward trend during the influx of Petliura Directorate troops in Kiev. At the same time, among the speakers of the Ukrainian language in Kiev were supporters of Bolshevism, proletarian internationalism, brotherhood of nations. Petliurism, total Ukrainization, etc. did not then enjoy the general support of the Ukrainian population. At the same time, "parochial elements" played the role of an accelerator of the Ukrainian ethnic mobilization. With their active participation, a phenomenon matured

в рассматриваемое время всеобщей поддержкой населения Украины. В то же время, «местечковые элементы» играли роль ускорителя украинской этнической мобилизации. С их активным участием медленно, но верно в перспективе вызревало явление, еще в советское время получившее наименование и осуждение – украинский буржуазный национализм. Сегодня перед российской исторической наукой стоит важная задача развенчания этого феномена, наносящего огромный вред российско-украинским отношениям, и с этой целью отечественные историки могут и должны использовать источники разнообразного характера, позволяющие вскрыть генезис украинского буржуазного национализма для борьбы с его проявлениями.

Ключевые слова:

украинская идентичность, украинский кризис, южнороссийский сепаратизм, «украинизация», Центральная Рада, гетман, Директория, «Белая гвардия», «Дни Турбиных», украинский буржуазный национализм.

slowly but steadily later critically called in Soviet times “Ukrainian bourgeois nationalism”. Today, Russian historical science is faced with the important task of debunking this phenomenon, which inflicts great harm on Russian-Ukrainian relations, and to this end, domestic historians can and must use sources of diverse nature that can reveal the genesis of Ukrainian bourgeois nationalism to combat its manifestations.

Keywords:

Ukrainian identity, Ukrainian crisis, South Russian separatism, “Ukrainization”, Central Rada, hetman, Directory, “White Guard”, “Days of the Turbins”, Ukrainian bourgeois nationalism.

Поводом для написания данной статьи явилось опубликование в 2015 г. монографии известного историка-кавказоведа В.А. Матвеева, посвященной истокам украинского кризиса 2014 г. [1]. В этой интересной и ценной работе, в частности, емко прослеживаются этапы становления современного украинского этнического сознания, самый последний из которых разворачивается сегодня уже на наших глазах. В то же время, невозможно сказать, что те или иные из них изучены окончательно и сняты все имеющиеся вопросы. По-прежнему существует необходимость обращения к конкретным историческим страницам складывания украинской идентичности, для того,

чтобы как можно более достоверно и отчетливо проследить особенности ее генезиса в ту или иную историческую эпоху. Мы не ставим сейчас перед собой задачи предоставить целостную рецензию на работу В.А. Матвеева. Наша задача – осветить один из судьбоносных моментов формирования украинской нации, которого касается В.А. Матвеев в названной выше работе, опираясь на литературные источники (о них будет сказано ниже), которые могут и должны быть учтены при дальнейшем исследовании освещаемого вопроса.

Этим моментом, несомненно, был период гражданской войны в России. Именно в то время проверялось на прочность социально-политическое и культурно-историческое единение народов всей нашей страны, в том числе, восточнославянских, складывавшееся веками. В.А. Матвеев отмечает, что накануне революционных перемен восточнославянское сообщество составляло единую имперскую нацию. В то же время, уже накануне первой мировой войны появились публикации о «южнорусском сепаратизме», которые в той или иной форме отражали складывающуюся реальность. Как указывает ученый, с 1917 г. наименование «украинцы» под воздействием пропаганды вводилось в употребление¹. Но общепризнанная украинская идентичность до 1917 г., по мнению автора, отсутствовала, и апеллирование к ней вызывало даже у населения собственно «малороссийских губерний» недоумение. Наименование «украинец» в 1917 г., констатирует В.А. Матвеев, отображало «национально-политические» устремления, опиравшиеся на меньшинство [1, с. 182–183].

Если тезисно представить те события, которые имели место в г. Киеве, как и на территории всей Украины, в 1917-1919 гг. (читателю станут понятны эти хронологические рамки, как только мы перейдем к анализу наших главных источников, важных для понимания рассматриваемой темы), то необходимо указать на следующие положения монографии В.А. Матвеева, касающиеся названного исторического промежутка.

Рупором и выразителем сепаратистских сил выступила Центральная Рада (далее ЦР). Этот орган предпринял немало усилий для того, чтобы создать

¹ Есть мнение, что этноним «украинец» появился в XV-XVI вв. и на протяжении XVII-XIX вв. употреблялся наряду с наименованием «малоросс» [6, с. 170].

начатки государственной власти, создав правительство (представленное самой же Радой), министерство («секретариат»), первую конституцию («универсал») [1, с. 190]. Главным идеологом национально ориентированных сил выступил М.С. Грушевский, который очертил границы нарождающегося государства, простиравшиеся вплоть до Кубани и Ставрополя. По В.А. Матвееву, ЦР не имела поддержки местного самоуправления ни в одном городе Украины, в том числе и в Киеве. Однако, пользуясь углублением кризиса государственной власти, ЦР провозгласила автономию Украины в составе Слобожанщины и Новороссии, включая значительную часть Донбасса. Поступая так, данный орган не учитывал реальное состояние самосознания. Значительная часть населения считала себя русским. Русский язык, как явствует из опубликованной в газете «Киевская мысль» 27.07.1917 г. записки «Киевского университета Временному правительству», все представители сообщества «с законной гордостью и почти на равных правах могут назвать своим» [1, с. 196]. Автор делает вывод, что тенденция на независимое от России национальное украинское государство не являлась преобладающей, неоднократно оговаривая, что значительная часть населения даже собственно малороссийских губерний была «против идеи автономии и украинизации», и т. д., но в условиях революционной трансформации происходило ее усиление. Под влиянием публицистики и агитации в духе Грушевского в сознание масс внедрялось наименование «украинцы», которое привносилось из восточнославянских провинций Австро-Венгерской империи, дискриминировалось понятие «малороссы», шел взлом восточнославянской исторической кодификации [1, с. 202–203].

Попытки украинизации принимались и по ходу гражданской войны. Они, как указывает В.А. Матвеев, не принимались населением не только в городах, но и в сельской местности. В 1918 г. даже в Киеве неоднократно срывались национальные флаги, а вместо них поднимался российский стяг. Наиболее же жестко идеалы украинского национализма стали навязываться во времена Директории, которая в декабре 1918 г. запретила пропаганду федерализма, угрожая за это наказаниями, вплоть до смертной казни. Впрочем, и во времена Петлюры, констатирует исследователь, националистические установки ЦР и Директории не сбавлялись [1, с. 213].

Итак, мы дали своего рода экспозицию понимания ситуации В.А. Матвеевым в указанный выше период. Это было сделано для того, чтобы на фоне данных компетентных суждений рассмотреть теперь такие интересные источники, которые не могут быть не привлечены к анализу обстановки на Украине, но особенно в г. Киеве на рубеже 1918/1919 гг., как: знаковый роман одного из выдающихся русских писателей XX в., М.А. Булгакова «Белая гвардия», его пьеса по этому роману – «Дни Турбиных», а также отдельные редакции некоторых глав указанного романа [2; 3; 4], написанные человеком, непосредственно наблюдавшим вышеуказанные процессы и выразившим к ним личное отношение устами героев своих знаменитых произведений.

Действие «Белой гвардии» происходит на фоне последних месяцев и дней режима Скоропадского, который держался не столько на остатках верных ему частей бывшей старой армии, сколько на германских штыках. Немцы, с их реквизициями и шомполами, гетман, с вернувшимися помещиками, офицеры, вызывали искреннюю ненависть сотен тысяч украинских мужиков. Мечтания их, образно высказанные писателем, были весьма характерны для народных представлений о справедливом порядке: вся земля мужикам; каждому по 100 десятин, документ на вечное владение этими десятинами, никаких реквизиций хлеба городской «шпаной» (вот как крестьяне воспринимали «пролетариат»), иначе он будет закопан в землю; чтобы из города привозили керосин. Впрочем, М.А. Булгаков тут же делает ироническое резюме: «Ну-с, такой реформы обожаемый гетман произвести не мог. Да и никакой черт ее не произведет» [2, с. 230], явно намекая на то, что и при большевиках подобные требования будут утопическими. Но все это случится потом. А пока, в украинских местечках, буквально нашпигованных зарытыми в землю громадными арсеналами оружия, принесенного и привезенного с фронтов и т. п., в качестве выразителей народных чаяний становятся народные учителя, фельдшера, однодворцы (это название Булгаков употребляет по традиции; сословие однодворцев было упразднено в 1866 г.), украинские семинаристы, ставшие младшими офицерами, штабс-капитаны с украинскими фамилиями и др. Этот широкий слой преимущественно местечковой интеллигенции, полунинтеллигенции, выходцев

из среды мелких землевладельцев, получает очень важную характеристику с точки зрения назревающих событий, а именно, появления на авансцене такого «героя», как С.В. Петлюра. По Булгакову, все эти люди говорят на украинском языке, все любят Украину волшебную (не Малороссию – Авт.), воображаемую (sic! – такой Украины пока что нет в реальности – Авт.), без панов, без офицеров-москалей, и выражают чаяния тех (внимание!), кто ненавидит «Москву, какая бы она ни была – большевистская ли, царская или еще какая». Это, по существу, послание в будущее... И тут же читаем важнейшее дополнение писателя: «И тысячи бывших пленных украинцев, вернувшихся из Галиции. Это в довесочек к десяткам тысяч мужичков?.. О-го-го!» [2, с. 231]. Здесь скрывается четкое указание Булгакова на «радикализирующий», «пусковой» момент назревающей ситуации: роль в будущих событиях бывших австрийских военнопленных, пришлых элементов из Галиции (писатель тогда еще не мог знать, что это было подрывной акцией австрийского Генштаба). Наплыв «галичан» вкупе с массовой украинизацией школ стал той питательной средой, которая дала резкий рост идей самостоятельности и послужила базой для петлюровской пропаганды [1, с. 217], а потом и петлюровских вооруженных формирований, способствовала взлому восточнославянской исторической кодификации (по В.А. Матвееву, см. выше).

Вся эта огромная людская масса, пока еще скрытая за горизонтом синей морозной дымкой наступающей зимы 1918/1919 гг., но уже пришедшая уже в опасное движение, вот-вот ворвется в мир главных героев романа и навяжет свои жестокие правила игры.

Уже в самом его начале один из них, военврач Алексей Турбин в споре с друзьями, собравшимися на квартире Турбиных, клеймя политику гетмана Скоропадского, ставит последнему в вину то, что тот «терроризировал русское население этим (т. е. украинским) *гнусным языком, которого и на свете не существует*» (курсив наш. – Авт.) Нарастивая градус своего антиукраинского выпада, Турбин обвиняет гетмана в том, что он «сам не говорит на этом *проклятом языке!*» (курсив наш. – Авт.) [2, с. 208]. Продолжая гневную речь, А. Турбин называет украинизацию «гнусной комедией». По мнению Турбина-старшего, украинизация и внедрение, как сейчас говорят

в Украине, «державной мовы», была делом чисто политическим. Кстати, это подтверждается писателем самым первым упоминанием украинского языка в романе виде цитирования надписи на гетманской банкноте достоинством в 50 карбованцев (рублей) [2, с. 203]. Точка зрения А. Турбина не встречает полной поддержки в компании. Шервинский (адъютант гетмана) резонно возражает: «Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове своей – пусть!» и тут же получает возражение Турбина, что носителей «мовы» всего пять процентов, а девяносто пять – русские, с чем Шервинский вынужден согласиться. Неуверенная позиция Шервинского становится понятна, если мы, в данном случае, обратимся также к не менее, чем роман, знаменитой пьесе Булгакова «Дни Турбиных», как, условно говоря, своеобразному его «конспекту». Она менее информативна с точки зрения поставленной задачи, но порой содержит нюансы, позволяющие лучше уяснить мотивы действия героев романа. В ней, например, детально описывается сцена бегства Скоропадского из Киева. Важной для нас деталью является та, что гетман требует у своего адъютанта обратиться к нему на «языке страны». Указав на пародийность ситуации (гетман собирается бежать, но требует доклада на украинском языке!) подчеркнем то, что Шервинский оказывается не в состоянии изъясняться с помощью украинской лексики и гетман разрешает ему докладывать по-русски [3, с. 35]. Кстати, в описанной выше сцене турбинской критики украинизации, вошедшей также и в пьесу, резкие оценки Турбина-старшего, были уже сильно сглажены писателем [3, с. 26]. Куда более сдержанными в отношении оценок украинского языка выглядят и суждения героев романа в ранней редакции последней главы «Белой гвардии». Яркий противник украинского языка А. Турбин только просит брата Николку не говорить на этом языке, а тот в шутку отвечал: «Вибачаюсь» (т. е. «Извиняюсь» – укр.). В главного же критика украинского языка превращается Мышлаевский, который с подачи другого героя, Карася, настаивал на том, что «никогда на таком языке никакой дьявол не говорил» [4, с. 533], и вообще язык этот выдумал Винниченко. Упоминание этого деятеля, т. е. известного украинского политика, революционера, писателя В.К. Винниченко, показательны для автора романа. Винниченко соглашался на советскую власть на Украине,

только при условии, чтобы ему дали полную волю в деле украинизации и заявлял: «Точно так, как вы создали диктатуру рабочих и крестьян в России, так нам надо создать диктатуру украинского языка на Украине»¹. Более того, номинально именно он был главой Директории, а Петлюра возглавлял ее вооруженные силы. Но в основном тексте романа «Белая гвардия», как и в «Днях Турбиных», в конечном счете, во главе свергнувших гетмана сил писателем поставлен только Петлюра, как фигура для Булгакова (и не только) более одиозная, как символ полного произвола и насилия, на фоне которой даже грозные и ненавистные большевики выступают носителями порядка и гарантами спокойствия. Больше того, в той же ранней редакции последней главы «Белой гвардии» Мышлаевский позволяет себе даже сострить в том духе, что даже если большевики и «поотвинчивают нам всем головы», то сделают это сразу и на русском языке [4, с. 538].

Но вернемся к основному тексту романа. Микросреда, в которой разворачивается его действие – семья Турбиных и их друзей – бывших офицеров царской армии (а затем и гетманских формирований). В ней, как явствует из сказанного, отношение к украинскому языку, в лучшем случае, отрицательно-насмешливое. Фраза на нем может прозвучать только в ироническом ключе (например, при встрече Мышлаевского и переодетого в штатское Шервинского, когда первый говорит второму: «Здоровеньки були, пане добродзю»). Эта среда репрезентативна по-своему, но тот срез, который даст нам право сделать ниже некоторые вводы, гораздо шире – это население г. Киева. Автор умелыми мазками дает панораму, дающую возможность оценить соотношение различных этно-политических и социо-культурных элементов, определяющих общественные настроения в «матери городов русских». И первым же человеком, который заговаривает в романе на украинском языке не в шутку, а в привычной для себя бытовой обстановке, показательно выступает молочница Явдоха, с которой общается зажиточный мещанин Лисович, по кличке «Василиса». Он сам, возможно, по национальности украинец, но на украинском языке говорит с большим трудом, причем, только в ситуации, когда подвергается насилию со стороны тех, кто

¹ Как показывают последние события в Украине, последователи Винниченко сейчас идут по его стопам, принудительно навязывая украинский всему населению этой страны.

изображает из себя представителей новой, петлюровской, власти. Дальнейшее повествование показывает, что другие горожане – носители украинского языка, постоянно проживающие в Киеве – это так же, как и Явдоха, прежде всего, представители городских низов (дворник, смотритель в морге...), которые до поры растворены в массе горожан, имеющих более высокий социальный статус. В романе отмечены две важные критические точки этномобилизационного характера, которые поставили на повестку дня переоценку этнокультурной и лингвистической ситуации уже в самом городе Киеве. Первая – это март 1917 г., когда здесь появились люди в серых шинелях и шароварах – мобилизованные, не желавшие идти на фронт, и заявившие, что город их, украинский, а вовсе не русский [2, с. 197]. Вторая же была связана с тем, что в Киев ворвались не дезертиры-оборванцы, а отмобилизованные войска Симона Петлюры. Вторая точка была много значимей первой. И это сразу же активизирует деятельность специфической группы городского плебса, причем, якобы, под вывеской деятельности уже новых властей, под флагом наказания за укрывательство материальных ценностей от «добрых людей». На квартиру к «Василисе» являются, уже выследившие, как он прятал, «все, что нажито упорным трудом», представители киевского криминала и грабят обывателя. Маркерным для того слоя, который они представляли, а именно – люмпенов – является речь главного из них. «Он говорил на страшном и неправильном языке – смеси русских и украинских слов», том языке, на котором говорили грузчики с пристани на Подоле [2, с. 368]. Иными словами – подобный смешанный язык – это лексика маргиналов. Но не они, в конечном счете, вот-вот начнут «править бал».

На улицах Киева, по которым марширует петлюровское воинство, особенно запомнившееся «элитой» – синежупанниками-галичанами, следует тяжелое вооружение, клокочет, бурлит толпа, которая вслух высказывает свои впечатления от увиденного. И в этом потоке фраз сказанное на украинском языке отнюдь не доминирует численно. Но носители украинской речи на фоне происходящего испытывают явный подъем, если не эйфорию. Они доминируют ситуационно, откровенно прессингуя в толпе всех тех, кто хоть что-либо имеет против новых реалий, причем, парадоксально то, что говорящие на украинском языке лица не желают поддерживать

на русском языке даже те темы, которые должны быть «приятны» сторонникам Петлюры (например, тему еврейских погромов) [2, с. 383]. Они ревниво следят, чтобы русскоговорящие не сеяли досужих домыслов об их кумирах, особенно, самом Петлюре [2, с. 388–389]. Даже повальный разгул карманников в толпе, который ошарашил обывателя и приобрел страшные, дикие формы, когда преступники рвали серьги прямо с мочками у женщин практически на виду у всего народа, вызывал у симпатизирующих Петлюре горожан не сочувствие, а издевательские комментарии: «Це вам не Россия, добродию». Недоумевающих же поводу творящегося на улицах говорящих по-русски мещан, эти горожане побуждали уходить домой, «бо тут вам робыть нема чого», это не их «праздник», главные теперь «украинцы». И это обстоятельство ясно видно из слов одного из них: «От строго заборонють, щоб не було бильш московской мови» (строго запретят, чтобы не было больше московского (т. е. русского) языка – укр.). Вот, по сути, гвоздь программы нового правления и его квинтэссенция, ожидавшаяся с нетерпением национально ориентированной частью аудитории. Следующий же «коронный» пункт петлюровской программы в изложении ее заинтересованных уличных комментаторов – это поход на Москву. На это следует чей-то короткий ответ: «Руки коротки» и тут же раздается призыв «хлопцам» хватать возразившего... Ему удастся бежать. Но вот в соседнем переулке куда меньше повезло опознанным офицерам, расстрелянным петлюровцами прямо на месте [2, с. 390].

Этот разгул вседозволенности по отношению к людям, связанным со старой, самодержавной, да и гетманской, властью, охватывает и некоторых русскоговорящих, с упоением подхватывающих разговоры о погромах, убийствах офицеров и помещиков.

И вот тут очень точно ситуативно в толпе появляется большевистский агитатор, который пытается перехватить инициативу в управлении настроениями масс. Он начинает свою речь на украинском, чтобы, вероятно, привлечь внимание и говорящих на этом языке, как на родном, и не вызвать немедленного отторжения. Его выступление, тем не менее, на ходу теряло свою украинскую внешнюю оболочку, пока, наконец, в них отчетливо не прозвучало знаменитое: «Советы рабочих, крестьянских и красноармейских

депутатов. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И в этом сказалась не только ориентация большевиков на русский язык, как главное средство общения между сторонниками Советской власти. Прозвучавший клич, проникнутый духом пролетарского интернационализма, вызвал мгновенный положительный отклик среди части украинской аудитории. В задних рядах, в ответ на призыв большевика закричали «Слава!!», но главное, несколько мужских и женских голосов запели «Як умру, то...». Тут же нашлись те, кто закричал: «Тримай! (т. е. держи). Большевик! Москаль!» и оратор после того, как окончательно снял с себя маску, вынужден был вынужден немедленно ретироваться. Но слова «Як умру...» многое значили в этой мизансцене. Это начало знаменитого «Заповіта» (т. е. «Завещания») Т.Г. Шевченко:

«Як умру, то поховайте/Мене на могилі/Серед степу широкого/На Вкраїні милій, /Щоб лани широкополі, /І Дніпро, і кручі/Було видно, було чути,/Як реве ревучий./Як понесе з України/У синєє море/Кров ворожу... отойді я/І лани і гори –Все покину, і долину/До самого Бога Молитися... а до того Я не знаю Бога./Поховайте та вставайте,/Кайдани порвіте/І вражою злою кров'ю/Волю окропіте./І мене в сем'ї великій, В сем'ї вольній, новій,/Не забудьте пом'янути/Незлим тихим словом» [5]. По мнению некоторых современных российских ученых (Г.Г. Матишов), Шевченко «дал идеологическое оружие в руки тем, кто придал украинской теме националистическую окраску» [6], и данные стихи можно рассматривать в качестве подтверждения этой мысли. Но М.А. Булгаков, являвшийся частицей исторической ситуации на Украине в начале XX в., понимал, по нашему мнению, значение этих стихов, уже ставших песней, иначе. Это только предположение, но, возможно, для Булгакова, содержание «Як умру...» было мечтой о новой стране, которая стала бы родиной для всех трудящихся. Вот почему в «Белой гвардии» агитка большевика тут же вызвала такую реакцию у тех украинцев, кто стоял за братство рабочих и крестьян, независимо от их национальной принадлежности, за ту самую «великую и новую семью», к которой звал Кобзарь.

Завершение же романа проходит уже без обсуждения лингвистических проблем, или какого-либо их упоминания. Ибо, несмотря на всю внушительность петлюровских сил, их мощь оказывается кажущейся и эфемерной перед лицом пришествия большевиков в лице красноезвездного бронепоезда

«Пролетарий». Разумеется, появление его в финале романа – это символ скорой *будущей* победы коммунистов. На самом деле, борьба с Директорией еще продолжалась. Но и победа Советской власти отнюдь не означала снятие языковых вопросов. Совсем наоборот. Украинизация с приходом советской власти не только не исчезла с повестки дня, но стала в 1920-е – начале 1930-х гг. гг. императивом государственной политики не только в Украине, но и на Кубани, став, на определенном этапе, уже орудием проведения советизации этих регионов (см. указанную монографию В.А. Матвеева), оказавшись, совершенно парадоксальным образом, универсальным инструментом-перевертышем в ходе общественных преобразований. Впрочем, это уже совсем другая история.

Подведем итоги сказанного выше.

1. М.А. Булгаков, который не являлся политиком и, тем более, сторонником Советской власти, был, тем не менее, ярким и тонким художником слова, видевшим суть происходящего, хорошо представлял себе социальную опору гетманства и сил Директории, которая скрыта у него под общим обликом режима Петлюры. С одной стороны – это помещики, офицеры и др. представители фактически еще старого режима, опирающиеся на немецких оккупантов. С другой – представители местечковой мелкой буржуазии, интеллигенции и близких им слоев. И тех, и других объединяет одно – отрицание русского языка, стремление к тотальной украинизации, ненависть к большевикам и Москве. Но «гетманская» и «петлюровская» модели украинизации неодинаковы. Первая, при всей ее националистической риторике, в чем-то поверхностна, декларативна, и в известной степени, как ни поразительно, «толерантна» (хотя, скорее, прагматична) – на службе у гетмана находились и представители прежнего офицерства и еврейских слоев г. Киева. Вторая представляет собой воинствующий национализм, перерастающий в звериную, патологическую ненависть к тем и другим. И офицеры, и лица еврейской национальности уничтожаются на месте. Особо изощренной жестокостью отличаются расправы с евреями, которые встречаются в разных произведениях Булгакова, касающихся темы гражданской войны. Они, можно сказать, «фирменный» знак петлюровской власти, которая являлась прямой предшественницей бандеровщины.

2. Население г. Киева в конце 1918 – начале 1919 гг. было представлено, преимущественно русскоязычной средой, интеллигенцией, средними слоями, для которой потребность в украинизации не была императивом. Особенно критично к украинизации относились представители русской интеллигенции вроде семьи Турбиных и ее окружения. Украиноязычными слоями г. Киева (полностью или частично) были, прежде всего, пролетарские и люмпен-пролетарские слои. При этом их приверженность идее украинизации не может рассматриваться как безусловная. Но рост проукраинских настроений переживал быструю тенденцию к росту в ходе притока вооруженных носителей украинского языка, особенно наплыва в г. Киев петлюровских войск Директории, которые задавали атмосферу и тон в городе, отличавшуюся агрессивностью и нетерпимостью к иноэтничным элементам, готовностью к их подавлению, и даже прямому и жестокому физическому устранению. В то же время среди украиноязычных жителей Киева, по М.А. Булгакову, были и сторонники большевизма, пролетарского интернационализма, а также идей братства народов в духе Т.Г. Шевченко. Петлюровщина, тотальная украинизация и т. п. не пользовались в рассматриваемое время всеобщей поддержкой населения Украины, в чем, безусловно, прав В.А. Матвеев, но этот тренд в то же время явно набирал силу, особенно в местечках. «Местечковые элементы» играли роль ускорителя украинской этнической мобилизации. С их активным участием медленно, но верно в перспективе вызревало явление, особенно ярко проявившееся в первой половине 1940-х гг. и получившее в нашей стране еще в советское время наименование *украинский буржуазный национализм*. Подвергнутое обоснованной и разносторонней критике в советской исторической науке и официально осужденное, как вредное явление, оно пользовалось молчаливой поддержкой определенной части украинской аудитории и в период после разрушения СССР пережило свое возрождение в Украине. Сегодня перед российской исторической наукой стоит важная задача развенчания этого феномена, наносящего огромный вред российско-украинским отношениям, и с этой целью отечественные историки могут и должны использовать источники разнообразного характера, позволяющие вскрыть генезис украинского буржуазного национализма для борьбы с его проявлениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матвеев В.А. Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение (особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и ее проявление в новейшую эпоху). – Ростов/нД.: Омега-Принт, 2015. – 320 с.
2. Булгаков М.А. Белая гвардия // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. М., 1989. – 623 с.
3. Булгаков М.А. Дни Турбиных // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. М., 1989. – С. 7-76.
4. Булгаков М.А. Ранняя редакция последней главы романа «Белая гвардия» (1925) // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т.1. – М., 1989. – С. 524-546.
5. URL: <https://www.t-shevchenko.name/uk/Kobzar/1845/Zapovit.html>.
6. Матишов Г.Г. Украина: геостратегический разворот (уроки истории – от Эльбы до Миус-фронта 2014 г.). – Ростов н/Д., 2014. – 384 с.

REFERENCES

1. Matveev V. A. *Ukrainskiy krizis 2014 g.: retrospektivnoe izmerenie (osobennosti istoricheskoy kodifikacii v vostochnoslavjanskoj etnicheskoy srede na yuge Rossijskoj imperii i ee proyavlenie v novejšhuyu epohu)* [Ukrainian Crisis of 2014: a Retrospective Measurement (Features of Historical Codification in the East Slavic Ethnic Environment in the South of the Russian Empire and its Manifestation in the Modern Era)]. Rostov/on Don, Omega-Print, 2015. 320 p.
2. Bulgakov M. A. *Belaya gvardiya* [White Guard]. A complete collection of works. M., 1989. Vol. 1, 623 p.
3. Bulgakov M. A. *Dni Turbinyh* [The Turbins Days]. A complete collection of works. M., 1989. Vol. 3, pp. 7-76.
4. Bulgakov M. A. *Ranniyaya redakciya poslednej glavy romana «Belya gvardiya» (1925)* [Early Edition of the Last Chapter of the White Guard Novel (1925)]. A complete collection of works. M., 1989. Vol. 1, pp. 524-546.
5. URL: <https://www.t-shevchenko.name/uk/Kobzar/1845/Zapovit.html>. (In Ukrainian).
6. Matishov G. G. *Ukraina: geostrategicheskij razvorot (uroki istorii – ot El'by do Mius-fronta 2014 g.)* [Ukraine: a Geostrategic Turn (Lessons of History – from the Elbe to the Mius-Front 2014)]. Rostov-on-Don, 2014. 384 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев С.Л. Этнополитическая и социокультурная обстановка на Украине в конце 1918 – начале 1919 г. (по произведениям М.А. Булгакова) / С.Л. Дударев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 86–100.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S.L. Ethnopolitical and sociocultural situation in Ukraine at the end of 1918 – early 1919 (based on M.A. Bulgakov's literature works) // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 86–100. (In Russian).

УДК-27-9

Малахов Сергей Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Malakhov Sergey Nikolaevich

Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

НИКОЛАЕВСКАЯ ТИХОНОВСКАЯ ОБЩИНА Г. АРМАВИРА В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГГ. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

NIKOLAEVSKIY TIKHONOVSKIY COMMUNITY OF ARMAVIR IN THE mid-1920s (ACCORDING TO ARCHIVAL MATERIALS)

Аннотация:

В статье рассматриваются обстоятельства возникновения в 1924 г. Николаевской («тихоновской») общины в г. Армавире. На основе выявленных архивных документов анализируется конфессиональная политика советской власти по отношению к тихоновскому движению в Армавирском округе. Исследуются организационные аспекты церковной жизни православно-канонических общин в середине 1920-х гг., вносятся дополнения в биографии епископов Рафаила (Гумилевского), Иннокентия (Летяева), священника Леонида Дмитриевского. Делается вывод о перспективах использования фондов регионального архива в изучении обновленческого раскола на Кубани.

Ключевые слова:

Русская Православная Церковь, обновленческий раскол, тихоновцы, Николаевская православно-каноническая община, г. Армавир, священник Леонид Дмитриевский, епископ Рафаил (Гумилевский), епископ Иннокентий (Летяев).

Abstract:

The article discusses the circumstances of the emergence in 1924 of the Nikolaevskiy ("tikhonovskiy") community in Armavir. On the basis of the identified archival documents the confessional policy of the Soviet authorities in relation to the tikhonovsky movement in Armavir region is analyzed. The organizational aspects of the church life of Orthodox canonical communities in the mid-1920s are explored, and additions are made to the biographies of bishops Rafail (Gumilevsky), Innokenty (Lityaev), and priest Leonid Dmitrevsky. The conclusion about the prospects for the use of regional archive funds in research of Renewal schism in Kuban region is drawn.

Keywords:

Russian Orthodox Church, Renewal schism, Tikhonites, Nikolaevsky Orthodox canonical community, Armavir, priest Leonid Dmitrevsky, bishop Rafail (Gumilevsky), bishop Innokenti (Lityaev).

Тема обновленческого раскола в Русской Православной Церкви и противостояния ему на уровне приходов по материалам Северного Кавказа только начинает исследоваться [1–5]. В полной мере это касается истории организации Николаевской тихоновской религиозной общины города Армавира. В статье систематизируются и вводятся в научный оборот архивные материалы, относящиеся к 1924–1927 гг., которые позволяют проследить историю организации православно-канонической общины в Армави-ре, отношение органов советской власти к тихоновцам, взаимоотношения между каноническими и обновленческими церковно-административными структурами.

В 1884 г. в селении Армавир в связи с ростом русского населения был построен молебельный дом, названный в память свт. Николая Мирликийско-го. Позднее рядом была заложена Николаевская церковь, освящённая в 1892 г., которая затем усилиями ктитора Н.Г. Локтионова была перестроена и расширена. Храм, называвшийся Свято-Никольским, или в просторечии Никольским, теперь мог вмещать до 2 000 чел. В здании бывшего молитвенного дома размещались мужская и женская церковно-приходские школы [6].

После установления советской власти на Кубани церковно-государственные отношения резко изменились. Политика отделения Церкви от государства сопровождалась репрессиями против духовенства, изъятием церковной собственности, закрытием монастырей. Особые надежды, связанные с ликвидацией влияния Русской Православной Церкви на общество, власть возлагала на обновленческий раскол [7].

После съезда кубанского духовенства, состоявшегося в мае 1922 г., в епархии укрепились позиции обновленцев. Президиум Кубано-Черноморского обкомитета РКП(б) от 21 июня 1922 г., рекомендовал председателю Кубчероблисполкома «в целях дальнейшего раскола среди духовенства <...> оказывать содействие» представителям «Живой Церкви», хотя в ряде мест органы власти не делали особого различия между православными верующими «старого» и «нового» толков [2, с. 23; 8, с. 50–58]. Армавирское викарлатство с переходом епископа Михаил (Орлинского) в обновленчество оказалось подчиненным Высшему Церковному Управлению и замещалось

в будущем только обновленческими архиереями. В этот период бывший армавирский vikарий, затем обновленческий «епископ» Михаил Орлинский руководил Кубанской епархией с 1923 по 1932 год [9, с. 159–160].

На приходах сопротивление обновленцам оказывали священники – сторонники святейшего патриарха Тихона и рядовые прихожане, которые в официальных документах назывались «тихоновцами», «старотолковниками», общинами «старого толка», в отличие от обновленцев – представителей Церкви «нового толка». Главная цель, которая была определена властью обновленцам, раскол внутри Церкви и захват руководящих церковно-административных структур: от патриархии, митрополичьих и епископальных структур до епархиальных управлений и отдельных приходов. Процесс переподчинения епархиальных управлений наиболее успешно прошел в Кубанской области. Кубано-Черноморское Епархиальное Управление стало с 1922 г. назначать обновленческих священников на городские и сельские приходы [8, с. 50–58].

24 июня 1924 г. в Армавире начинаются споры между обновленцами и «старотолковниками» за право вести богослужение в Никольском оборе. Сторонники патриарха Тихона выделились в отдельную группу верующих численностью около 70 чел. Переговоры от «староправославных» верующих вели члены Совета группы А.Н. Смирнов и Н.Н. Гукалов, право на Николаевский собор отстаивали на основании прежних документов и что они являются его прихожанами. Жалоба по этому вопросу была направлена в ВЦИК, рассмотрена Президиумом ВЦИК 23 июля 1924 г., но просьбу верующих старого толка о возвращении в их пользование Николаевского собора отклонили, о чём члены общины были извещены 7 августа [10, д. 14, л. 517–519, 549].

Решающую роль в обосновании законной принадлежности собора обновленцам сыграл протоиерей Капитон Лавров [5, с. 310–311], уполномоченный по Армавирскому викариатству; он, используя свой авторитет и словесную эквилибристику, убедил власти оставить собор за «большинством верующих», окормлявшихся священниками-обновленцами. «В г. Армавире, – писал он в своей записке в Административный отдел, – Николаевский православный собор по договору и с утвержденным уставом находится в распоряжении не у живоцерковников, как сказано в распоряжении ВЦИК №...,

а именно у верующих старого православного толка, у таких её верующих, которые веруют как их отцы, деды и прадеды. Скажем ясней: двадцатипяти тысячное православное население г. Армавира духовно окормляется собором. Этому неопровержимый свидетель статистика крестин, браков, погребений, доходы собора <...>. Все налоги по собору исполняются аккуратно. Здесь на месте всё так ясно. Эта община (обновленческая. – С.М.) ни у кого собора не отнимала, а аренду заключила после того, как собор был запечатан. Запечатан был собор по вине членов приходского совета, которые нарушили договор и сейчас политически неблагонадежны. Словом, народ верующий, народ старого толка, масса народная – даже не ведают в чём дело, а самый протест ведут от имени одних и тех же верующих прежние члены приходского совета – стараясь сбросить тех, что заменили их. Таким образом, было бы вопиющей несправедливостью уважить просьбу минимального меньшинства и огорчить подавляющее большинство» [10, д. 14. л. 517, 518].

Среди верующих и священнослужителей часто не было чёткого понимания причин и мотивов размежевания между обновленцами и тихоновцами («старотолковцами»). Об этом, например, говорит обращение благочинного церковью 38 округа Кубанской епархии Капитона Лаврова в президиум Армисполкома, отправленное 8 августа 1924 г. Поводом для обращения стали теперь уже события в станицах Дмитриевской и Григорополисской. Тихоновцы хотели «отнять» у обновленцев Дмитриевскую церковь, называя себя «старотолковниками». «В действительности, – пишет протоиерей Капитон Лавров, – пока Красницкий в Донском Московском монастыре с Живой Церковью и сам б^{ывший} Патриарх Тихон и его последователи... [все они. – С.М.], прогрессируя, остаются членами “Единой Святой Православной Церкви Апостольской” (т. е. “старого толка”...)» [10, д. 18, л. 330]. Протоиерей Капитон Лавров просит административную власть «в порядке последовательности» разрешить конфликт в ст. Дмитриевской в пользу обновленцев и не придавать особого значения каноническим отличиям. При этом он знал, что в июне президиум ВЦИК по жалобам верующих потребовал от Исполкома Кубано-Черноморской области передать группам верующих именно старого православного толка церкви в станицах Дмитриевской, Ильинской, Пановической и Переяславской [10, д. 18, л. 326]. Станичные власти упорствовали, мотивируя невозможность

передачи церкви тем, что она, например, в Дмитриевской, находится по договору у общины нового толка [10, д. 18, л. 319, 324, 326].

Никольский храм в Армавире власти решили оставить за обновленцами, поскольку 27 июля прибывал назначенный в Армавирский округ епископ Николай (Чудновцев) [10, д. 14, л. 465-465 об.]. Это обстоятельство оставляло мало шансов тихоновцам во главе с о. Леонидом Дмитриевским вернуть Николаевский собор. Ходатайство, направленное в Президиум ВЦИК о возвращении старотолковникам Николаевского собора в г. Армавире было отклонено, а 7 августа 1924 г. члены староправославной общины Николаевского собора были извещены об этом решении официально.

Возникшая ситуация заставила инициативную группу тихоновцев ходатайствовать перед административным отделом округа о разрешении организовать самостоятельную общину. 5 сентября 1924 г. от уполномоченного группы верующих староправославного толка Алексея Николаевича Смирнова в Адмотдел поступило заявление о проведении собрания в ближайшее воскресенье, в помещении на ул. К.Маркса (бывшая Атаманская № 23) с повесткой дня: 1) составление приговора об организации регистрации; 2) составление списка верующих; 3) принятие устава; 4) выбор уполномоченного для подписания договора; 5) выбор временной комиссии для предстоящих работ: приискание помещения, ремонт [10, д. 14, л. 532]. Ходатайство о регистрации Устава и общины староцерковников г. Армавира было подано 26 сентября в Административный отдел. Устав Николаевской группы староправославной канонической церкви в завершенном виде был подан на регистрацию 11 октября 1924 г. Месяцем ранее власти вынуждены были разрешить проведение организационного молитвенного собрания сторонников «православного вероучения», которое состоялось 19 сентября 1924 г. в доме № 87 на Убеженской улице. Верующие, предоставив список общины и членов совета, Устав, добивались разрешения на организацию молитвенного дома на Урупской стороне [10, д. 18, л. 25].

Пригодного для общины тихоновцев помещения власти не предоставили, а на просьбы передать им в пользование здание на подворье бывшего Александро-Невского монастыря, ответили отказом. Более того, первоначально, 2 ноября 1924 г. община верующих Никольского староправославного общества

получила отказ в регистрации по причине того, что «отсутствовало свободное церковное имущество», т. е. книги и литургические предметы, необходимые для богослужения. Община просила передать в её пользование имущество бывшего Александро-Невского монастыря, закрытого постановлением Кубанско-Черноморского облисполкома № 156 от 7 марта 1923 года «за нелояльное отношение» монахов к советской власти, но имущество монастыря было передано по договору Николаевскому собору. В дальнейшем армавирские «старотолковники» неоднократно обращались к властям округа о передаче монастырского имущества, необходимого для осуществления богослужения. Отказ в регистрации общины на основе отсутствия «лишнего» богослужебного инвентаря со стороны властей был только поводом. На самом деле все было наоборот: приходской совет Николаевского собора 14 мая 1925 г. решал вопрос о ликвидации «излишнего церковного имущества» [10, д. 18, л. 788].

Несмотря на чинимые административные препятствия, свои молитвенные собрания верующие Николаевского староправославного религиозного общества временно проводили с октября 1924 г. в частном доме на углу ул. Маркса, 17 и Володарского, 52 [10, д. 43, л. 44, 46, 47, 49]. Настоятелем староправославного молитвенного дома был избран о. Леонид Дмитриевский, бывший ранее священником в Свято-Николаевском соборе. Он тоже не избежал соблазна обновленческого раскола, пребывал в нем с 9 сентября 1923 г. до 14 октября 1924 г., но затем вернулся в лоно канонической церкви [11, с. 46–47].

7 декабря 1924 г. в молитвенном доме состоялось общее собрание сторонников патриарха Тихона – Николаевского староправославного религиозного общества. К этому времени в общине числилось 713 православных, на собрании были приняты в общину еще 221 чел. Таким образом, тихоновцы в декабре в г. Армавире имели в своей общине 934 чел. Главными в повестке дня организационного собрания были вопросы приёма новых членов общины, избрание епископа и ревизионной комиссии. Председательствовал на собрании В.В. Силкин, секретарем был А.Н. Бураковский, в ревизионную комиссию были избраны Семен Алексеевич Кумсиев, Григорий Иванович Будаев, Александр Петрович Трифонов, Владимир Михайлович Яковлев. Как было отмечено в протоколе

собрания № 6, «староправославное религиозное общество единогласно избрало епископа в лице Рафаила Гумилевского» [10, д. 18, л. 292].

Хиротонисание епископы Рафаила (Гумилевского) историком церкви Л. Регельсоном отнесено к 1924 году [12, с. 354]. Биографическая анкета, заполненная собственноручно в Административном отделе округа епископом Рафаилом (в миру Георгием Петровичем Гумилевским), позволяет уточнить некоторые факты жизни владыки, в ней, в частности, указано: *родился 3 февраля 1886 г., место жительства – г. Ставрополь, Варваринская площадь, при Варваринской церкви; социальное положение – епископ Православно-канонической Церкви; общественное, служебное положение за время с 1914 г. – агроном с 1915 по 1920 г., г. Серпухов Московской губернии, священник с 1920 г., епископ с 13 сентября 1924 г., беспартийный, судим не был; принадлежность к тому или иному сословию до революции – сын служащего на железодельном заводе; имущественное положение – собственности не имел и не имею; время принадлежности к данному религиозному культу – с рождения* [10, д. 18, л. 291].

В АОАА отложились и некоторые сведения о местах служения епископа Рафаила в этот период: в декабре 1924 года Николаевская тихоновская община «избрала» епископа Рафаила своим владыкой; в январе-февраля 1925 года в ст. Беломечетской Невинномысского района тихоновская община внесла в список священнослужителей общины епископа Рафаила и благочинного из ст. Братково-Опочиновской Плотникова Василия Ивановича. В официальном донесении из ст. Беломечетской в Армавирский округ указывалось, что священнослужители «пришлые», а «все граждане, поименованные в списках, являются заядлыми тихоновцами» [10, д. 33, л. 274].

В марте 1925 г. епископ Рафаил (Гумилевский) пытался вывести общину церкви св. Георгия Победоносца в х. Верхне-Егорлыкском Успенского р-на из состава обновленческого Кубано-Черноморского Епархиального Управления путем свободного заявления, но эта процедура саботировалась официальными властями [10, д. 18, л. 850-853]. В этот период в переписке ОГПУ епископ Александровский и викарий Ставропольский Рафаил (Гумилевский) называется «Управляющим православными патриаршими приходами Ставропольской

и Кубанской епархий»; летом того же года он был арестован, а в 1926 г. сослан на Соловки [12, с. 537, 544].

Преемником епископа Рафаила (Гумилевского) осенью 1925 г. стал Иннокентий (Летяев), исполнявший ранее, с сентября 1923 по апрель 1924 г., обязанности епископа Ставропольского и Кавказского, в его попечении находились православно-канонические общины восточных районов Кубани. Епископ Иннокентий был зарегистрирован в административном отделе Армавирского округа как священнослужитель единоверческой общины Николаевской церкви ст. Прочноокопской [10, д. 18, л. 1033]. 21 сентября 1925 года ОГПУ разрешило ему въезд в г. Армавир по ходатайству Николаевской православно-канонической общины для совершения богослужения в молитвенном доме на том основании, что он числился священнослужителем данного религиозного общества. Как удалось установить по документам армавирского архива епископ Иннокентий в августе-сентябре 1925 и 1926 гг. совершал пастырские поездки по тихоновским общинам Кубани и Ставрополья [10, д. 18, л. 991].

В период с октября 1924 г. по декабрь 1925 г. документы на регистрацию общин тихоновского направления или бывших обновленческих (в которых сформировались в отдельную группу приверженцы старого толка «вследствие изменившихся убеждений») были поданы из станиц Темнолесской, Темиргоевской, Сенгилеевской, Бесскорбной, Владимирской Филимоновской, Кавказской, Вознесенской, Дмитриевской, Григорополисской, селений Казьминского, хуторов Алексеевского (Петропавловского р-на), Привольного (Александровского р-на) [см.: 10, д. 18, л. 39, 41, 83, 319, 466, 490, 587, 589, 593, 639-641, 652, 653, 700, 747, 766, 770, 776, 781, 803, 810]. Однако власти неохотно шли навстречу тихоновцам. Например, в марте 1925 г. «христиане старого толка» ст. Сенгилеевской ходатайствовали о регистрации своей общины, но окружной отдел ОГПУ вынес отрицательный вердикт: «...Община может стать рассадником контрреволюции и в первую очередь ее духовный руководитель иеромонах Бокарев Никон, неоднократно проходивший по следственным делам нашего и ныне Кубанского отделов ОГПУ» [10, д. 18, л. 593]. Таким образом, тихоновским общинам под разными предлогами отказывали в регистрации, причем главная запретительная инициатива исходила от ОГПУ.

После смерти Святейшего Патриарха Тихона (Белавина) обновленцы провели 1–10 октября 1925 г. «III Всероссийский Поместный Собор Православной Церкви на территории СССР», на котором надеялись организовать воссоединение с канонической Патриаршей Церковью («тихоновцами»). Идеи о воссоединении расколовшейся Церкви получили широкое хождение и были положительно восприняты верующими массами. Однако воссоединения в конечном итоге не произошло, поскольку под видом преодоления «раскола» обновленческое крыло решило закрепить свою победу над тихоновцами не только на уровне центрального управления, но и на уровне рядовых приходах.

Позиции обновленчества оказались довольно прочными на Кубани, поскольку реформаторское движение поддерживалось органами советской власти. В административном отношении обновленческое Кубано-Черноморское Епархиальное Управление контролировало ситуацию на территории округа к концу 1925 г. Православно-канонические общины были немногочисленными, однако в 1925–1927 гг. наметилась тенденция к их росту. Это подтверждают данные статистической таблицы «для сведения областных, окружных и оргбюро ВКП(б) о численности обновленческих структурных единиц Русской Православной Церкви в округах Северного Кавказа по данным Краевого комитета ВКП(б) 1 января 1926 г.», согласно которой в Армавирском округе насчитывалось 111 храмов и 293 священнослужителя. В основном это были обновленческие храмы со служившим в них духовенством; православно-канонических храмов в округе было только 37 [13, с. 304–305]. По округу только за 1925 год общее число храмов в ведении православных приходов обоих направлений уменьшилось со 125 до 111, а число православно-канонических общин (тихоновских) при этом увеличилось с 18 до 37, т. е. почти в два раза.

Эту тенденцию увеличения численности православно-канонических общин на Кубани косвенно подтверждает и численность армавирской тихоновской общины. По данным на 1 января 1927 г. в Армавире «общины православного вероисповедания» (обновленцы) имели Николаевский собор, Успенскую и Троицкую церкви, а община «старого православного исповедания» – молитвенный дом на углу улиц Володарского и Маркса (№ 52/17) [10, д. 33, л. 58]. Тем не менее, число членов общины возросло по сравнению

с 1924 годом. 9 февраля 1927 г. ОГПУ было вынуждено дать разрешение тихоновской Николаевской общине открыть отделение второго молитвенного дома [10, д. 33, л. 72].

По-разному сложились судьбы приходской общины Свято-Николаевского собора, расколовшейся на обновленцев и тихоновцев. Священник Леонид Дмитриевский был избран пастырем тихоновцев в октябре 1924 года, служил до 1935 г., затем был арестован по ст. 58-10, а после отбывания трехлетней ссылки в Каргополе 14 декабря 1938 г. вернулся в Армавир. За период своего служения в «староцерковной» Николаевской общине о. Леонид Дмитриевский был награжден Патриархией палицей (31 марта 1926 г.), золотым наперсным крестом с украшениями (16 апреля 1929 г.) и митрой (27 июля 1932 г.) [11, с. 47–49].

Николаевская тихоновская община не распалась после ареста своего настоятеля, смогла пережить период массовых репрессий и гонений на церковь во второй половине 1930-х гг. По воспоминания прихожанок, после возвращения из ссылки о. Леонид продолжил служение в Николаевской тихоновской общине, размещавшейся в здании бывшей мельницы, в двух кварталах от школы № 8 по улице Железнодорожной. В послужном списке о. Леонида отмечено, что он с 26 августа по 2 декабря 1942 г. был настоятелем общины Николаевской церкви, а с 2 декабря 1942 года уже числился настоятелем Свято-Троицкой церкви, организовал ее восстановление, регулярный сбор продуктов для раненых Красной Армии, находившихся на лечении в госпиталях города, а также перечисление более 100 тыс. руб. в фонд обороны страны [11, с. 49–55; 14, с. 153]. Прихожане вслед за своим настоятелем активно участвовали в ремонте церкви, воссоздали приходскую общину Троицкой церкви, которая придерживалась под руководством о. Леонида патриаршей ориентации.

Иначе сложилась судьба обновленческой общины Николаевского собора, закрытого и разрушенного властями в 1939 г., его община получила в аренду часть армянской Успенской церкви. Ввиду совместного использования храма прихожанами русской и армянской общин церковное здание было разделено перегородкой на две половины: большой и малый модельные залы. В годы Великой Отечественной войны богослужение здесь

не прерывалось. В период с сентября 1943 г. по конец 1945 г. обновленческий раскол окончательно был ликвидирован на Кубани. Новый период гонений на верующих начался в 1960-е гг. Решением Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР от 4 октября 1962 г. Николаевская религиозная община (обновленческая до 1944 г.) была снята с регистрации [15, с. 219], а ее члены присоединились к Свято-Троицкому приходу, состоявшему в основном из членов бывшей Никольской тихоновской общины, организованной в 1924 году.

Таким образом, архивные материалы АОАА помогают реконструировать и дополнить важные моменты в истории тихоновских общин на территории Армавирского округа, а также изучить вопросы, связанные с организацией, регистрацией и взаимоотношениями общин «старого толка» с властными структурами и обновленческим Кубано-Черноморским Епархиальным Управлением в 1920-х гг. Кроме того, данные регионального архива позволяют уточнять послужные списки и биографии ряда священнослужителей и архиереев этого периода, а также социальный состав, численность и внутреннее управление православно-канонических общин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рожков А.Ю. Обновленцы и мученики / А.Ю. Рожков // Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / Науч. ред. О.В. Матвеев. – Краснодар: Традиция; Православный Екатеринодар, 2009. – С. 127-139.
2. Беликова Н.Ю. Русская Православная Церковь на Кубани в 1920-е гг. по материалам федеральных и региональных архивов / Н.Ю. Беликова // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Мат-лы IV Свято-Игнатиевских чтений. Вып. II. – Ставрополь: Изд. центр Ставропольской православной духовной семинарии, 2012. – С. 22-25.
3. Кияшко Н.В. Обновленческий раскол как компонент советской антицерковной политики и его эволюция на Кубани в 1920-е гг. / Н.В. Кияшко // Вестник Ставропольской духовной семинарии. – 2017. – № 1(4). – С. 26-42.
4. Пантюхин А., свящ. Антирелигиозная деятельность органов советской власти в первой половине 1920-х гг. в свете документов региональных архивов Северного Кавказа/ А. Пантюхин, свящ. // Вестник Ставропольской духовной семинарии. – 2017. – № 1(4). – С.68-81.

5. Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей / В. Лавринов, прот. – М., 2016. – 736 с.

6. Ктиторов С.Н. Этноконфессиональный диалог в пространстве предкавказского города конца XIX – начала XX в. / С.Н. Ктиторов // Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI века). – Армавир, 2015. – С. 210-211.

7. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.

8. Кияшко Н.В. Из истории возникновения и развития обновленческого раскола на Кубани в первой половине XX века / Н.В. Кияшко // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 30 окт. – 1 нояб. 2015 г.) / под ред.: Т.Г. Письменной, А.Н. Рябикова, Е.В. Манузина. – Славянск-на-Кубани: РИЦ СГПИ, 2015. – С. 50-58.

9. Сергеев К.Л. Екатеринодарская и Кубанская епархия / К.Л. Сергеев // Православная энциклопедия. Т. XVIII. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. – С. 159-165.

10. Архивный отдел муниципального образования г. Армавир (далее – АОАА). Ф.Р-152. Оп. 1.

11. Калинин Павел, протоиерей, Федченко Н.Л. Сто лет минуло... (К юбилею Свято-Троицкого собора города Армавира / П. Калинин, свящ., Н.Л. Федченко. – Армавир, 2016. – С. 46-47.

12. Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. 1917–1945. 3-е изд. / Л. Регельсон. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2007. – 648 с.

13. Бирюкова Ю.А. Материалы статистики по обновленческому и григорианскому расколам в Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в 1926 г. / Ю.А. Бирюкова // Научные труды Донской духовной семинарии: сборник. Вып. 2. – Ростов н/Д., 2014. – С. 304-305.

14. Кринко Е.Ф. Православная Церковь на Кубани в годы Великой Отечественной войны / Е.Ф. Кринко // Дело мира и любви: очерки истории и культуры Православия на Кубани / Науч. ред. О.В. Матвеев. – Краснодар: Традиция; Православный Екатеринодар, 2009. – С. 144-154.

15. Ктиторов С.Н. Первый храм черкесогаев (черкесских армян) на Кубани / С.Н. Ктиторов // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. V / Науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. – Армавир–Отрадная: Издатель Шурыгин В.Е., 2017. – С. 215-221.

REFERENCES

1. Rozhkov A. Yu. *Obnovlency I mucheniki. Delo mira I ljubvi: ocherki istorii I kul'tury pravoslavija na Kubani* [Renovators and Martyrs. The Cause of Peace and Love: Essays on the History and Culture of Orthodoxy in Kuban Region]. Krasnodar: Traditsiya; Orthodox Ekaterinodar. 2009, pp. 127-139.
2. Belikova N. Yu. Russian Orthodox Church in Kuban in the 1920s based on federal and regional archives. *Problemy i perspektivy issledovaniya cerkovnoy istorii Severnogo Kavkaza. Mat-ly IV Svyato-Ignatievskih chteniy = Problems and Prospects of the Study of Church History in the North Caucasus. Materials of the IV St. Ignatiev readings*. Stavropol: Ed. Center of the Stavropol Orthodox Theological Seminary, 2012, iss. 2, pp. 22-25. (In Russian).
3. Kiyashko N. V. Renewal schism as a component of Soviet anti-church policy and its evolution in Kuban Region in the 1920s. *Vestnik Stavropol'skoy duhovnoy seminarii = The Bulletin of the Stavropol Theological Seminary*, 2017, № 1(4), pp. 26-42. (In Russian).
4. Pantyukhin A. Anti-religious activities of the Soviet authorities in the first half of the 1920s according to the documents of the regional archives of the North Caucasus. *Vestnik Stavropol'skoy duhovnoy seminarii = The Bulletin of the Stavropol Theological Seminary*, 2017, № 1 (4), pp. 68-81. (In Russian).
5. Lavrinov V. *Obnovlencheskiy raskol v portretah ego deyateley* [Renewal Schism in the Portraits of its Doers]. Moscow, Church History Society. 2016, 736 p.
6. Ktitorov S. N. *Etnokonfessional'niy dialog v prostranstve predkavkazskogo goroda konca XIX – nachala XX v. Jetnokonfessional'naja situacija na Severnom Kavkaze v kontekste integracii regiona v sostav Rossii (konec XVIII- nachalo XXI veka)*. [Ethno-confessional Dialogue in the Space of the Pre-Caucasus City of the Late XIX-early XX Century. Ethno-confessional Situation in the North Caucasus in the Context of the Integration of the Region into Russia (Late XVIII-early XXI Century)]. Armavir, 2015, pp. 210-211.
7. Shkarovskiy M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the XX Century]. Moscow, Veche, Lepta, 2010. 480 p.
8. Kiyashko N. V. The history of the emergence and development of the renewal schism in the Kuban in the first half of the XX century. *Severnyy Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya etnokonfessional'nyh otnosheniy = North Caucasus: Problems and Prospects for the Development of Ethnic-Confessional Relations*, Slavyansk-on-Kuban, PC SSPI, 2015. pp. 50-58. (In Russian).
9. Sergeev K. L. *Ekaterinodarskaya i Kubanskaya eparhiya. Pravoslavnaya enciklopediya* [Ekaterinodar and Kuban Diocese Orthodox encyclopedia]. Moscow: Orthodox Church Research Center "Encyclopedia", 2008, vol. XVIII, pp.159-165.

10. Arhivnyy otdel municipal'nogo obrazovaniya g. Armavir [Archival Department of Armavir]. F. R-152. I. 1.

11. Kalinin Pavel, Fedchenko N. L. *Sto let minulo... (K yubileyu Svyato-Troickogo sobora goroda Armavira)* [One Hundred Years Have Passed ... (To the anniversary of Holy Trinity Cathedral in Armavir)]. Armavir, 2016, pp. 46-47.

12. Regel'son L. *Tragediya Russkoy cerkvi. 1917-1945* [The tragedy of the Russian church. 1917-1945]. Moscow, Krutitsky monastery Publ., 2007. 648 p.

13. Biryukova Yu. A. Statistics on the renovation and Gregorian schisms in the Russian Orthodox Church in the North Caucasus in 1926. *Nauchnye trudy Donskoy duhovnoy seminarii = Scientific Works of the Don Theological Seminary*. Rostov-on-Don, 2014. Iss. 2, pp. 304-305.

14. Krinko E. F. *Pravoslavnaya Cerkov' na Kubani v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Delo mira I ljubvi: ocherki istorii I kul'tury pravoslavija na Kubani* [Orthodox Church in Kuban during the Great Patriotic War] The Cause of Peace and Love: Essays on the history and Culture of Orthodoxy in Kuban. Krasnodar, Tradistiya; Orthodox Ekaterinodar, 2009, pp.144-154.

15. Ktitorov S. N. The first temple Cherkesogais (Circassian Armenians) in Kuban. *Otradnenskie Istoriko-kraevedcheskie Chtenija = Otradnensky Regional History Readings*, Armavir-Otradnaya, V.E. Shurygin Publ., 2017, iss. V, pp. 215-221.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малахов С.Н. Николаевская тихоновская община г. Армавира в середине 1920-х гг. (по архивным материалам) / С.Н. Малахов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 101-114.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Malakhov S.N. Nikolaevskiy tikhonovskiy community of Armavir in the mid-1920s (according to archival materials) // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 101-114. (In Russian).

УДК-272

**Малинский Анатолий Валериевич
(иеромонах Антоний)**

председатель комиссии по канонизации святых Армавирской епархии (г. Армавир)

**Malinsky Anatoly Valeriyevich
(celibate priest Anthony)**

Chairman of the Commission on Canonization of Saints of the Armavir Diocese (Armavir)

**ПАМЯТИ КУБАНСКОГО
МИССИОНЕРА – СВЯЩЕННИКА
АЛЕКСИЯ ИВЛЕВА (К 170-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

**FOR MEMORY OF A KUBAN
MISSIONARY PRIEST ALEKSY
IVLEV (TO THE 170TH
ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)**

Аннотация:

Во второй половине XIX века большое внимание в Кавказской (Ставропольской) епархии уделялось миссионерству. Основным полем для деятельности среди казачьего населения Кубанской области были станицы со старообрядческими общинами. Плодотворность работы среди придерживающихся старых обрядов достигалась с помощью миссионерского проекта, каковым в данный период являлось единоверие. Укрепление единоверческих приходов в этом случае напрямую зависело от ревности священников, перешедших в православие на основании своей искренней убежденности в антиканоничности раскола. В статье рассматривается деятельность кубанского миссионера – священника станицы Вознесенская Алексия Ивлева, который под влиянием своего родственника осознал необходимость перехода в православие на правах единоверия. После присоединения Алексей был рукоположен в священный сан, отдавал свои силы миссионерской работе. Итогом многолетней деятельности отца Алексия стало присоединение к православию около

Abstract:

In the second half of the XIX century, a lot of attention was given to the mission in the Stavropol Diocese. The main field for activities among the Cossack population of Kuban Region were the villages with the Old Believers communities. The fruitfulness of work among those who adhered to the old rites was achieved with the help of the missionary project, which in that period was Edinoverie. Strengthening the parishes of the faith in this case directly depended on the jealousy of the priests who converted to Orthodoxy on the basis of their sincere conviction of the anti-canonical nature of the schism. The article considers the activities of a Kuban missionary – the priest of the village of Voznesenskaya, Aleksy Ivlev, who, under the influence of his relative, realized the need to convert to Orthodoxy on the rights of Edinoverie. After joining, Aleksy was ordained to the priesthood, doing everything in his power to missionary work. The result of many years of activity of Father Aleksy was the accession of about two hundred Old Believers

двухсот старообрядцев, в том числе старообрядческого священника. В данной работе используются архивные документы и материалы периодических изданий, позволяющие рассмотреть методы и условия миссионерской деятельности священника. В статье приводятся также исторические свидетельства о трагической гибели священника Алексея Ивлева, ставшей итогом его многолетней пастырской деятельности.

to Orthodoxy, including the Old Believer priest. In this work, archival documents and materials of periodicals have been used, allowing considering the methods and conditions of missionary activity of a priest. The article also contains historical evidence of the tragic death of priest Aleksy Ivlev, that became the result of many years of his pastoral work.

Ключевые слова:

миссионерская деятельность, Ставропольская епархия, Кубанская область, станица Вознесенская, священник Алексей Ивлев, Гражданская война.

Keywords:

missionary activity, Stavropol Diocese, Kuban Region, stanitsa Voznesenskaya, priest Alexy Ivlev, Civil war.

В 80-х годах XIX столетия в Кавказской епархии основным вектором миссионерской деятельности была работа в старообрядческой среде. По сведениям «Кавказских епархиальных ведомостей», в 1883 году на территории Кубанской области было более девяти тысяч старообрядцев [7, с. 578]. После зарождения в России единоверия у миссионеров возникла возможность плодотворной работы среди придерживающегося старых обрядов населения.

Нужно отметить, что в данный период истории большим приобретением для Кавказской епархии стало обращение из старообрядчества в православие на правах единоверия казака станицы Ханская Кубанской области – Алексея Ивлева.

Родился Алексей 12 (25) февраля 1849 года в станице Прочноокопская [2, л. 48]. После создания Кубанской области, в 1860 году начала формироваться Белореченская укрепленная линия, в систему которой вошла станица Ханская, основанная в 1862 году. После основания станицы её начали заселять первые переселенцы, среди которых были и представители кубанского старообрядчества. «Раскол в станицу Ханскую занесен первыми её переселенцами, – выходцами из станиц: Григорополисской, Расшеватской,

Ново-Александровской и Ново-Троицкой. Население ее последовало в 1862 году. Из 215 семей первых переселенцев четвертая часть были раскольники – и по преимуществу – австрийского согласия» [16, с. 478], – писали в 1903 году Ставропольские епархиальные ведомости. Вероятнее всего, в это же время из станицы Прочноокопская в Ханскую переселилась старообрядческая семья урядника Кубанского казачьего войска Венедикта Ивлева с женой Прасковьей и сыном Алексеем, в будущем священником станицы Вознесенская Кубанской области.

Первым старообрядческим священником в станице Ханская был Иван Ключников, при его содействии из станицы Новотроицкой был перемещен молитвенный дом. Через год Ключников умер, и старообрядческим епископом Иовом (Зряниным) в священники был поставлен дядя Алексея Ивлева – Пахом Трофимович Ивлев. Уставщиком был назначен двоюродный брат Алексея – урядник Дометий Сидорович Ивлев [16, с. 479]. По собственному свидетельству Дометия в должности уставщика он трудился 12 лет.

«Дядя и племянник Ивлевы оказались людьми очень деятельными: на место моленной они воздвигли новую, гораздо более обширную, с колокольней и весьма ценным иконостасом» [16, с. 479].

4 декабря 1883 года старообрядческий священник Пахомий Ивлев умер. «Незадолго перед кончиной Пахомий призвал своих племянников: ...Дометия и Алексея и взял с них клятвенное обещание в том, что они не будут после его смерти добиваться в расколе священных степеней, так как, по его словам, австрийщина незаконная» [16, с. 479].

Для того чтобы удостовериться в пагубности раскола, Пахом предложил племянникам обратиться к местному торговцу Григорию Степановичу Булгакову, который, будучи раскольником, заинтересовался появлением на его родине единоверия. Размышления над вопросом законности белокриницкой иерархии стали причиной покупки книг известного миссионера – единове́рческого архимандрита Павла (Леднева) (известного также как Павел Прусский).

Дометий и Алексей вняли советам своего родственника, отказавшись от соискания священных степеней [16, с. 479].

Убедившись в незаконности и пагубности раскола и будучи свободными от воинской службы (Дометий Сидорович с 1 января 1881 года был

в отставке [2, л. 47, 55-56], Алексей Венедиктович 1 января 1884 года был зачислен в «запасной разряд» [2, л. 57]), Ивлевы отдали все силы миссионерской деятельности.

Полагаем, что именно сомнения в отношении подлинности старообрядческой иерархии, возникшие в старообрядческой среде, стали причиной беспокойства со стороны епископа Силуана (Мороза).

В начале февраля 1884 года «старообрядческий лжеепископ Силуан посетил... станицу Ханскую Кубанской области, где пробыл несколько дней и совершал торжественные богослужения в старообрядческой молельне» [8, с. 511–512].

Это событие способствовало повышению миссионерской активности со стороны православного духовенства. Станичный священник отец Евгений Соколов, увидевшись с епископом Силуаном, «вступил с ним в беседу, в которой доказывал незаконность австрийского священства, а затем неоднократно беседовал с раскольниками и располагал их к присоединению к православной церкви на правах единоверия... Более решительные из числа... старообрядцев подали ему, отцу Соколову, письменное заявление от 15 июня, в котором, выражая свою готовность присоединиться к православной церкви на правах единоверия, просили ходатайства пред Архипастырем Кавказским о том, чтобы для совершения их присоединения был прислан в Ханскую станицу единоверческий священник с походною церковью...» [8, с. 511–512].

Преосвященному епископу Кавказскому и Екатеринодарскому Герману стало известно о миссионерском рвении Ивлевых, а личная беседа с Дометием и Алексеем убедила Владыку в склонности Ивлевых к православию. Архипастырь, благословив их деятельность, дал обещание открыть в станице Ханской единоверческий приход [8, с. 511–512].

Присоединение к православию на правах единоверия Дометия Сидоровича, Алексея Венедиктовича и Алексея Пахомовича Ивлевых и их домашних совершил единоверческий священник станицы Червленной Афанасий Карпов 3 июля 1884 года [2, л. 47 об. -48]¹.

¹ По данным Послужного списка священника Алексия Ивлева за 1916 год датой присоединения к Православной церкви на правах единоверия стало 21 декабря 1884 года (ГАСК. Ф. 135. Оп. 74. Д. 1037. Л. 86 об-79), по данным Кавказских епархиальных ведомостей чин присоединения был совершен 22 и 24 июня (Кавказские епархиальные ведомости. 1884. № 14. С. 513), по сведениям Ставропольских епархиальных ведомостей за 1903 год – 29 июля (Ставропольские епархиальные ведомости. 1903. № 9. С. 480).

В качестве причины, побудившей перейти в православие на правах единоверия, Алексей указал «чтение книг против раскола» [2, л. 48], что свидетельствует о том, что совет Пахома Ивлева и книги архимандрита Павла (Леднева) оказали благотворное влияние на его выбор.

После присоединения Ивлевы приступили к новой деятельности. И Дометию Сидоровичу, и Алексею Венедиктовичу «пришлось немало поработать как над утверждением в православии уже обратившихся из раскола, так и над обращением ещё некоторых раскольников» [13, с. 480].

В документах Государственного архива Ставропольского края сохранился Приговор жителей станицы Ханской. 1 июля 1884 года единоверцы в присутствии миссионера единоверческого священника Афанасия Карпова постановили: «просить Его Преосвященство, Преосвященнейшего Германа, епископа Кавказского и Екатеринодарского, дабы... восстановил... церковный причт в скорейшее время» [2, л. 44-44 об.]. Ввиду отсутствия возможности содержать иногородних священнослужителей, единоверцы просили рукоположить во пресвитера «отставного урядника Доментия Сидорова Ивлева, а в диаконы на причетническую вакансию запасного 3-й очереди урядника Алексея Венедиктова Ивлева, как людей честных, трезвых и вполне грамотных» [2, л. 44-44 об.].

Ходатайствовать «о возведении достойных в церковный причт» [2, л. 44-44 об.] станичники уполномочили священника Афанасия Карпова, «как лично убедившегося в достоинстве и способности каждого» [2, л. 44-44 об.]. Просители надеялись, «что возведенный причт вполне оправдает себя, что и остальные из бывшей... братии познают свое заблуждение, присоединятся к православию и уличать держащегося ложного учения лжесвященника Ивана Зуева, – приносящего позор и унижение Православной Кафолической Апостольской Церкви...» [2, л. 44-44 об.].

25 ноября 1884 года в Ханской был освящен в честь Преображения Господня престол единоверческого храма [3, л. 523]. По свидетельству В. Жогина «в декабре Ивлевы были вызваны в Ставрополь: Дометий был рукоположен во священника, а Алексей – во диакона «на псаломщическую вакансию к единоверческой церкви станицы Ханской» [16, с. 480]. Послужной список позволяет уточнить дату диаконской хиротонии отца Алексия – 26 декабря 1884 года [3, л. 524 об.].

Первые годы служения были крайне сложными для отца Дометiana и отца Алексия. В течение шести лет, после присоединения к православию, в Ханской храма как такового не существовало. Единоверцы служили и молились в половине дома вдовы Пахомия Ивлева – Евдокии Кононовны, покрытого соломой и не отличавшегося крепостью [3, л. 523]. По выражению священника Николая Веселова, посетившего станицу Ханскую в 1898 году, единоверческая церковь представляла собой «убогое и хилое здание» [14, с. 353]. Утварью молитвенный дом был беден. Причт, проживавший в своих домах, жалования от Консистории получал: священник – 100 рублей, а диакон – 50 рублей в год [14, с. 353].

Вскоре после появления в Ханской единоверческого прихода причт принялся решать вопрос о строительстве нового храма, испросив у епископа Германа «книгу для доброходных подаваний, книга была выдана на имя диакона Алексия Ивлева, который усердно принялся за порученное ему дело – поехал в Москву, Петербург и прочие города обширной и щедрой на добрые дела матушки России, собрал несколько св. икон, облачений и церковной утвари, а также немало и денег» [15, с. 379].

Первые годы служения Ивлевых не обошлись, как пишет В. Жогин, «без телесных озлоблений, которых достаточно-таки вкусили смелые проповедники (особенно Алексей)» [16, с. 480].

После рукоположения Ивлевы «начали вести беседы с раскольниками окрестных станиц, причем о. Алексей Ивлев вскоре был назначен братским миссионером Ставропольского Андреевского Братства и весь отдался этому святому делу» [13, с. 363].

В конце декабря 1887 года и в начале января 1888 года братья посетили станицы Белореченская и Гиагинская. В Гиагинской «диакон Ивлев беседовал с одним беспоповским начетчиком (безруким) о единоверии: «с каких времен оно появилось», а потом об отсечении и извержении беспоповцами мирянами из Церкви епископов и пресвитеров. Безрукий начетчик оправдывал свое сообщество ссылкой на слова Господа: «аще соблажняет тя рука твоя, отсецы ю»... и проч. (Мр. IX, 43–50). На это о. диакон сказал: «вы, беспоповцы, члены тела Христова, Церкви, поотсекали: главу – епископа, руки – пресвитеров и ноги диаконов. Теперь посмотрите, как вами обезображено

церковное тело; оно без главы и главных членов представляется мертвым трупом... В этой же станице о. миссионер встретил старика Григория Ив. Ляхова, который давно был склонен присоединиться к православной церкви на правах единоверия, но из-за жены все откладывал. Теперь о. диакон убедил его далее не откладывать этого святого дела, и 1-го января 1888 года единоверческий священник Дом. Ивлев совершил присоединение Ляхова к православной церкви в доме Сергея Купина, во время чтения часов; в тоже время присоединены были сын Сергея Купина Петр, 5-ти лет, и сын Семена Купина Григорий, 2-х лет» [10, с. 537–538].

Вторую миссионерскую поездку с 19 января по 10 февраля 1888 года диакон Алексей Ивлев совершил один. В процессе путешествия миссионер посетил станицы Келермесская, Кужорская, Махошевская, Костромская, Губская, Переправная, Владимирская, Вознесенская и Лабинская.

В Келермесской, где было 18-ть дворов раскольников беспоповского толка, отец диакон беседовал с урядником Кузнецовым, снабдив последнего несколькими брошюрами и листами противораскольнического содержания.

Так же миссионер беседовал с «беспоповским» наставником.

В станице Кужорская было три двора раскольников австрийского согласия и торговец Яков Бесчастный, с которым отец Алексей, как свидетельствует отчет, побеседовал безрезультатно.

В Махошевской раскольников было 107 душ. С беспоповцами диакон беседовал в доме уставщика Мартина Уварова. Раздаваемые брошюры и листы старообрядцы не только принимали, но и с удовольствием читали. С раскольниками австрийского согласия миссионер беседовал в домах купца Бушева и Ефима Курунина. В результате беседы сам Курунин и еще один казак изъявили желание принять православие.

Нередко в вопросе веры у старообрядцев доминирующее положение занимали женщины. В отчете имеются сведения о поведении жены Курунина, которая была идеологическим «балластом» для мужа. Она «стала кричать и плакать, что невозможно было продолжать беседу» [10, с. 537–538].

В станице Костромская отец Алексей беседовал с двумя старообрядцами, приемлющими австрийское священство.

В станице Губская диакон Алексей Ивлев беседовал в беспоповской «молельне и три раза в доме начетчика Чернова» [10, с. 537–538].

Интересный диалог состоялся у миссионера со старообрядческим священником станицы Переправная Василием Спицыным, который сознался в незаконности существующей белокриницкой иерархии. По словам Василия, «сам владыка Силуан¹ и каждый ставленник его знает об этой незаконности, но расстаться с саном и интересом каждому не хочется; а, чтобы принять законное священство и к этому привлечь своих прихожан, очень трудно; а сказать истинную правду, то и самим места не будет» [10, с. 540]. О самом епископе Силуане священник высказался очень негативно: «наш владыка Силуан – настоящий разбойник, до безумия шумит на священников, как ровно бешенный» [10, с. 540].

В станице Владимирской отец Алексей беседовал с уставщиком Иваном Асеевым. Прихожане Асеева в беседе участвовать не захотели.

В Вознесенской к тому времени на средства, собранные по распоряжению епископа Ставропольского и Екатеринодарского Владимира усердием бывшего раскольника, лжепопа казака Иустина Ласкина уже заканчивалось строительство храма [18, с. 260]. Станичные единоверцы были очень огорчены отсутствием у них священника. Помимо общения с собратьями, диакон «имел разговор о вере в доме раскольника Кривункова: но начетчики их от публичной беседы уклонились» [10, с. 541].

В станице Лабинской попытки побеседовать с беспоповцами потерпели неудачу. Отец Алексей «отрясши прах ног своих, отправился из ст. Лабинской в обратный путь» [10, с. 541].

В каждой из станиц отец Алексей беседовал, находил очень важные аргументы для продолжения дискуссии с сомневающимися раскольниками, раздавал литературу, убеждал присоединиться к православной вере.

В 1889 году Ставропольские епархиальные ведомости писали о миссионерской поездке диакона Алексея Ивлева в станицу Белореченская, где 24 июля священнослужитель целый день беседовал с беспоповцами на квартире. 25 июля отец диакон в присутствии отца Евгения Соколова

¹ Силуан (Мороз) (30 ноября 1879 – 27 июля 1902), епископ Кавказский.

беседовал с православными станичниками, которых собралось около тысячи во дворе училища [11, с. 390–394].

22 июля 1890 года отец Алексей был определен на священническую вакансию к Покровской церкви станицы Вознесенская [12, с. 297]. 19 августа диакон Алексей Ивлев был рукоположен Преосвященным Евгением (Шершило), епископом Кавказским и Екатеринодарским во пресвитера [6, л. 78 об. -79].

Плодом его миссионерской работы в Вознесенской стало обращение группы станичных старообрядцев во главе со своим священником. Освящение старообрядческой «моленной» было совершено 8 июня 1894 года прибывшим в станицу Вознесенскую епархиальным миссионером архимандритом Исидором [5, л. 16].

10 июня 1894 года в рапорте на имя Преосвященного епископа Агафодора отец Алексей писал: «труд мой благословил Господь Бог увенчать успехом, именно: обращением в лоно святой Православной Церкви одного... лжесвященника Австрийского поставления Илариона Прудникова» [5, л. 18].

Став священником, отец Алексей продолжал посещать окрестные станицы, бывшие центрами кубанского старообрядчества. Священник Единоверческой Николаевской церкви ст. Прочноокопской Терентий Уколов в рапорте № 85 от 8 июля 1900 года писал на имя Благочинного Церквей VIII округа священника А. Кравцова о миссионерской работе священника Алексея Ивлева: «Беседы священником А. Ивлевым были ведены обычным порядком: начинались и кончались молитвою. Первая и вторая беседы были о вселенской апостольской церкви Христовой, трехчинной иерархии и святыни Христовых Таин. Пособиями при собеседованиях употреблялись старопечатные книги: Кормчая, Книга Кириллова о вере, катехизис и другая, из которых были прочитаны тексты в доказательство вечности церкви вселенской, непрерывности по преемству апостольскому трехчастной иерархии и святыни Христовых Таин» [4, с. 155 об. -160].

О масштабах миссионерской деятельности священника Алексея Ивлева мы можем судить по сохранившимся архивным документам. Так архиепископ Агафодор (Преображенский) в 1908 году сообщал Святейшему Синоду, что отец Алексей «Ивлев присоединил из раскола к св. церкви более 200 душ» [9, л. 1 об.].

Революция и Гражданская война нарушили мирную жизнь кубанских станиц. Для священника Алексия Ивлева военные события стали восхождением на личную «гогофу». В феврале 1918 года в Вознесенской начались революционные репрессии. Угрозы «устроить казакам Варфоломеевскую ночь, вырезать их до люльки, то есть до колыбельного возраста» [17, с. 159-176] стали обычным явлением станичной жизни. Массовые казни начались в сентябре.

Священника Алексия Ивлева убили 12/25 сентября 1918 года [1, л. 164 об.] «в поле у дороги... убил его из пулемета большевик Сахно, а товарищ палач-красноармеец по прозвищу Дурнопьян разбил прикладом упавшему пастырю висок» [17, с. 159–176].

Погребен отец Алексей Ивлев был на приходском кладбище [1, л. 164 об.], запись о погребении была внесена в Метрическую книгу 6 октября 1918 года. В настоящее время захоронение священника Алексия Ивлева находится на паперти выстроенного им Троице-Покровского храма станицы Вознесенская. Перенесение останков страдальца следует отнести к периоду захвата данной территории отрядами Белой армии.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов:

- во-первых, изучение архивных документов и материалов периодической печати позволяет раскрыть образ жизни и деятельности кубанских священников в период 1850-1918 гг.;

- во-вторых, просопографический метод исследования вышеназванных исторических источников способствует изучению истории региональной миссии;

- в-третьих, деятельность единоверческих священников тесно связана с бытом казачьих станиц на Кубани, дальнейшее изучение биографических данных вышеназванных пастырей способно отразить важные этапы культурной жизни кубанской провинции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел администрации Муниципального Образования Лабинский район. Ф. 441. Оп. 1. Д. 71
2. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). Ф. 135. Оп. 42. Д. 56.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 44. Д. 761.

4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 51. Д. 421.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 51. Д. 451.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 74. Д. 1037.
7. Кавказские епархиальные ведомости. 1883. № 16.
8. Кавказские епархиальные ведомости. 1884. № 14.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 189. Д. 8186.
10. Ставропольские епархиальные ведомости. 1888. № 13.
11. Ставропольские епархиальные ведомости. 1889. № 18.
12. Ставропольские епархиальные ведомости. 1890. № 15.
13. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1890. № 19.
14. Ставропольские епархиальные ведомости. 1891. № 10.
15. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1892. № 13.
16. Ставропольские епархиальные ведомости. 1903. № 9.
17. Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. М.: Терра, 2004.
18. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): Справочник / сост. В. В. Белоконь; Комитет Ставропольского края по делам архивов. – Ставрополь: Бюро новостей, 2012.

REFERENCES

1. *Arkhiivnyy otdel administratsii Munitsipal'nogo Obrazovaniia Otradnenskiy raion* [Archival Department of the Administration of the Municipal Formation Otradnaya District]. F. 441. I. 1. С. 71.
2. *Gosudarstvennyy Arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archive of Stavropol Region]. F. 135. I. 42. С. 56.
3. *Gosudarstvennyy Arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archive of Stavropol Region]. F. 135. I. 44. С. 761.
4. *Gosudarstvennyy Arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archive of Stavropol Region]. F. 135. I. 51. С. 421.
5. *Gosudarstvennyy Arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archive of Stavropol Region]. F. 135. I. 51. С. 451.
6. *Gosudarstvennyy Arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archive of Stavropol Region]. F. 135. I. 74. С. 1037.
7. *Kavkazskie eparhial'nye vedomosti* [Caucasian Diocesan Records]. 1883, no. 16.
8. *Kavkazskie eparhial'nye vedomosti* [Caucasian Diocesan Records]. 1884, no. 14.

9. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 796. I. 189. С. 8186

10. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Stavropol Diocesan Records]. 1888, no. 13.

11. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Stavropol Diocesan Records]. 1889, no. 18.

12. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Stavropol Diocesan Records]. 1890, no. 15.

13. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Stavropol Diocesan Records]. 1890, no. 19.

14. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Stavropol Diocesan Records]. 1891, no. 10.

15. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Stavropol Diocesan Records]. 1892, no. 13.

16. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti* [Stavropol Diocesan Records]. 1903, no. 9.

17. *Krasnyj terror v gody Grazhdanskoj vojny. Po materialam Osoboj sledstvennoj komissii po rassledovaniyu zlodeyanij bol'shevikov* [Red Terror during the Civil War. According to the Materials of the Special Commission of Inquiry to Investigate the Atrocities of the Bolsheviks]. М., Terra, 2004.

18. *Hramy i monastyri Stavropol'skoj eparhii (1843–1920 gg.). Komitet Stavropol'skogo kraja po delam arhivov* [Churches and Monasteries of the Stavropol Diocese (1843-1920). Committee of Stavropol Region on Affairs of Archives]. Stavropol, 2012.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малинский А.В. Памяти кубанского миссионера – священника Алексея Ивлева (к 170-летию со дня рождения) / А.В. Малинский // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 115–126.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Malinsky A.V. For memory of a Kuban missionary priest Aleksy Ivlev (to the 170th anniversary of his birth) // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 115–126. (In Russian).

УДК-9 (С16)

Панарин Андрей Анатольевич

доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
всеобщей и отечественной истории
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Панарина Елена Владимировна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей и
отечественной истории ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

РОЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И КООПЕРАЦИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ХОЗЯЙСТВА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 1943-1945 ГГ.

Аннотация:

*В статье рассматривается
производственная деятельность
местной промышленности
и кооперации Кубани в 1943-1945 гг.,
направленная на восстановление
разрушенного немецко-фашистскими
оккупантами хозяйства.
Отмечается роль малых
хозяйственных форм в период
восстановления хозяйства,
что объясняется присущими им
гибкими формами организации
производства и отсутствием
необходимости вкладывать большие
средства для возобновления работы.
Подчеркивается значение
предприятий местной
промышленности и кооперации*

Panarin Andrey Anatolyevich

Doctor of Historical sciences,
Professor, Professor of the
Department of General and National
History, Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

Panarina Elena Vladimirovna

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Professor of the
Department of General and National
History, Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

THE ROLE OF ENTERPRISES OF LOCAL INDUSTRY AND COOPERATION IN RESTORING THE ECONOMY OF KRASNODAR KRAI IN 1943-1945

Abstract:

*The article considers the production
activity of local industry
and cooperation of Kuban
in 1943-1945 directed to restoration
of the economy destroyed by fascist
invaders. The role of small economic
forms during restoration of economy
is noted that is explained by flexible
forms of organization of production
and lack of need inherent in them
to make large sums for resumption
of work. The value of enterprises
of local industry and cooperation
in production of consumer goods
in days of the Great Patriotic War is
emphasized. Examples of productive
work of enterprises and artels
in the first months after release*

в производстве товаров широкого потребления в годы Великой Отечественной войны. Приводятся примеры результативной работы предприятий и артелей в первые месяцы после освобождения территории Краснодарского края. Освещается роль местной промышленности и кооперации в обеспечении сельского хозяйства и социальной сферы Кубани необходимыми изделиями и оборудованием. Анализируется динамика производственной деятельности в 1943-1945 гг., отмечаются положительные результаты работы и недостатки, связанные с узким ассортиментом, недостаточным объемом и низким качеством товаров широкого потребления. Дается оценка вкладу предприятий местной промышленности и кооперации в восстановление хозяйства Краснодарского края в исследуемый период.

Ключевые слова:

местная промышленность, кооперация, восстановление хозяйства, производственная деятельность, Краснодарский край.

of the territory of Krasnodar Krai are given. The role of the local industry and cooperation in providing agriculture and the social sphere of Kuban with necessary products and the equipment is highlighted. Dynamics of their production activity in 1943-1945 is analyzed; positive results of work and shortcomings connected with the narrow range, insufficient volume and poor quality of consumer goods are noted. An assessment is given to a contribution of enterprises of local industry and cooperation to restoration of economy of Krasnodar Krai in the studied period.

Keywords:

local industry, cooperation, restoration of economy, production activity, Krasnodar Krai.

Значение этих видов хозяйственной деятельности особенно возросло в 1943 г., когда начался процесс освобождения захваченных врагом территорий. К их числу относился Краснодарский край, оккупация большей части которого продолжалась около полугода. Последствия оккупации были чрезвычайно тяжелыми: общий материальный ущерб составил 15 млрд руб., в том числе было уничтожено 161 предприятие [14, с. 124].

В процессе восстановления экономики Кубани выявилось, что сравнительно небольшие предприятия местной промышленности и кооперативные

артели быстрее преодолевали существующие трудности и приступали к работе. Это объяснялось присущими им гибкими формами организации производства и отсутствием необходимости вкладывать большие средства для восстановления материальной базы.

Продукция местной промышленности и кооперации имела жизненно важное значение для населения в условиях обострившихся после оккупации проблем обеспечения одеждой, обувью и другими предметами бытового назначения. В то же время, ресурсы централизованного снабжения были ограничены, ввиду преимущественного внимания выпуску военной продукции и падению мощностей многих предприятий легкой промышленности.

Несмотря на определенный рост с 1943 г. производства товаров массового спроса, прежде всего за счет заработавших в эвакуации предприятий, их объемы существенно уступали довоенному уровню. В стране по-прежнему производилось явно недостаточно всех видов тканей, трикотажных и чулочно-носочных изделий, резиновой и кожаной обуви, и других товаров [5, с. 342].

В связи с этим в условиях начавшегося освобождения Краснодарского края крайком ВКП (б) в конце января 1943 г. утвердил план выпуска продукции на февраль предприятиями местной промышленности, артелями промкооперации и кооперацией инвалидов. При этом предприятия легкой промышленности должны были выпустить продукцию на сумму 20,4 тыс. руб., местной промышленности на 8 тыс. руб., в то время как промысловой кооперации – 364,6 тыс. руб., кооперации инвалидов – 110 тыс. руб. [13, л. 31].

Отдельные предприятия и артели сумели возобновить свою работу уже в первые дни после окончания оккупации. Так, в Лабинском районе сразу после освобождения глазуренный завод стал обеспечивать население мылом, колесной мазью, гончарными изделиями, лубяной завод веревками и веревочной сбруей, тарный завод деревянными бочками, ведрами, корытами, артель «Прогресс» – валенками и носками, артель «Гигант» – кузнечными изделиями, артели «Кожкоопремонт» и «Надежда» восстановили выделку кожсырья и др. [12, с. 69–70].

В решении проблемы ограниченности сырья и материалов большое значение придавалось использованию местных природных ресурсов и отходов

производства. Например, в Ивановском райпромсоюзе на основе использования местного сырья была организована выработка лозовых и чаканных корзин в количестве до 10 тыс. штук в год. В артели «Победа» Ейского района началась выработка глиняных тарелок. В армавирской артели «Химпром» и краснодарской артели «Краспромкомбинат» было расширено производство красок. В Славянском районе было организовано производство бумаги из рисовой соломы [9, л. 2].

По мере восстановления предприятия и артели работали с нарастающими темпами. Так, в г. Краснодаре предприятия государственной, кооперативной и местной промышленности выпустили в марте 1943 г. готовой продукции на 1 620 тыс. руб., а в апреле уже на 2 750 тыс. руб. [1].

Наряду с промысловой и потребительской кооперацией в восстановлении экономики Кубани принимали участие артели кооперации инвалидов. К лету 1943 г. 65 артелей возобновили работу, развернув сеть по бытовому обслуживанию населения. Ассортимент этой продукции был самый разнообразный: кожи мягкие и жесткие, обувь, полушубки, носки, варежки, корзины, ложки деревянные, гвозди, мыло и т. д. Происходило также восстановление предприятий по выработке гончарной посуды, лозовой мебели и др. [2].

С целью повышения производительности труда среди артелей было организовано социалистическое соревнование с ежемесячным подведением итогов. Так, по итогам за май 1943 г. первое место завоевала артель «Жизнь слепых», выполнившая месячный производственный план на 217 % и добившаяся высоких качественных показателей. Артели было присуждено переходящее Красное знамя и денежная премия в 15 тыс. руб. Премия в 10 тыс. руб. была присуждена ладожской артели «Красный инвалид», премия в 5 тыс. руб. – артели «Универсал» Пашковского района [3].

В условиях значительных разрушений большое значение придавалось производству строительных деталей. Предприятия местной промышленности и промысловой кооперации должны были уже в сентябре 1943 г. выпустить 500 оконных переплетов с коробками и 100 дверей для вновь строящихся и восстанавливаемых домов. Однако эта работа продвигалась медленно, ввиду отсутствия лесоматериалов и оборудования [4].

Что касается выпуска товаров широкого потребления, то в 1943 г. план был перевыполнен, однако объемы производства заметно отставали от довоенных лет. Так, по изготовлению обуви план был выполнен на 206 %, но к 1940 г. объем составил 16,3 %, по валенкам на 133,5 % (32,5 %), чулочно-носочным изделиям на 108 % (9,1 %) [12, с. 745].

Особое внимание уделялось производству изделий, предназначенных для сельского хозяйства, что имело большое значение для Кубани, как одном из важнейших аграрных регионов страны. Краевые и районные органы регулярно рассматривали на своих заседаниях вопросы обеспечения колхозов товарами производственного и потребительского спроса, ставя соответствующие задачи перед руководством местной промышленности и кооперации. Так, крайлеспромсоюз получил задачу до конца 1943 г. выпустить большое количество обозных деталей: середки в комплекте – 2 500 штук, дышла – 4 000, разводки – 4 000, барки в комплекте – 2 100, ступки – 12 000, колеса – 1 250, хода – 120, ярма в комплекте – 3 000 штук [6, л. 20].

В 1944 г., установленные для местной промышленности и кооперации плановые задания существенно возросли. В том числе они должны были взять на себя основную заботу об обеспечении сельского хозяйства края необходимыми инвентарем и оборудованием. Большое значение придавалось также снабжению колхозов и колхозников товарами производственного и бытового назначения в период сельхозработ. Решение этой задачи происходило неудовлетворительно. В частности, крайком ВКП(б) дал отрицательную оценку работе потребкооперации, которая в 1944 г. не выполнила план завоза промышленных товаров как для производственных целей, так и для удовлетворения нужд колхозников. В том числе не были выполнены установленные задания по производству колесной мази, веревки и других товаров [9, л. 36].

По мере приближения победы все большее внимание в производственной деятельности местной промышленности и кооперации стало уделять производству товаров культурного назначения. В июне 1944 г. крайком ВКП(б) и крайисполком поставили перед ними задачу обеспечения домов культуры, изб-читален и кружков художественной самодеятельности культуринвентарем и оборудованием. В частности, артели промкооперации

должны были изготовить 2 тыс. комплектов шахмат и 2 тыс. комплектов шашек, а также организовать мастерские по ремонту музыкальных инструментов [8, л. 116].

Кроме того, местная промышленность и кооперация приняли активное участие в обеспечении учебного процесса в школах Краснодарского края. В четвертом квартале 1943 г. в артелях крайлеспромсоюза осуществлялось производство пяти тысяч школьных парт [6, л. 140]. Непосредственно перед началом учебного года активизировалось внимание руководства промысловых союзов к выпуску товаров школьного назначения. Особое внимание уделялось обеспечению школьников одеждой и обувью. Так, в артелях крайкожпромсоюза в августе и сентябре 1943 г. был организован пошив 6 500 пар школьных ботинок. Кроме того, на это время все мастерские переключались исключительно на ремонт школьной обуви [11, л. 37].

В последующем, производство товаров школьного назначения постоянно увеличивалось. Так, в условиях острого дефицита бумаги и тетрадей, в преддверие 1944-1945 учебного года артели крайразнопромсоюза организовали производство грифельных досок в количестве 50 тыс. штук и грифелей в количестве 75 тыс. штук. Изготовление грифельных досок производилось из картона, макулатуры, сбор которых был организован в школах и учреждениях. Основным производителем грифелей на базе местных серых глин стала армавирская артель «Химпром» [7, л. 105].

Вместе с тем объемы производимой продукции не соответствовали потребностям школ и учащихся. Особенно острым оставался вопрос об обеспечении школьников одеждой и обувью. Так, по итогам 1944 г. местная промышленность Краснодарского края выполнила план на 98 %, а промысловая кооперация только на 63 %. В связи с этим крайисполком вновь потребовал от руководителей добиться существенного увеличения выпуска детских товаров [9, л. 7]. В результате к моменту завершения войны состояние производства товаров для детей и подростков несколько улучшилось.

Наращиванию объемов производства товаров широкого потребления во многих предприятиях местной промышленности и артелях мешало отсутствие инициативы по использованию на местах возможностей по изысканию сырья, материалов и оборудования. Сохранившееся оборудование

также использовалось не везде в полной мере. Кроме того, на ряде предприятий и артелей не было должной дисциплины и ответственности при выполнении производственных заданий.

По вышеуказанным причинам темпы роста продукции местной промышленности и кооперации в 1944 г. демонстрировали низкую динамику. Так, производственная программа по выпуску промышленной продукции, установленная для промкооперации Краснодарского края в сумме 130 млн руб. была выполнена на 108,7 млн руб. или 83,6 % к плану [10, л. 8-9].

Существенным недостатком в работе местной промышленности и кооперации Кубани в послеоккупационный период являлось низкое качество выпускаемой продукции. Многочисленные жалобы покупателей, критические статьи в краевой и районных газетах свидетельствовали о серьезных претензиях потребителей. В одной из таких статей отмечалось, что «слабый контроль за выпускаемыми товарами, отсутствие маркировки, безответственность отдельных руководителей привели к тому, что торговая сеть оказалась засорена негодной продукцией. Артель «Химпласт» выпустила домино, косточки которого так склеились, что не отдерешь. А чернильными приборами можно пользоваться только на северном полюсе, так как в хороший день они... плавятся. Кружки и ложки крайместпрома ржавые, с заусеницами, явно небезопасные при употреблении [15].

Для решения этой проблемы руководство местной промышленности и промкооперации края в сентябре 1944 г. обязало руководителей предприятий и артелей пересмотреть ассортимент изделий и приостановить недоброкачественный выпуск продукции вплоть до улучшения ее качества. На все вырабатываемые изделия разрабатывались технические условия, все они распределялись на соответствующие сорта и реализовывались с маркировочными знаками. Для обеспечения контроля за качеством товаров создавался аппарат браковщиков [11, л. 47].

Принятые в конце войны меры способствовали определенному повышению качества производимой продукции, хотя, в целом, эта проблема оказалась нерешенной и в последующие годы. Некоторый рост производства товаров широкого потребления также не означал коренного улучшения ситуации. По-прежнему большинство предприятий местной промышленности

и кооперации не могли обеспечить выполнение плановых показателей и, тем самым, ограничивали возможности удовлетворения потребительского спроса населения.

Таким образом, в 1943-1945 гг. местная промышленность и кооперация выполняли большой объем работы по восстановлению хозяйства Кубани. Благодаря их усилиям были ослаблены проблемы жизнеобеспечения населения, созданы условия для работы учреждений социальной сферы. Несмотря на указанные недостатки, производственная деятельность местной промышленности и кооперации являлась важным фактором социально-экономического развития Краснодарского края в период Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большевик. 1943. 26 мая.
2. Большевик. 1943. 16 июня.
3. Большевик. 1943. 4 июля.
4. Большевик. 1943. 26 сентября.
5. Великая Отечественная война 1941-1945 годов: в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАКК. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 3.
8. ГАКК. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 21.
9. ГАКК. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 23.
10. ГАКК. Ф. Р-1435. Оп. 1. Д. 240.
11. ГАКК. Ф. Р-1437. Оп. 1. Д. 1.
12. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Кн. 2. Ч. 1. Хроника событий. 1943 год. Краснодар: Советская Кубань, 2003. 896 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 43. Д. 972.
14. Селюнин В.А. Юг России в войне. 1941-1945 гг. Ростов н/Д.: Ростовский государственный университет, 1995. 197 с.
15. Советская Кубань. 1944. 3 сентября.

REFERENCES

1. Bolshevik. 1943. 26 May. (In Russian).
2. Bolshevik. 1943. 16 June. (In Russian).
3. Bolshevik. 1943. 4 July. (In Russian).
4. Bolshevik. 1943. 26 September. (In Russian).
5. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941-1945 godov: v 12 t. T. 10. Gosudarstvo. obshchestvo i voyna [The Great Patriotic War of 1941-1945: 12 volumes, State, Society and War]. M., Kuchkovo Pole, 2014. Vol. 10, 864 p.
6. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of Краснодар Krai]. F. R-1435. I. 1. C. 2.
7. GAKK [SAKK]. F. R-1435. I. 1. C. 3.
8. GAKK [SAKK]. F. R-1435. I. 1. C. 21.
9. GAKK [SAKK]. F. R-1435. I. 1. C. 23.
10. GAKK [SAKK]. F. R-1435. I. 1. C. 240.
11. GAKK [SAKK]. F. R-1437. I. 1. C. 1.
12. *Kuban v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941-1945. Rassekrechennyye dokumenty. Khronika sobytij* [Kuban during the Great Patriotic War. 1941-1945. Declassified Documents. Chronicle of Events]: Book 2. Part 1. Краснодар, Sovetskaya Kuban, 2003, 896 p.
13. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Social Political History]. F. 17. I. 43. C. 972.
14. Selyunin V. A. *Yug Rossii v voyne* [The South of Russia in War]. 1941-1945. Rostov on Don, Russian State University, 1995. 197 p.
15. *Sovetskaya Kuban* [Soviet Kuban]. 1944. 3 September. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Панарин А.А. Роль предприятий местной промышленности и кооперации в восстановлении хозяйства Краснодарского края в 1943-1945 гг. / А.А. Панарин, Е.В. Панарина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 127-135.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Panarin A.A., Panarina E.V. The role of enterprises of local industry and cooperation in restoring the economy of Краснодар Krai in 1943-1945 // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 127-135. (In Russian).

УДК-9.94(47)

Приймак Юрий Владимирович

доктор исторических наук,
профессор, декан исторического
факультета ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Курьян Анжела Мисаковна

специалист по учебно-методической
работе 1 категории ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»,
преподаватель (г. Армавир)

Фольк Екатерина Сергеевна

магистрант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

37-Й ОТДЕЛЬНЫЙ МОТОРИЗИРОВАННЫЙ ПОНТОННО-МОСТОВОЙ БАТАЛЬОН В БОЯХ ЗА ПЛАЦДАРМ И ПЕРЕПРАВУ ЧЕРЕЗ КУБАНЬ У СЕЛА НОВОМИХАЙЛОВСКОГО В АВГУСТЕ 1942 Г.

Аннотация:

*37-й отдельный моторизованный
пontonно-мостовой батальон
(ОМПМБ) осуществлял инженерную
разведку поймы Кубани на участке
от станицы Темижбегской до села
Новомихайловского. В ходе боев
батальон обеспечивал переправу
советских войск через Днестр, Буг
и Днепр. На Днепре, в районе
Цюрупинска и Голый пристани,
1-я рота 37-го ОМПМБ
демонтировала и затопила суда
Днепровского речного флота. Затем*

Priymak Yury Vladimirovich

Doctor of Historical Sciences,
Professor, Dean of the History
Faculty, Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

Kuryan Angela Misakovna

specialist in educational
and methodological work
of the 1st category, Lecturer,
Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

Folk Ekaterina Sergeevna

Master's student, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)

THE 37TH SEPARATE MOTORIZED PONTOON-BRIDGE BATTALION IN FIGHTS FOR A BRIDGEHEAD AND A CROSSING OVER THE KUBAN AT THE VILLAGE OF NOVOMIKHAYLOVSKOE IN AUGUST 1942

Abstract:

*The 37th separate motorized pontoon-
bridge battalion (SMPBB) carried out
engineering reconnaissance of the
floodplain of the Kuban in the area
from the village of Temizhbegskaya
to the village of Novomikhailovskoe.
During the battles, the battalion
provided the crossing of the Soviet
troops across the Dniester, the Bug
and the Dnieper. On the Dnieper, in the
area of Tsyurupinsk and Golaya quay,
the 1st company of the 37th SMPBB
dismantled and flooded the vessels*

были тяжелые бои на южном фланге советско-германского фронта, где батальон возводил переправы на реках Северный Донец и Дон (у ст. Раздорская), после чего 37-й ОМПМБ отошел к большой излучине Кубани. В статье рассматривается процесс подготовки к боям и сами бои 37-го ОМПМБ за переправу через р. Кубань с. Новомихайловского, Гулькевичского района.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Северо-Кавказский фронт, 37-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон (ОМПМБ), большая излучина р. Кубани, с. Новомихайловское, понтонный парк Н-2-П, СС «Викинг».

of the Dnieper river fleet. Then there were heavy battles on the southern face of the Soviet-German front, where the battalion erected crossings on the Northern Donets and the Don rivers (at Razdorskaya station), after which the 37th SMPBB retreated to a large bend of the Kuban. The article discusses the process of preparing for battles and the battles of the 37th SMPBB for crossing over the Kuban at Novomikhaylovskoe, Gulkevichi District.

Keywords:

Great Patriotic War, North Caucasus Front, 37th Separate Motorized Pontoon-Bridge Battalion (SMPBB), large bend of the Kuban, village Novomikhaylovskoe, pontoon park H-2-P, SS "Viking".

В августе 1942 г., когда к большой излучине Кубани рвались механизированные соединения 1-й танковой армии группы армий «А» генерал-полковника Э. фон Клейста, командование Северо-Кавказского фронта предпринимало энергичные меры по восстановлению линии обороны на своем правом фланге. С этой целью планировалось не только создать рубеж обороны по левому, южному берегу Кубани, но и закрепиться в междуречье Кубани и Большого Егорлыка, перейдя на правый (северный) берег реки по линии Новомихайловское – Григорополисская – Смыков. Новая линия фронта, как и армейские коммуникации, нуждалась в надежных переправах, которые соединив берега Кубани, обеспечили бы переброску войск в новые районы развертывания или их отвод в тыл в случае отступления.

Инженерную разведку поймы Кубани на участке от станции Темижбегской до села Новомихайловского осуществлял 37-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон (ОМПМБ). Сам батальон был сформирован в Бессарабии (г. Сороки) 25 июня 1941 г. и находился в составе 7-го понтонно-мостового полка. При этом, рядовой состав батальона, будучи

мобилизован с территории Молдавии, характеризовался командованием негативно, как «люди морально неустойчивые» [3]. Именно поэтому, после боев в междуречье Днестра и Буга, новобранцы из Бессарабии были направлены в тыловые части, а им на смену пришло пополнение из других районов СССР.

В ходе боев батальон обеспечивал переправу советских войск через Днестр, Буг и Днепр. На Днепре, в районе Цюрупинска и Голой пристани, 1-я рота 37-го ОМПМБ демонтировала и затопила суда Днепровского речного флота. Затем были тяжелые бои на южном фланге советско-германского фронта, где батальон возводил переправы на реках Северный Донец и Дон (у ст. Раздорская), после чего 37-й ОМПМБ отошел к большой излучине Кубани [3].

Командовал батальоном смелый и инициативный командир – майор В.Я. Григорьев. Виктор Яковлевич родился в 1909 в г. Санкт-Петербурге. Кадровый офицер Красной Армии. Службу в РККА начал 1931 г., тогда же В.Я. Григорьев вступил в ряды ВКП(б). В 1939-1940 гг. капитан Григорьев принимал участие в советско-финской войне. На полях сражений Отечественной войны с июня 1941 г. Командуя 37-м ОМПМБ, В.Я. Григорьев прошел трудный боевой путь от Молдавии до Кубани, где в боях за село Новомихайловское был тяжело ранен в голову [7].

*Григорьев В.Я. В августе 1942 г.
майор, командовал 37 ОМПМБ*

*Смирнов Г.Я. В августе 1942 г.
ст. лейтенант, начальник штаба
37 ОМПМБ*

Начальником Штаба 37-го ОМПМБ являлся молодой, но опытный командир – Смирнов Григорий Яковлевич. Он родился в 1913 г. в Очакове (ныне Николаевская обл. Украины). До службы в РККА окончил 3 курса механико-машиностроительного техникума в Колпино под Ленинградом. В 1936 г. Г.Я. Смирнов был призван на военную службу в Красную Армию и поступил в Ленинградское ВИКУ, которое закончил в 1938 г. В звании лейтенанта Григорий Яковлевич принял участие в советско-финской войне, где отличился при форсировании р. Тайпаленйоки на линии Маннергейма. За финскую кампанию Смирнов был награжден орденом Красной Звезды (Указ Президиума ВС СССР от 01.05.1940 г.). После победы над Финляндией, молодой командир-орденоносец служил в Одесском военном округе, командуя полковой школой 7-го понтонного полка дислоцировавшегося в г. Сороки.

*Участники обороны с. Новомихайловского в 1942 г. (фото 1943/44 гг.). Слева направо: **Смирнов Г.Я.** – в августе 1942 г. старший лейтенант, нач. штаба батальона, Григорьев В.Я. – в августе 1942 г. майор, командир батальона, Бельцов Е.И. – в августе 1942 г. ст. политрук.*

Начало Великой Отечественной войны Г.Я. Смирнов встретил в рядах 37-го ОМПМБ на Днестре. В 1941 г. вступил в члены ВКП(б). Сражался на Южном и Северокавказском фронтах. В боях на Кубани старший лейтенант Смирнов был начальником штаба батальона, но после тяжелого ранения комбата Григорьева в бою за село Новомихайловское принял командование подразделением на себя [8].

Комиссаром батальона был старший политрук Бельцов Евгений Иванович, о котором исходя из документов, можно сказать, что он был командиром исключительной отваги и храбрости. В бою или при форсировании водных преград он стремился всегда быть в первых рядах бойцов, воодушевляя красноармейцев личным примером. Об этом героическом человеке известно не много. Евгений Иванович родился в 1914 г. в деревне Пивовар Тверской губернии. На службу в РККА был призван в 1937 г. С 1939 г. член ВКП(б). Участвовал в советско-финской войне, где получил свой первый боевой опыт и медаль «За отвагу» (Указ Президиума ВС СССР от 11.04.1940 г.). На фронтах Великой Отечественной войны с 1941 г. В июле 1942 г., обеспечивая отход советских войск на южном участке фронта (у Раздорской) Е.И. Бельцов был контужен, но остался в строю и в оборонительных боях на Кубани постоянно находился на передовой [6].

На вооружении батальона находился хорошо освоенный инженерными частями РККА понтонный парк Н-2-П поступавший в войска с 1934 г. Тяжелый понтонный парк состоял из 33 носовых (вес каждого – 950 кг) и 15 средних (вес каждого – 1050 кг) полупонтонов, шести козловых опор, 27 навесных двигателей. На перевозку 1 взвода понтонного парка требовалось 27 автомашин ЗИС (длина походной колонны могла достигать 1,5 км). В боевых условиях доставка полупонтона от места выгрузки к берегу осуществлялась на руках (на что требовалось примерно 25 человек). Из имущества одного взвода Н-2-П можно было собрать 8 понтонов, из парка – 24. Через водные преграды легкие грузы и личный состав переправлялись на одинарных (нормальных) и полуторных понтонах. Всего же, для переправы грузов применялись три вида паромов: нормальный (время сборки 30 мин.), усиленный и тяжелый (норматив сборки двух последних типов паромов составлял 34 мин.) [2, с. 146–147].

*ЗИС-5А со специальной фермой для перевозки понтонов
тяжелого наплавного парка Н-2-П*

*Катер БМК-70, находившийся на вооружении
отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона*

*Подготовленный к транспортировке катер БМК-70
на базе автомобиля ЗИС из состава понтонного парка Н-2-П*

В июле 1942 г. в состав 37 отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона входили: 1-я и 2-я мостовые роты, парковая рота, 1-я, 2-я и 3-я понтонные роты, техническая рота, взвод управления, службы батальона (санчасть и др.). Автотранспорт батальона состоял из

129 автомобилей (ЗИС-5 и ГАЗ-АА, легкового, санитарного автомобилей и бензовоза). Кроме того, автотранспорт батальона дополнялся 2 тракторами СТЗ-НАТИ [10]. К августу 1942 г., при отступлении от Дона к Кубани, материальная часть батальона не пополнялась в полном объеме и была в значительной мере ослаблена в ходе боев. Автопарк батальона насчитывал всего несколько десятков единиц спецтехники и 1 катер БМК-70, а боеспособных штыков насчитывалось не более двух сотен. Артиллерии и противотанковых ружей на вооружении 37 ОМПМБ не было. Стрелковое вооружение понтонеров составляли преимущественно винтовки Мосина 7, 62, небольшое количество самозарядных винтовок и несколько ручных пулеметов ДП 27 (Дегтярев пехотный) [3].

*Прошляков Алексей Иванович, полковник (фото 1940 г.),
до 5 августа 1942 г. начальник инженерных войск Южного фронта*

1 августа 1942 г. командование 37 отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона получило приказ начальника инженерных войск фронта полковника Прошлякова А.И. о проведении, в кратчайшие сроки, разведки берегов и русла Кубани у Темижбекской и Григорополиской на предмет возможной организации паромной переправы или возведения моста. Уже на следующий день результаты рекогносцировки были направлены командованию, после чего было принято решение готовить переправу у села Новомихайловского. 2 августа батальон получил новый приказ полковника Прошлякова А.И. о передислокации подразделения в Новомихайловское, где из парка Н-2-П следовало навести понтонный мост

или организовать паромную переправу. К 12.00 в село прибыли 2 роты понтонеров, а к вечеру 2 августа сосредоточились все подразделения батальона [3].

В ночь со 2 на 3 августа 1942 г. понтонная и 3-я мостовая роты приступили к наведению моста через Кубань от села Новомихайловского к станции Григорополисской. Работу пришлось вести в тяжелых условиях. Помимо темного времени суток возведение понтонного моста затрудняло сильное течение Кубани (3-3,5 м/сек.). Тяжелые якоря не удерживали паромы, а попытки их закрепить на «мертвяках» приводили к разрывам якорных канатов. Не справлялся с течением и единственный имевшийся в распоряжении батальона катер БМК-70. При буксировке одной из конструкций переправы катер не смог избежать столкновения с паромом, перевернулся и затонул. При аварии катера батальон понес первые небоевые потери. Погиб моторист катера красноармеец Садыков. Других жертв удалось избежать, так как из реки удалось спасти двух бойцов и комвзвода по фамилии Алексеев [3].

К 5.00 утра 3 августа 1942 г., опасаясь налетов авиации противника, две роты понтонеров с трудом «укрыли в берегах» составленные из паромов фрагменты переправы. После того как навести понтонный мост или организовать паромную переправу не удалось комбат Григорьев В.Я. принял решение начать строительство моста балочной конструкции. Для решения этой задачи в Армавир, за строевым лесом и другими материалами, были командированы лейтенант Бондарь и ст. лейтенант Иванов с частью автопарка батальона. Однако планам по сооружению моста не суждено было сбыться, так как в тот же день ст. Григорополисская была занята подразделениями моторизованной дивизии СС «Викинг».

В дневнике гауптштурмфюрера Ганса Дорра, командира роты 1-го батальона полка «Германия» дивизии СС «Викинг», 3 августа 1942 г. была сделана следующая запись: «В ходе быстрого броска в 11.30 вышли к Кубани. Загадочный совет в штабе дивизии. Потом приняли решение: наступать на Григорополисскую, где вообще нет моста. Русские бегут. Мы гонимся за ними. На надувных лодках переплываем через Кубань. С ходу. Замечательный успех нашего 1-го из «Германии» [9, с. 60].

*Гауптштурмфюрер Ганс Дорр,
в августе 1942 г. командир 4-й роты
1-го батальона полка «Германия»
дивизии СС «Викинг».
Командовал обороной плацдарма
в с. Новомихайловском*

*Штурмбаннфюрер Вольфганг Йорхель,
в августе 1942 г. командир 7-й роты
2-го батальона полка «Германия».
Сражался на плацдарме
в с. Новомихайловском*

В течение дня бойцы 37 отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона пытались эвакуировать на левый берег Кубани понтоны и паромы своего парка. Эта работа велась под огнем противника и осложнялась тем, что многие плавсредства были подтоплены. Однако то немногое, что удалось извлечь из воды, было погружено на автотранспорт и отправлено в тыл.

*Автотранспорт и понтоны тяжелого наплавного парка Н-2-П РККА,
захваченные врагом*

К 19.00 ниже по течению Кубани от того места где командование РККА планировало навести переправу, гитлеровцы форсировали реку и захватили плацдарм на ее левом берегу, в связи с чем угроза прорыва линии фронта на Новомихайловском направлении стала очевидна.

*Подразделения моторизованной дивизии СС
«Викинг» форсируют водные преграды
в ходе боев на Кубани*

Три неполных роты 37 отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона, не имея тяжелого вооружения и средств ПТО, оказались на острие наступления боевых групп элитной эсесовской дивизии фактически в одиночестве. Разрозненные части Красной Армии, находившиеся на правом берегу Кубани, оставив Григорополисскую, даже не пытались переправиться на левый берег и были вынуждены отойти вверх по течению реки в направлении Прочноокопской.

Личный состав 37-го ОМПМБ не оказался бы один на один с превосходящими силами противника, если бы на участок фронта близ Новомихайловского своевременно прибыл 1337 стрелковый полк 318-й стрелковой дивизии. Согласно боевому распоряжению Штаба 12-й армии, к исходу дня 2 августа 1942 г. 318 стрелковая дивизия должна была сосредоточиться в районе Новомихайловское, Темижбекская, Кропоткин, где занять оборону по левому берегу р. Кубани и «всеми силами и средствами уничтожить противника на р. Кубань» [4]. Но дивизия приказ выполнить не смогла. «1331 и 1339 СП – отмечается в Журнале боевых действий 318-й СД –

заняли оборону вместо 24.00 2.8 в 16.00 3.8.42. 1337 СП в районе Новомихайловское прибыл к исходу дня 3.8.42 г., тем самым опоздал занять оборону» [4].

Под шквалом минометного и артиллерийского огня, который противник вел фактически прямойнаводкой, 37-й ОМПМБ был вынужден отступить от р. Кубани и закрепиться на южной окраине с. Новомихайловского. Единственным положительным итогом дня можно считать лишь то, что батальон, выполняя приказ инженерного управления (распоряжение отдал полковник Цепенюк из службы обеспечения) успел вывести из-под огня свой автопарк, отведя свободный транспорт в Петропавловскую.

4 августа 1942 г. комбат Григорьев В.Я. и старший политрук Бельцов Е.И. доложили командованию о положении дел в Новомихайловском и получили приказ ликвидировать прорвавшихся в село гитлеровцев, вернув часть понтонов оставленных на территории противника. Вместе с понтонерами задачу освободить Новомихайловское получило командование сводного курсантского полка Урюпинского военного пехотного училища выделенное для наступления усиленный батальон.

В 10.30 утра три понтонных роты выдвинулись на исходный рубеж атаки в Отрадо-Кубанское, куда в тот же день прибыло и 18 автомобилей парка Н-2-П для эвакуации понтонов батальона. К вечеру (около 16.00) три роты понтонного батальона сосредоточились в ближайшем к Новомихайловскому селе Отрадо-Ольгинском. Бойцы и командиры 37-го ОМПМБ входили в сводный отряд частей РККА имевших приказ выбить передовые части моторизованной дивизии СС «Викинг» из Новомихайловского, ликвидировав тем самым плацдарм противника на левом берегу Кубани. Командование группой войск осуществлял заместитель командира 318 стрелковой дивизии подполковник Алиев.

К 18.00 противник полностью овладел Новомихайловским, в то время как полк 318 стрелковой дивизии, во взаимодействии с которым понтонеры должны были выбить гитлеровцев из села, сосредотачивался на восточной окраине Отрадо-Ольгинской. 4 августа (в 22.30) 37 отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон, 1337 стрелковый полк 318 стрелковой дивизии, отдельный парашютно-десантный батальон разведывательного

отдела штаба Северо-Кавказского фронта и усиленный батальон сводного курсантского полка Урюпинского военного пехотного училища, под общим командованием подполковника Алиева атаковали с. Новомихайловское.

Уже упомянутый нами гауптштурмфюрер Г. Дорр 4 августа 1942 г. так описывал события этого дня с немецкой стороны: «Григорополисская. Ночью противник попытался сбросить нас на другой берег. Ожесточенный ночной бой. Но мы удержались. Я принял на себя командование подразделениями на плацдарме. С одним батальоном (1-й батальон полка «Германия») у нас ничего не получится. Получил приказ удерживать плацдарм при любых обстоятельствах. Снова создал маленький плацдарм. 7-я рота – в резерве. Жаркая ночь» [9, с. 61].

Штурмовавшие село Новомихайловское бойцы и командиры РККА вынудили эсэсовцев бросить в бой резерв – 7-ю роту 2-го батальона «Германии» под командованием штурмбаннфюрера В. Йорхеля, что позволило гитлеровцам удержать переправу и навести мост. Саперам полка «Германия», как и понтонерам 37 ОМПМБ РККА, при наведении моста пришлось бороться с сильным течением р. Кубань.

«При этом, – отмечает В. Тикке, – приходилось заново пересчитывать допуски, так как имеющиеся таблицы, рассчитанные по самой быстрой немецкой реке – Изару, не годились, настолько было быстрым течение в этом месте» [9, с. 61].

По диспозиции 37 ОМПМБ должен был действовать на правом фланге наступающих частей, выйдя на берег Кубани южнее Новомихайловского, где и занять оборону. К рассвету 5 августа батальон вышел на заданный рубеж и занял оборону на участке Новомихайловское – Богородицкое. Части РККА, участвовавшие в штурме с. Новомихайловского, успеха не имели, в связи с чем, нашим войскам не удалось прорваться к переправе противника. Рано утром (ок. 6.00) в двухстах метрах от вражеской переправы, находясь в разведке, был тяжело ранен в голову комбат 37-го ОМПМБ майор Григорьев В.Я. Раненого, чуть не потерявшего зрение и истекавшего кровью командира, под минометным огнем противника, на себе вынес из боя связной батальона, красноармеец Кравцов, который не только перевязал комбата, но и на себе вынес его (2,5 км) на КП. Григорьев был ранен,

потерял зрение на левый глаз и был эвакуирован в тыл. Командование батальоном принял начальник штаба ст. лейтенант Смирнов Г.Я.

В 11.30 батальон получил новый приказ от командовавшего операцией по штурму Новомихайловского подполковника Алиева, согласно которому понтонеры должны были оставить на занимаемом участке обороны одну роту бойцов, а двумя другими ротами, совместно с отдельным парашютно-десантным батальоном, прорваться на восточную окраину села, откуда развивая наступление захватить юго-восточную окраину Новомихайловского и выйти к Кубани.

Ситуация осложнялась тем, что к моменту начала наступления исходный рубеж атаки занимали только 2-я понтонная рота и один взвод 1-й роты. С 3-й ротой и двумя взводами 1-й роты была временно потеряна связь. Оставив на участке обороны вместо роты один взвод, батальон всем наличным составом перешел в наступление и к 15.00 занял юго-восточную окраину Новомихайловского. При этом, согласно журналу боевых действий штаба 37-го ОМПМБ, установить связь с парашютным батальоном на новом рубеже обороны не удалось, а наступавшие в одном направлении с понтонными ротами урюпинцы неожиданно начали отходить по склонам к Отрадо-Ольгинской. Сконцентрировав огонь стрелкового оружия, под прикрытием авиации и минометов противник обошел 37-й ОМПМБ с левого фланга и превосходящими силами вытеснил с занимаемого рубежа обороны. Понеся большие потери и не имея сил и средств для дальнейшей обороны, понтонные роты отошли на юго-западную окраину села (в лощину).

К 17.00 эсэсовцы вновь полностью овладели Новомихайловским и начали концентрировать силы для развития наступления и расширения плацдарма. Подполковник Алиев приказал батальону перегруппировать силы, проверить личный состав, вооружение и боеприпасы, а комбату, в должности которого на тот момент находился ст. политрук Бельцов к 12.00 прибыть для получения новой задачи. К двум часам ночи весь состав батальона, на автомашинах был переброшен на северо-восточную окраину Отрадо-Ольгинской, где заняли оборону в лощине.

События 5 августа, нашли свое отражение и в дневнике Ганса Дорра, который писал: «Плацдарм у Григорополисской: с 2.00 до 2.50 и с 4.00

до 5.00 – отражение атак противника. Первая рота держится прекрасно. Замечательные парни, например этот Маленки. Место переправы – под огнем. В 8.15 направил в атаку 3-ю роту. Атака удалась. Русских немного потеснили. Упорный противник. В 12.00 наконец-то подошла 5-я рота и 1-й АДн 5-го артиллерийского полка СС. В 15.00 снова перешли в атаку и создали большой плацдарм. Хороший наблюдательный пункт на церкви снова в наших руках» [9, с. 63].

5 августа стало переломным днем в боях за плацдарм у с. Новомихайловское. Две роты из полка «Германия» удержали свои позиции и получили долгожданное подкрепление в виде корпусного саперного батальона, артиллерийского полка дивизии СС «Викинг» (3 дивизиона легких полевых гаубиц, 1 дивизион тяжелых полевых гаубиц, 1 батарея 105-мм орудий). Кроме того, к плацдарму была переброшена корпусная артиллерия (дивизион 105-мм орудий, 2 дивизиона 105-мм гаубиц, дивизион 210-мм мортир и дивизион 150-мм и 280-мм реактивных минометов), под прикрытием которой «Викинги» смогли расширить плацдарм, навести понтонный мост, обеспечив себе подавляющее превосходство в силах и средствах.

Рано утром 6 августа противник открыл огонь по расположению огневых точек и местам сосредоточения частей РККА на северной и северо-восточной окраинах Отрадо-Ольгинской. Несмотря на это, после проведенной непродолжительной артподготовки 1, 2, 3 роты 37-го ОМПМБ, во взаимодействии с другими частями в 4.00 перешли в наступление. (Подразделения провели несколько атак, захватив выгодные высоты у одного из домов на окраине Новомихайловского) [5].

По данным В. Тике, в этот день по переправе работала советская авиация. Кроме того, отмечался интенсивный огонь советской артиллерии, который велся с большой точностью, накрывая как основные, так и запасные позиции артполка дивизии «Викинг». «Вскоре стало ясно, – отмечает В. Тике, – что корректирование огня русских батарей осуществляется с немецкой стороны. Началось систематическое прочесывание местности. А потом тайна была раскрыта! Два советских артиллерийских офицера корректировали огонь с церковной колокольни в Григорополиской. В ответ на требование немцев сдаться последовали pistolетные

выстрелы. Теперь уже было не до разговоров. Советские офицеры погибли в бою» [9, с. 64].

Имена этих героев, к сожалению, неизвестны, как, впрочем, требует уточнения и место самого подвига, ведь в других материалах и доступных нам источниках о нем нет упоминаний. Возможно, имела место путаница в расположении церковных колоколен и вместо Григорополисской, находившейся на правом берегу Кубани, корректировщики огня могли находиться в храме села Новомихайловского – ближе к линии фронта.

6-7 августа 1942 г. боевая обстановка у Новомихайловского изменилась в худшую сторону. На юге, в районе Прочноокопская – Армавир – Красная поляна, части 13-й танковой дивизии вермахта под командованием генерал-майора Т. Херра (Герра) прорвали линию фронта и, захватив Новокубанское и Курганную, устремились к Майкопу. Это грозило окружением советских войск, находившихся к северу от вражеского прорыва (Новоукраинское – Гулькевичи – Новомихайловское). Немецкий исследователь В. Тике так описывает оперативную обстановку у Новомихайловского: «Следует добавить, что высшие немецкие командные инстанции, наряду с отвлечением сил от 13-й танковой дивизии, рассматривали этот плацдарм как условие для удара в западном направлении, который снесет всю оборону по Кубани. Этим создавалась возможность охвата и разгрома советских соединений, оборонявшихся перед пехотными соединениями немецкого 5-го корпуса, еще в предгорьях, чего не получалось до сих пор.

Но советское командование заметило эту опасность и предотвратило ее ожесточенными боями на плацдарме в районе Григорополисской» [9, с. 64].

В связи с этим 37 отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон получил приказ немедленно передислоцироваться в Келермесскую для выполнения нового оперативного задания в районе Майкопа. Получив новую боевую задачу, батальон небольшими группами под прикрытием ружейно-пулеметного огня отошел в Петропавловскую.

С 4 по 6 августа 1942 г. в боях за Новомихайловское участвовало 152 человека из числа бойцов и командиров 37-го ОМПМБ. Потери батальона в личном составе оказались существенными: убитых 9, пропавших без вести 56. Из них 1 средний и 1 младший командиры. Раненых с эвакуацией

в госпиталь насчитывалось 15 человек. Из них 3-младших и 1 средний командир. Значительные потери понес батальон и в вооружении: утрачено 108 винтовок Мосина 7,62, 3 самозарядные винтовки и 1 ручной пулемет Дегтярева – ДП-27 [5]. Военное имущество и спецтехника батальона (особенно понтонный парк Н-2-П) были сохранены на четверть, в то время как большая часть понтонов, получив пробоины, затонула. Полгода спустя, после изгнания оккупантов из Новомихайловского понтонеры 37-го ОМПМБ подняли затопленные при отступлении в 1942 г. понтоны, капитально отремонтировали их в мастерских Краснодара и вновь ввели в строй, после чего они успешно применялись в боях на Кавказе и на других фронтах Великой Отечественной войны [1, с. 11].

Обелиск на братской могиле защитников села Новомихайловского

Участие 37-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона (ОМПМБ) в обороне Большой излучины Кубани по праву считается славной страницей в летописи боевых заслуг этого подразделения. Понтонеры не только профессионально выполняли свои саперно-инженерные функции, но и с оружием в руках, когда того потребовала боевая обстановка, выступили против штурмовых групп эсэсовцев из элитной моторизованной дивизии «Викинг».

Бойцы и командиры батальона, наряду с другими частями, не смогли выбить гитлеровцев из Новомихайловского, однако своими самоотверженными контратаками и упорной обороной, не позволили гитлеровцам «вскрыть плацдарм» и развить дальнейшее наступление в тыл Северо-Кавказского фронта к нефтяным полям Майкопа. В тяжелых условиях отступления, ведя кровопролитные оборонительные бои, понтонеры не только ни разу не отступили без приказа, но и сумели сохранить боеспособность своего подразделения, спецтехнику и автотранспорт для выполнения дальнейших распоряжений командования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баданин Б.В. На боевых рубежах Кавказа. Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1962. – 152 с.
2. Батов П.И. Форсирование рек. 1942–1945 гг. (Из опыта 65-й армии). – М.: Воениздат, 1986. – 160 с.
3. Память народа. Боевая характеристика 37 ОМПМБ. Описывает период с 22.06.1941 по 10.04.1943 г. (ЦАМО, Фонд: 51, Описание: 932, Дело: 49, Лист начала документа в деле: 1а). [Электронный ресурс]. URL: https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=131299406&backurl=q%5C37%20омпмб::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie.
4. Память народа. Журнал боевых действий 318 СД. Период с 29.07.1942 по 31.08.1944 г. (Архив ЦАМО, Фонд 1629, Описание 1, Дело 24) [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150305769>.
5. Память народа. Журнал боевых действий штаба 37 ОМПМБ. (ЦАМО, Фонд: 31786, Описание: 15593, Дело: 4) [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=150702034&backurl=q%5C37%20омпмб::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie.
6. Память народа. Наградной лист Бельцов Е.И. «Орден Отечественной войны I степени». (ЦАМО, Фонд 33, Описание 686044, Дело 4451) [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvigchelovek_nagrazhdenie21533182/?backurl=

%2Fheroes%2F%3Flast_name%3D%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%86%D0%BE%D0%B2%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_d oc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apotery_doneseniya_o _poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneni y%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apo tery_vpp%26page%3D1.

7. Память народа. Наградной лист Григорьев В.Я. «Орден Красная Звезда». (ЦАМО, Фонд 33, Описание 682525, Дело 231 т.2, № записи 12010619) [Электронный ре- сурс]. URL:https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie12010638/.

8. Смирнов Григорий Яковлевич. «AlmaMater Инженерных войск» Калининград- ского Высшего Военно-Инженерного Командного Ордена Ленина Краснознамённого Училища имени А.А. Жданова [Электронный ресурс] URL: [http://viupetra.3dn.ru/ publ/smirnov_g_ja/14-1-0-423](http://viupetra.3dn.ru/publ/smirnov_g_ja/14-1-0-423).

9. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942-1943. – М.: Эксмо, 2005. – 448 с.

10. Шатохин А. Вся правда о Раздорской переправе. 1942 год. 37-й ОМПМБ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2010/04/24/1462>.

REFERENCES

1. Badanin B. V. *Na boevyh rubezhah Kavkaza. Ocherki po inzhenernomu obespecheniyu bitvy za Kavkaz v Velikoy Otechestvennoy voyne* [On the Frontiers of the Caucasus. Essays on the Engineering of the Battle for the Caucasus in the Great Patriotic War]. М., Military Publishing, 1962. 152 p.

2. Batov P. I. *Forsirovanie rek* [Forcing rivers]. 1942–1945 (From the experience of the 65th Army). М., Military Publishing, 1986. 160 p.

3. *Pamyat naroda. Boevaya charakteristika 37 OMPMB* [The memory of the people. Fighting characteristics of the 37th SMPBB. 06.22.1941-04.10.1943 (CAMD, F. 51. I. 932. C. 49. Available at: URL: [4. *Pamyat naroda. Zhurnal boevyh dejstvij 318 SD* \[The memory of the people. Fighting records of the 318 SD. July 29, 1942 – August 31, 1944 \(CAMD, F. 1629. I. 1. C. 24\). Available at: URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=1503 05769>. \(In Russian\).](https://pamyatnaroda.ru/documents/view/? Id = 131299406 & backurl = q% 5C37% 20ompmmb :: use_main_string% 5Ctrue :: group% 5Call :: types% 5Copersvodki: rasporyajeniya: otcheti: peregovijeniya: otcheti: peregovi- vijeniya: otcheti: peregovi_jbd: direktivi: prikazi: posnatovleniya: dokladi: raporti: done- seniya: svedeniya: plani: plani_operaciy: karti: shemi: spravki: drugie. (In Russian).</p></div><div data-bbox=)

5. *Pamyat naroda. Zhurnal boevykh deystvij shtaba 37 OMPMB* [The memory of the people. Records of the headquarters of the 37th SMPBB] (CAMD, F. 31786. I. 15593. C. 4). Available at: URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/? Id = 150702034 & backurl = q% 5C37% 20ompmmb :: use_main_string% 5Ctrue :: group% 5Call :: types% 5Copersvodki: rasporyajeniya: otcheti: peregovori: jbd: direktivi: prikazi: posnatovleniya: dokladi: raporti: doneseniya: svedeniya: plani: plani_operaciy: karti: shemi: spravki: drugie. (In Russian).

6. *Pamyat naroda. Nagradnoy list Bel'tsov E. I. «Orden Otechestvennoj vojny I stepeni»* [Memory of the people. Award sheet of Beltsov E. I. "Order of the Patriotic War of 1 degree"]. (CAMD, F. 33. I. 686044. C. 4451). Available at: URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvigchelovek_nagrazhdenie21533182/? Backurl =% 2Fheroes% 2F% 3Flast_name% 3D% D0% 91% D0% B5% D0% BB% D1% 8C% D1% 86% D0% BE% D0% B2% 26group% 3Dall% 26types% 3Dpamyat_commander% 3Anagrady_nagrad_doc% 3Anagrady_uchet_kartoteka% 3Anagrady_ubilein_kartoteka% 3Apotery_doneseniya_o_poteryah% 3Apotery_gospitali% 3Apotery_utochenie_poter% 3Apotery_spiski_zahoroneny% 3Apotery_voennoplen% 3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov% 3Apotery_kartoteki% 3Apotery_vpp% 26page% 3D1. (In Russian).

7. *Pamyat naroda. Nagradnoy list Grigoriev V.Ya. «Orden Krasnaya Zvezda»* [The memory of the people. Award sheet of Grigoriev V.Ya. "Order of the Red Star"]. (CAMD, F. 33. I. 682525. C. 231. vol. 2, no. 12010619). Available at: URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagradenden12010638/. (In Russian).

8. *Smirnov Grigoriy Yakovlevich. «AlmaMater Inzhenernykh voysk» Kaliningradskogo Vysshego Voенно-Inzhenernogo Komandnogo Ordena Lenina Krasnoznamjonnogo Uchilishha imeni A.A. Zhdanova* [Smirnov Grigory Yakovlevich. AlmaMater of the Engineering Troops of the Kaliningrad Higher Military Engineering Command Order of Lenin of the Red Banner Academy named after A.A. Zhdanov]. Available at: URL: http://viupetra.3dn.ru/publ/smirnov_g_ja/14-1-0-423. (In Russian).

9. Tike V. *Marsh na Kavkaz. Bitva za neft'* [Marsh in the Caucasus. The battle for oil]. 1942-1943. Moscow, Eksmo Publishing, 2005. 448 p.

10. Shatokhin A. *Vsya pravda o Razdorskoy pereprave. 1942 god. 37 OMPMB* [The whole truth about the Razdorskaya crossing. 1942 The 37th SMPBB]. Available at: URL: <https://www.proza.ru/2010/04/24/1462.> (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Примак Ю.В. 37-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон в боях за плацдарм и переправу через Кубань у села Новомихайловского в августе 1942 г. / Ю.В. Приймак, А.М. Курьян, Е.С. Фольк // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 136–154.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Priymak Yu.V., Kuryan A.M., Folk E.S. The 37th separate motorized pontoon-bridge battalion in fights for a bridgehead and a crossing over the Kuban at the village of Novomikhaylovskoe in august 1942 // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 136–154. (In Russian).

УДК-69

Тлячев Анатолий Анатольевич

аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Tlyachev Anatoly Anatolyevich

post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

**ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ
АДЫГОВ В ОСМАНСКУЮ
ИМПЕРИЮ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

**THE REASONS OF
RESETTLEMENT OF THE WEST
ADYGHESES TO THE OTTOMAN
EMPIRE IN THE SECOND HALF
OF THE XIX CENTURY**

Аннотация:

В данной статье рассказывается о причинах и характере переселения западных адыгов в Османскую империю.

Abstract:

This article describes the reasons and nature of the migration of the Western Adyghes to the Ottoman Empire.

Ключевые слова:

Турция, переселение, адыги, Османская империя.

Keywords:

Turkey, resettlement, Circassians, the Ottoman Empire.

Известный военный историк, участник Кавказской войны генерал Р. Фадеев писал о том, что Россия в первый год XIX века приняла под свою власть Грузинское царство и это «определило новые отношения государства к полудиким племенам Кавказа; из заграничных и чуждых нам, они сделались внутренними, и Россия должна была подчинить их своей власти. Отсюда возникла многолетняя и кровавая борьба. Чтобы владеть Закавказьем, надо было покорить Кавказ» [1].

Ход Кавказской войны можно разделить на несколько этапов. Первый этап охватывает период с 1816 года, когда начались военные действия на Кавказе, по 1856 год, когда закончилась Восточная (Крымская) война. Вторым этапом (1856–1864) это окончательное покорение Северного Кавказа, массовое выселение горцев и, соответственно, прибытие русскоязычного населения.

Обсуждалось несколько проектов выселения адыгов в Турцию, на равнины или во внутренние районы России. Особенностью проектов было то, что все они строились на необходимости избавления от коренного населе-

ния и замены его русским или христианским населением, что было связано с неуживчивым характером горцев и их нелояльным отношением к России. Альтернативы выселению горцев не предполагалось. Из этого исходили как правительство России, так и кавказское управление. Это мнение правительства России выразил в своих «Письмах с Кавказа» генерал Р. Фадеев, которого тогда поддерживала большая часть интеллигенции России. «Между Восточным и Западным Кавказом существовала та коренная разница, что черкесы, по своему приморскому положению, никаким образом не могли быть прочно закреплены за Россией, оставаясь в своей родной стране. Надо было вести кровавую, продолжительную, чрезвычайно дорого стоившую войну для того только, чтобы подчинить закубанцев русскому управлению на время мира, в полной уверенности, что первый выстрел на Черном море опять подымет их против нас и обратит в ничто все наши усилия. Перевоспитать народ есть дело вековое, а в покорении Кавказа главным элементом было именно время... Нам нужно было обратить восточный берег Черного моря в русскую землю и для того очистить от горцев все побережье» [2].

В 1860 году командующим войсками Кубанской области был назначен граф Евдокимов, который, совершив поездку по региону, в ноябре 1860 года представил главнокомандующему Кавказской армии докладную записку с изложением своих взглядов о методах завоевания края. Евдокимов считал необходимым «заселение казачьими станицами всего пространства между реками Белой и Лабой и восточным берегом Черного моря... и предложение горцам выселиться на равнины или же удалиться в Турцию». Предложения графа Евдокимова были одобрены главнокомандующим Кавказской армией А.М. Барятинским, который привел к покорности лезгин и чеченцев на Восточном Кавказе и считал, что подобный метод на Западном Кавказе неэффективен, и «поставил целью войны на Западном Кавказе безусловное изгнание черкесов из их горных убежищ» [3].

В 1860 году, знакомя военного министра с перепиской по поводу переселения кавказских мусульман в Турцию, МИД Российской империи отмечал, что «князь Барятинский присовокупляет, что он убежден в государственной пользе безусловного и открытого распоряжения мусульманскими племенами Северного склона Кавказского хребта переселиться в Турцию, и

вместе с тем находит опасным возвращение горцев из Турции, где они проникаются религиозной нетерпимостью и враждебным расположением к России» [4].

Неразрешенность вопроса состояла в том, надо ли предоставлять выселяемым черкесам земли на Кубани и Дону или во внутренних районах России, или предоставить им право выехать в Турцию. В 1857 году император Александр II учредил Кавказский комитет, в составе которого существовал отдельный комитет по колонизации Закубанского края. Одной из задач Кавказского комитета было проведение исследования о наличии в Российской империи достаточного количества свободных земель для переселения горцев. Свои исследования Кавказский комитет представил Совету министров. Данному вопросу было посвящено специальное заседание Совета министров Российской империи от 25 июля 1861 года. Совет министров постановил, что «только Уральское и Оренбургское казачьи войска имеют достаточное количество земли для поселения горцев целыми общинами посреди русского населения» [5].

Александр II утвердил решение Совета министров, но необходимы были огромные финансовые расходы для транспортировки горцев. План по созданию своеобразного нового Кавказа в Сибири требовал больших средств. Поэтому было решено остановиться на плане Барятинского – Евдокимова, т. е. предложить племенам Западного Кавказа или переселиться на Кубань, или выселиться в Турцию.

Правительство России оказалось перед выбором: переселять племена на Кубань или предоставить им право переехать в Османскую империю. Говоря о «поощрении кавказского переселения», князь Барятинский писал в октябре 1861 года, что основная цель переселения – «избавить Кавказское плоскогорье от горцев... и открыть прекрасные и плодородные места для... казачьего поселения» [6]. 1 мая 1864 года он поздравил Александра II с окончанием Кавказской войны и в этом же письме высказал свои пожелания: «Без потери времени и насколько возможно выселять горцев в Турцию, а когда страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда».

Тем, кто давал согласие переселиться на Кубань, было обещано, что они получат земли в вечное владение, сохранят свое народное устройство и суд. Но Прикубанские земли – болота, отводимые горцам, «могли всего менее прельстить их, так как в тех местах болели казаки, переселившиеся туда со степного пространства, то каким образом... могли перенести это жители гор, дышавшие всегда свежим, здоровым воздухом...».

Как альтернативу горцам предлагали переселение в Турцию, обещали «казенную помощь». Таким образом, российское правительство добивалось освобождения земель, удаления непокорного горского населения и ускорения в «усмирении» края. По «Отчетам наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказской армией. 1857, 1858, 1959» видно, что князь Барятинский прекрасно понимал, какую роль играет земля: «Привязанность к родной почве составляет главную черту в характере горцев».

Известен факт, когда горцы попытались найти понимание у императора Александра II. 18 сентября 1861 года в урочище Мамрюк-Огой черкесская депутация была принята Александром II. Депутация требовала прекращения захвата земли и заселения ее станицами и крепостями, строительства дорог и... военных действий. Император ответил: «Выселяться, куда укажут, или переселяться в Турцию...» [7].

Рапорт Великого князя Михаил Николаевича, подготовленный до окончания войны на Кавказе, показывает, что у российского правительства был хорошо разработанный план решения черкесской проблемы: «...состояние дел в западной части Кавказа к началу весны этого года было таково: весь северный склон горного хребта, начиная от Лабы и до моря, и южный склон, от устья Кубани до бывшего форта Вельяминовского были очищены от враждебного населения... горцы, отрезанные нашими войсками от горы, были поставлены в условия: или в течение февраля они оставили бы свои аулы и перешли со своими семействами и имуществом к Убину или в те места, которые им были предписаны для их размещения в долине Кубани или же для выселения в Турцию... 21 февраля отряд под личным командованием генерал-адъютанта графа Евдокимова прошел через перевал Главного Кавказского хребта... Результатом этих действий стало покорение всех горских племен, проживавших между Туапсе и Псезуапе... 5 марта генерал-

майор Гейман... без единого выстрела занял бывший форт Лазарева. Результатом стало массовое переселение шапсугов, которые были партиями сконцентрированы в устье Туапсе для отправки в Турцию» [8].

2 апреля 1861 года Император «принял изъявление покорности» от старшин убыхов, шапсугов, джигетов, выслушал их просьбы и «...приказал им выселиться на берег моря. Этот приказ исполняется. Большие группы горцев расположились на берегу моря и по мере прибытия кораблей за ними отплывают в Турцию» [9]. Горцы имели давние торговые, религиозные и политико-военные связи с Османской империей, поэтому, потерпев поражение в длительной борьбе с Россией, они, безусловно, надеялись на ее помощь. Не имея сил для вооруженного сопротивления, эти народы единственным средством к спасению считали переселение в Османскую империю, где жили их близкие знакомые, правителя которого они признавали как халифа [10].

Вот как передает настроение эпохи газета «Мусульманин»: «Для черкесов турки были дружественным и священным народом. Они представляли себе султана, великого падишаха истинно верующих, как самого могущественного монарха в мире, могущего осыпать их щедрой рукой неисчислимыми богатствами. Они воображали государство султана убежищем, в котором будут жить в довольствии и изобилии... на все советы оставаться на Кубани, они отвечали: «Мы хотим жить и умереть среди наших братьев мусульман. Наше желание – дать покой нашим костям на священной земле...» [11]. Черкесы были убеждены, что Османская империя самая могущественная держава на свете, по своему населению и пространству. Они верили, что султан повелевает всеми европейскими государствами, что, начиная последнюю войну, он не хотел беспокоить своих мусульманских подданных, а приказал французам и англичанам прийти и выгнать русских.

Разумеется, невозможно было организовать переселение горцев в Османскую империю без согласия ее правительства. Роль Османской империи в переселении не меньше, а возможно, и больше роли России. Некоторые историки считают, что вдохновителем переселения, по сути, являлась Турция, стремившаяся завлечь к себе как можно больше черкесов. На протяжении более полувека Османская империя подстрекала горцев к борьбе

против России, оказывала помощь деньгами и оружием. Черкесские племена имели своих постоянных представителей в Константинополе и Трабзоне.

Русский консул в Турции Мошнин писал: «Черкесы были расселены всюду, где только требовалось усилить ими мусульманский элемент населения» [12] или колонизовать пустые и малозаселенные места империи. Турция хотела показать, что Османская империя – покровительница «всех мусульман, а султан – их верховный судья. Вероятно, османы надеялись найти в черкесах «цемент» для сплочения своей распадающейся империи.

Основная причина массового переселения горцев заключалась в проводимой Россией и Турцией политике и в совпадении их интересов в этом вопросе. Что касается европейских государств, то сначала они поддерживали переселенческое движение горцев в Османскую империю, но, поняв, что Россия в скором времени может прочно закрепить за собой Кавказ, а усиление России в этом регионе противоречило интересам и Великобритании, и Франции, их дипломаты делали все, чтобы «парализовать переселение» горцев с Кавказа. Их главный аргумент сводился к тому, что врагов у России этим переселением уменьшится. Под влиянием европейских дипломатов Османская империя посылает воззвание к горцам: «Мусульмане! Если вы желаете опустошить ваши земли, то переселяйтесь в Турцию, если вы желаете быть покорными неверным, переселяйтесь к ним. Но если не желаете ни то, ни другое, то подождите, пока мы увидимся с вами лицом к лицу. Мы прибудем к вам скоро, если угодно Богу. Уже в совете держав положено: чтобы русские держались в прежних границах и оставили бы черкесам занятые ими земли; чтобы черкесы вошли в состав подданных турецкой державы; чтобы все державы были врагами русских... Мы не замедлим подать вам помощь не раньше, как через месяц...» [13].

Кроме выше перечисленных причин, связанных с политикой России и Османской империи, можно выделить и ряд других, способствовавших переселению. Одна из них – религиозная пропаганда. В этом переселении религиозный фанатизм, на который любят ссылаться историки, далеко не играл той роли, какую ему обыкновенно стараются приписать. Существует мнение, что черкесы воевали по религиозным мотивам и добровольно оставили свою землю, чтобы сохранить верность исламу. Такая точка зрения

противоречит многим фактам. В любой державе официальная религия всегда была частью государственной системы, поэтому необходимо понимать религию как идеологический инструмент государственной политики. На протяжении всей тысячелетней истории народы Северного Кавказа были веротерпимыми и исповедовали разные религиозные системы.

А. Мюллер в работе «Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории» считает кавказский мюридизм не религиозным, а политическим явлением, так как он не ставил перед собой глобальной задачи защиты от неверных мусульманских святынь Мекки и Медины. Лидер кавказских горцев Шейх Мансур поставил перед собой цель: объединить все горские народы. Действительно, кавказский мюридизм был политическим движением за единство и независимость народов Северного Кавказа, имея внешне религиозную окраску. В период имамата Шамиля мюридизм имел государственный статус [14], а религиозная сторона мюридизма приобретала все большее значение. Проповедь мюридизма основана на особенном объяснении тариката, части закона, содержащей учение об обязанностях человека: ежеминутное приготовление к вечности и ведение непрерывной войны против неверных. Мюридизм покорила население восточных гор и преобразовал его в воинствующий мусульманский орден.

Используя религиозные факторы, османские агенты начали свою пропаганду среди черкесов за переселение в Турцию. Вот некоторые их призывы: «Переселение – наша судьба. Если это угодно Аллаху, наш долг принять его». «Кто умирает в иноверном государстве, тот попадает в ад». «Невозможно жить в стране неверных и находиться под их властью. В этом случае надо или умереть, сражаясь, или переселиться в мусульманскую страну... вернувшись, вы освободите вашу родину» [15].

Однако интересен тот факт, что большая часть народов Северного Кавказа, исповедовавших ислам, не покинула свою землю, но многие из тех, кто не принял ислам, оказались вовлеченными в этот процесс. Народы Дагестана и Чечни, где ислам пустил более глубокие корни, остались на родине, в то время как убыхи, абхазы, не являвшиеся мусульманами, приняли участие в переселении. Религия не была решающей причиной исхода черкесов на чужбину, хотя религиозная пропаганда и сыграла значительную роль.

Благоприятным для переселения фактором мы считаем религиозно-социальную пропаганду турецких эмигрантов. Чаще всего это был открытый призыв к эмиграции, обещанию лучшей жизни: «Берегите ваши семейства и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов, весь наш народ принимает в этом деятельное участие. Если тяжёлые дела задержат вас до весны, то по окончании их поспешите переселиться с таким же рвением, как предшественники ваши» [16].

Не последнюю роль в решении горцев переселиться в Османскую империю играли их личные и родственные связи. Некоторые родственники занимали большие должности в Турции. Ещё в XVI веке Великим визирем был Черкес Осман-паша, войска которого несколько раз вторгались в Закавказье. Позже Чечен-заде хаджи Хасан-паша был вали Трабзона и возглавлял экспедицию к восточным берегам Чёрного моря. После смерти Махмуда II (1839) власть в империи вообще находилась в руках черкесских военачальников. Во время переселения горцев в Турцию высокие посты в Стамбуле занимали два маршала черкеса: Черкес Хафыз Мехмед и Черкес Исмаил Паша.

Безусловно, главной причиной переселения были Крымская и Кавказская войны, и все остальные причины вытекали из нее. Горцы всегда могли переселиться в Османскую империю, поскольку существовала давняя связь между горцами и османами. Горцы жили мечтой о богатой земле, где султан всех благодетельствует. Поэтому действия российской администрации, все реформы встречали у большей части населения недовольство, вследствие чего возникали конфликты. Все эти причины были звеньями одной цепи. В администрации работали неподготовленные люди, поэтому часто результат их работы был негативным. Данная ситуация сложилась в результате того, что правительство России стремилось скорее и с меньшими потерями закончить эту слишком затянувшуюся войну, а горцы легко поддавались любой агитации против России и следовали за османами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фадеев Р. Собр. соч. СПб., 1889. Т. I. С. 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/>.
2. Фадеев Р. Собр. соч. СПб., 1889. Т. I. С. 74-75.
3. Фадеев Р. Собр. соч. СПб., 1889. Т. I. С. 74.

4. РГВИА. Ф. 38. Департамент ГШ. Оп.1. Д. 64. Л. 10.
5. РГВИА. Ф. 38. Департамент ГШ. Оп. 7. Д. 382. Л. 52об.
6. Русский архив. 1889. Кн. II. С. 284-285. [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book7627/406326/>.
7. Дубровин М. Черкесы (адыге). Нальчик, 1991. С. 357.
8. Фадеев Р. Собр. соч. СПб., 1889. Т. I. С. 155.
9. Покоренный Кавказ. А. Каспари. Снег. Пятигорск. 2010. С. 507.
10. Журнал «Мусульманин» Париж. 1910. № 6. С. 144. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/rlin/fullcard_layers.php?numer=297479&database=Periodika_rl_OPAC.
11. Журнал «Мусульманин» Париж. 1910. № 6. С. 143.
12. Мошнин А. Придунайская Болгария // Славянский сборник. 1877. Т. 2. С. 356 [Электронный ресурс] URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/1990s/1996/no2/1996_2_104.
13. Материалы для описания войны на Западном Кавказе // Военный сборник. 1864. С. 148-149 [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/kavkazskaya-voina-1817-1864-gg-i-psikhologiya-kombatantstva>.
14. Фадеев Р. Письма с Кавказа. СПб., 1865. С. 57.
15. Kafkasyauzeriue be? konferans. istanbul, 1977. S. 137-138.
16. Берже А. Выселение горцев с Кавказа. П. Кавказская старина Пятигорск: СНЕГ, 2011. С. 176.

REFERENCES

1. Fadeev R. *Sobranie sochineniy* [a Collection of Essays]. SPb., 1889. Vol. 1, p. 16. Available at: URL: <https://www.prilib.ru/item/>. (In Russian).
2. Fadeev R. *Sobranie sochineniy* [a Collection of Essays]. SPb., 1889. Vol. 1, p. 74-75. Available at: URL: <https://www.prilib.ru/item/>. (In Russian).
3. Fadeev R. *Sobranie sochineniy* [a Collection of Essays]. SPb., 1889. Vol. 1, p. 74. Available at: URL: <https://www.prilib.ru/item/>. (In Russian).
4. RGVIA [RSMHA]. F. 38. The Department of the General staff The Department of General Headquarters. I. 1. С. 64. L. 10.
5. RGVIA [RSMHA]. F. 38. The Department of General Headquarters. I. 7. С. 382. L. 52ob.
6. *Russkiy Archiv* [Russian archive]. 1889. book 2, pp. 284-285. Available at: URL: <https://runivers.ru/lib/book7627/406326/>. (In Russian).
7. Dubrovin M. *Cherkesy (Adyge)* [Circassians (Adyghe)]. Nalchik, 1991. P. 357.
8. Fadeev R. *Sobranie sochineniy* [a Collection of Essays]. SPb, 1889. Vol. 1, p. 155. Available at: URL: <https://www.prilib.ru/item/>. (In Russian).

9. *Pokorennuyu Kavkaz* [the Conquered Caucasus]. Pyatigorsk, 2010. P. 507.
10. *Zhurnal "Musulmanin"* [Journal "Muslim"]. Paris, 1910. no. 6, p. 144. Available at: URL: http://www.nlr.ru/rlin/fullcard_layers.php?numer=297479&database=Periodika_rl_OPAC.
11. *Zhurnal "Musulmanin"* [Journal "Muslim"]. Paris, 1910. no. 6, p. 143. Available at: URL: http://www.nlr.ru/rlin/fullcard_layers.php?numer=297479&database=Periodika_rl_OPAC.
12. Moshnin A. Danube Bulgaria. *Slavyanskiy Sbornik = Slavic collection*, 1877, vol. 2, p. 356. Available at: URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/1990s/1996/no2/1996_2_104. (In Russian).
13. Materials to describe the war in the Western Caucasus. *Voennyi Sbornik = Military collection*, 1864, pp. 148-149. Available at: URL: <https://www.dissercat.com/content/kavkazskaya-voina-1817-1864-gg-i-psikhologiya-kombatantstva>. (In Russian).
14. Fadeev R. *Pis'ma s Kavkaza* [Letters from the Caucasus]. SPb., 1865. P. 57.
15. Kafkasyauzeriue be? konferans. istanbul, 1977, pp. 137-138.
16. Berge A. *Vyselenie gorcev s Kavkaza* [The Eviction of the Gortsy from the Caucasus]. Pyatigorsk, SNEG, 2011. P. 176.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тлячев А.А. Причины и характер переселения западных адыгов в Османскую империю во второй половине XIX века / А.А. Тлячев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 155–164.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tlyachev A.A. The reasons of resettlement of the west Adyghes to the Ottoman empire in the second half of the XIX century // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 2, pp. 155–164. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Агеева Полина Владимировна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: polina.ageeva1991@yandex.ru

Ageeva Polina Vladimirovna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: polina.ageeva1991@yandex.ru

Белякова Алла Михайловна – преподаватель кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: belyakova81@yandex.ru

Belyakova Alla Mikhaylovna – lecturer of the Department of Pedagogy and Technologies of Preschool and Primary Education, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: belyakova81@yandex.ru

Горшенин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ЧУОО ВО «Медицинский университет «Реавиз» (г. Самара); e-mail: alksandr_gorshenin@rambler.ru

Gorshenin Aleksandr Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Medical University «Reaviz» (Samara); e-mail: alksandr_gorshenin@rambler.ru

Дубовицкая Дарья Александровна – кандидат культурологии, старший преподаватель Педагогического института ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (г. Тамбов); e-mail: dubok-5@mail.ru

Dubovitskaya Darya Aleksandrovna – Candidate of Cultural Studies, Senior Lecturer at the Pedagogical Institute, Derzhavin Tambov State University (Tambov); e-mail: dubok-5@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dudarev51@mail.ru

Dudarev Sergey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dudarev51@mail.ru

Дьякова Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dja_e_an@mail.ru

Dyakova Elena Anatolyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Mathematics, Physics and Methods of Teaching, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dja_e_an@mail.ru

Иманбаева Жулдыз Машинбаева – научный сотрудник центра аль-Фараби Казахского Национального Университета аль-Фараби (г. Алматы); e-mail: izhuldyz@list.ru

Imanbaeva Zhuldyz Mashinbayevna – Researcher at the Al-Farabi Center, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty); e-mail: izhuldyz@list.ru

Курьян Анжела Мисаковна – специалист по учебно-методической работе 1 категории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», преподаватель (г. Армавир), e-mail: d1234d2@yandex.ru

Kuryan Angela Misakovna – specialist in educational and methodological work of the 1st category, Armavir State Pedagogical University, Lecturer (Armavir), e-mail: d1234d2@yandex.ru

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: malakhoffserg@mail.ru

Malakhov Sergey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Associate Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: malakhoffserg@mail.ru

Малинский Анатолий Валериевич (иеромонах Антоний) – председатель комиссии по канонизации святых Армавирской епархии (г. Армавир); e-mail: priest-anatoly@mail.ru

Malinsky Anatoly Valeriyevich (celibate priest Anthony) – Chairman of the Commission on Canonization of Saints of the Armavir diocese (Armavir); e-mail: priest-anatoly@mail.ru

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: panarin.arm@mail.ru

Panarin Andrey Anatolyevich – Doctor of Historical sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: panarin.arm@mail.ru

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: panarina.ist@mail.ru

Panarina Elena Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: panarina.ist@mail.ru

Похилько Александр Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Pokhilko Alexander Dmitrivich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Приймак Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: prijmak1975@mail.ru

Priymak Yuri Vladimirovich – doctor of historical sciences, professor, dean of the historical faculty of the Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: prijmak1975@mail.ru

Сечкарева Галина Гарекиновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dimsol@bk.ru

Sechkareva Galina Garekinovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory, History of Pedagogy and Educational Practice, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dimsol@bk.ru

Соловей Дмитрий Владимирович – преподаватель ФГКВБОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени героя Советского Союза А.К.Серова» (г. Краснодар); e-mail: dimsol@bk.ru

Solovey Dmitriy Vladimirovich – Lecturer of the Krasnodar Military Aviation School for Pilots named after Hero of the Soviet Union A.K. Serov (Krasnodar); e-mail: dimsol@bk.ru

Спирина Валентина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: vispirina@rambler.ru

Spirina Valentina Ivanovna – doctor of pedagogical sciences, professor, professor of department of social, special pedagogics and psychology Armavir state pedagogical university (Armavir); e-mail: vispirina@rambler.ru

Тлячев Анатолий Анатольевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: tlyachev@mail.ru

Tlyachev Anatoly Anatolyevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: tlyachev@mail.ru

Уваров Евгений Алексеевич – доктор психологических наук, профессор Педагогического института ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (г. Тамбов); e-mail: kprivp@mail.ru

Uvarov Evgeniy Alekseevich – Doctor of Psychological Sciences, Professor at the Pedagogical Institute, Derzhavin Tambov State University (Tambov); e-mail: kprivp@mail.ru

Фольк Екатерина Сергеевна – магистрант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: katechka09@inbox.ru

Folk Ekaterina Sergeevna – Master's student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: katechka09@inbox.ru

Фомин Владимир Николаевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Fomin Vladimir Nikolaevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302).

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30 дней** с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 августа 2019 года.

Дата выхода журнала – сентябрь 2019 года.

Основные рубрики журнала:

Педагогические науки

Философские науки

Исторические науки и археология

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);

- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2).

В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производится только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (1 страница = около 1800 знаков без пробелов¹, при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **100 рублей**.

Правила оформления статьи

Объем до 10 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением *.doc.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК (<http://vak.ed.gov.ru/316>).

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объемом не более 7-10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3-6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

¹ Как выяснить примерный объем статьи в страницах? В редакторе MSWord 2003 выбираем меню «Сервис» => пункт «Статистика» в Word 2007 или 2010 Вкладка «Рецензирование» => кнопка «Статистика». Количество знаков без пробелов делим на 1800 и получаем количество страниц.

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54-57. (In Russian).

2. Lindorf L.S., Mamikonians L.G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 12.00.01
УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир,
Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт, г. Армавир,
Российская Федерация

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Keywords: *human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

Abstract. *The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Koni is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16],

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с.
2. Карцев Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 [Электронный ресурс] / С. Фрэнк. – Режим доступа: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical university, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru.

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных

системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____ (название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 2

2019

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Формат 60×84/8.

Усл. печ. л. 20,7. Уч.-изд. л. 9,02. Тираж 300 экз.

Заказ № 55/19.

Издатель:

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35
☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net